

ВЕСТНИК

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 13 | 2012 | ВОСТОКОВЕДЕНИЕ
Выпуск 1 | Март | АФРИКАНИСТИКА

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С АВГУСТА 1946 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

РОССИЯ И ВОСТОК

Рахимова С. К. История изучения тюркского эпического фольклора в России..... 3

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Зарипов И. Р. Морфологическая структура простой глагольной основы в арабском литературном языке 11
Передня А. Д. Категория склонения в древнеуйгурском языке 20
Телицин Н. Н. К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке.... 27
Ульмезова Л. М. Категория аспектуальности в карачаево-балкарском языке 39
Янсон Р. А. Периодизация бирманской фонологической системы. Часть II: Финали..... 48

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

Врадий С. Ю. «Карта России (Агук Ёджида)» — первое корейское описание Приморья. Часть 1 58
Е Байчуань, Чжан Боно. Современный этап изучения истории династии Цин: историческая база 69

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА

© Авторы статей, 2012
© Издательство
Санкт-Петербургского
университета, 2012

<i>Пылев А. И.</i> Суфизм у среднеазиатских тюрок в Караханидский период (XI–XII вв.): основные черты и крупнейшие представители	75
<i>Пылева А. И.</i> Деятельность французских католических миссионеров в контексте геополитической стратегии Франции в Сиаме в XVII в.	85
<i>Яфия Юсиф Джамиль, Мокрушина А. А.</i> Рукописи, посвященные грамматике арабского языка (четыре рукописи из коллекции библиотеки Восточного факультета СПбГУ)	94

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Максудов У. О.</i> Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе	102
<i>Филочкина А. В.</i> Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира	110

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

<i>Джамиль Абу-Аджадж.</i> Развитие женского образования у бедуинов Израиля.....	118
<i>Мыльникова Ю. С.</i> Правовой статус матери и мачехи в системе традиционных отношений танского Китая.....	124
<i>Рыбаков В. М.</i> Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 1.....	129

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

<i>Балаян Б. Т.</i> Армения: рынок лизинговых услуг.....	138
<i>Пугачева Е. В.</i> Анализ причин политической нестабильности в современном Таиланде: Таксин Чинават и таиландская демократия.....	146

IN MEMORIAM

<i>Харатишвили Г. С.</i> Захар Корганов (Зураб Корганашвили). В память о первом (?) грузинском студенте Санкт-Петербургского университета (1817–1821)	154
---	-----

Аннотации	157
-----------------	-----

Abstracts	163
-----------------	-----

Сведения об авторах.....	167
--------------------------	-----

Contents.....	169
---------------	-----

РОССИЯ И ВОСТОК

УДК 78.08:801.81

С. К. Рахимова

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТЮРКСКОГО ЭПИЧЕСКОГО ФОЛЬКЛОРА В РОССИИ

Изучение эпического творчества тюркских народов считается одной из наиболее актуальных задач общей теории фольклора. Важность этого материала связана с тем, что эпосы других народов дошли до наших дней в литературных записях и обработках, а среди тюркских народов до сих пор бытуют различные «живые» эпические жанры в исполнении народных сказителей. Тюркский героический эпос представлен как архаическими образцами (богатырские сказки-песни тюркских народов Сибири: якутов, шорцев, алтайцев), так и более поздними формами героического эпоса (классические героические эпические поэмы: сказание об Алпамыше, сказание об Идиге, «Манас»).

1. Ранние переводы. До революции 1917 г. из тюркоязычных народов Сибири и Средней Азии русским путешественникам, этнографам и фольклористам лучше всего были известны казахи (по старой терминологии — «киргизы», или «киргиз-кайсаки»), которые ранее других вошли в область хозяйственных, политических и культурных интересов Российского государства. Уже в 1812 г. был опубликован стилизованный стихотворный перевод казахского эпического сказания «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» (его автором был Тимофей Беляев). Другой ранний перевод, представивший читателям казахскую сказку об Идиге, был впервые напечатан в 1820 г. в «Сибирском вестнике» его издателем Г. И. Спасским, известным знатоком Сибири. А к началу XX в. казахский эпос уже был известен в двух основных формах: героической поэмы с исторической основой («жыр») и эпической поэмы любовного содержания.

2. Начало систематического изучения эпоса. Начало систематическому изучению эпоса и фольклора тюркоязычных народов было положено в XIX в. В 1860-х годах во время работы в Барнауле В. В. Радлов совершил ряд экспедиций к тюркским народам Сибири (алтайцам, телеутам, шорцам, кумандинцам, тувинцам, казахам, киргизам, абаканским татарам (хакасам), западно-сибирским татарам). С 1866 г. он начал публиковать результаты своих изысканий. В этом году вышел первый том его знаменитого труда «Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири

и Джунгарской степи» [1]. Это собрание содержит записи эпических песен, сказок и других фольклорных жанров казахов, киргизов, уйгуров Восточного Туркестана и тюркских народов Южной Сибири. В 1896 г. Радлов опубликовал VII том «Образцов», посвященный тюркским языкам Крыма, а позднее появился ряд дополнительных томов, составленных его сотрудниками и учениками на материале языков и диалектов других тюркских народов.

В середине XIX в. началось собирание фольклора малых тюркских народностей Южной Сибири (так называемых тобольских татар в бассейнах рек Оби и Иртыша, алтайцев и шорцев, хакасов, тувинцев и якутов). В 1859 г. А. А. Шифнер, член Петербургской академии наук, издал этнографические материалы, собранные М. А. Кастреном и П. Титовым, в немецком стихотворном переводе под названием «Героические песни минусинских татар» (т. е. хакасов). Первым собирателем алтайского фольклора был В. И. Вербицкий — создатель первого алтайского алфавита (на основе русского кириллического) и автор первой грамматики алтайского языка. Позднее Н. Я. Никифоров, уроженец тех мест, выпустил в точном русском переводе интересное собрание алтайских богатырских сказок, обнаруживающих заметное влияние мифологических представлений и шаманизма [2]. Выдающийся собиратель русского фольклора И. А. Худяков, находясь в ссылке в Якутии (1866–1874), издал в «Записках Географического общества» сборник якутских богатырских сказок в русском переводе [3]. Э. К. Пекарский, автор якутско-русского словаря с множеством ссылок на фольклор (Словарь якутского языка, 1–13. Петербург; Петроград; Ленинград, 1907–1930), опубликовал обширное собрание эпических текстов («олонхо») в подлиннике [4]. Чрезвычайно интересный и точный русский перевод таких текстов, собранных ссыльным поляком С. В. Ястремским, был издан лишь в 1929 г. под редакцией С. Е. Малова [5]. Следует отметить, что изучение эпического творчества тюркских народностей Южной Сибири имеет большое значение, так как еще относительно недавно эти народы вели кочевой образ жизни, были оторваны от более многочисленных тюркских народов и, за исключением тобольских татар, находились вне пределов влияния мусульманской культуры. У них сохранилась в чистом виде архаическая форма богатырской сказки, что делает ее особенно интересной для типологического изучения наиболее древних форм среднеазиатского эпоса.

3. XIX в.: работы ученых петербургской школы востоковедения. К петербургской школе востоковедения принадлежали ученый-тюрколог проф. П. М. Мелиоранский, издатель киргизского «Сказания об Едигее и Тохтамыше» (Записки Императорского Русского географического общества. Т. 19. СПб., 1905), и его ученики: академик А. Н. Самойлович, первый исследователь туркменского эпоса и литературы (см., напр.: [6]), И. А. Беляев, издавший две каракалпакские поэмы — «Идиге» и «Кобланды», записанные им самим (первую — с русским переводом) [7]. Богатый материал по казахскому эпосу и народной сказке содержат сочинения Г. Н. Потанина, известного исследователя Сибири и Центральной Азии, уроженца Сибири. Он является автором 4-томного издания «Очерков Северо-Западной Монголии» (СПб., 1881–1883), а также крупных монографий: «Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе» (М., 1899), «Сага о Соломоне» (Томск, 1912), «Ерке. Культ сына неба в Северной Азии» (Томск, 1916). Однако, к сожалению, Г. Н. Потанин опубликовал лишь русские переложения записанных им произведений, достоверные в смысле содержания, но не дающие представления о художественных особенностях оригинала.

Выдающимся исследователем истории и этнографии Средней Азии был В. В. Бартольд (см., напр.: [8]), профессор факультета Восточных языков Петербургского университета, позднее академик. Большинство советских ученых старшего поколения, занимавшихся археологией и этнографией Средней Азии, были его учениками. В. В. Бартольд первым из русских ориенталистов много внимания уделял изучению и популяризации единственного известного нам письменного памятника огузского эпоса «Книга моего деда Коркута». В середине XIX в. немецкий ориенталист Теодор Нёльдеке, крупный специалист по иранскому эпосу, готовил для публикации перевод «Книги Коркута» на немецкий язык, но, не завершив его, передал весь материал своему ученику В. В. Бартольду. Последний, будучи еще студентом, в 1891–1892 гг. переписал один из списков «Книги Коркута» и в течение десяти лет (1894–1904) опубликовал четыре сказания памятника, снабдив их переводом на русский язык. Полный перевод «Книги Коркута», завершённый В. В. Бартольдом в 1922 г., при жизни автора опубликован не был.

4. Работы местных ученых. Необходимо отменить и выдающуюся роль первых местных ученых, получивших образование в России.

К середине XIX в. относится деятельность рано умершего казахского просветителя Чокана Валиханова, внука последнего хана Средней казахской орды и офицера русской службы. Ч. Валиханов участвовал в русских научных экспедициях в районы Джети-суу, озера Иссык-Куль и в Восточный Туркестан. Он записал и перевел на русский язык поэму об Идиге (в казахской и ногайской версиях) и отрывок из киргизской эпопеи «Манас» («Поминки по Кокетею», 1856).

Одним из учеников В. В. Радлова был хакас Н. Ф. Катанов. Он изучал тюркологию на факультете Восточных языков Петербургского университета, а затем стал преподавателем, позднее профессором Казанского университета. Благодаря ему появилось первое издание образцов хакасского фольклора [9].

В 1890–1900 гг. ташкентский фольклорист Абубекр Диваев, башкир по происхождению, работавший среди казахов, напечатал целую серию произведений казахского богатырского эпоса по рукописям грамотных сказителей, сопроводив оригинальные тексты русским прозаическим переводом (см., напр.: [10]).

Работой казахских ученых много лет руководил выдающийся казахский писатель и академик Мухтар Ауэзов, исследователь фольклора и истории казахской литературы. Наряду с обобщающими трудами по казахскому эпосу [11; 12; 13] М. Ауэзов опубликовал в 1935 г. специальную работу о киргизской эпопее «Манас», первое исследование на эту тему [14].

Выдающаяся роль в изучении узбекского эпоса принадлежит Хади Зарифову, инициатору фольклористической работы в Узбекистане. Х. Зарифов является одним из авторов книги «Узбекский народный героический эпос» [15], дающей обзор узбекских эпических поэм и анализ их исторического развития.

5. Советский период. Только в советский период началось полномасштабное изучение киргизского эпоса. Эпопея «Манас», до революции 1917 г. известная лишь в крайне неполной записи В. В. Радлова, была записана в двух полных вариантах, и в 1958–1960 гг. Киргизская академия наук и Союз писателей Киргизской ССР издали сокращенный сводный вариант поэмы (общим объемом около 80 000 стихов). Также был записан и опубликован в популярных изданиях ряд других эпических произведений, не вошедших в цикл «Манас» и до революции 1917 г. неизвестных («Тёштюк», «Эр-Табылды», «Курманбек» и др.)

Большинство каракалпакских эпических поэм также было собрано лишь в XX в. Частично они представляют собой национальные версии героических и семейных сказаний или более поздних «народных романов», которые встречаются у соседних тюркских народов, в первую очередь у казахов и туркмен, а также у узбеков Хорезма и у киргизов. Другие каракалпакские поэмы, такие как «Эр-Зиуар», «Маспатша», «Жас Келен», имеют оригинальный сюжет. Каракалпакский эпос в течение ряда лет собирали, издавали и исследовали Исмаил Сагитов, Каллы Аимбетов, Кабул Максетов (см., напр.: [16]) и другие ученые в Нукусе. В годы Великой Отечественной войны в этой области было сделано важное открытие: записана от сказителя Курбанбай-жырау ранее неизвестная эпическая поэма «Сорок девушек» («Кырк кыз»), насчитывающая около 20 000 стихов. В 1966 г. в Нукусе была опубликована диссертация К. М. Максетова, посвященная поэтике каракалпакского героического эпоса.

Узбекский народный эпос также фактически является открытием советского периода. До революции 1917 г. как в русской, так и в зарубежной науке господствовало ошибочное мнение, что у узбекского народа не сохранилось своего эпоса. Было принято считать, что городская культура и классическая поэзия вытеснили у узбеков народную, в особенности эпическую поэзию старого времени. В дореволюционные годы появились только две публикации, обе по рукописям: воинская повесть «Юсуф и Ахмед», изданная Арминием Вамбери, и «народный роман» «Царевич Санаубар», опубликованный в русском переводе ташкентским этнографом Н. П. Остроумовым (см.: Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина / Записки Императорского Географического Общества по отделу этнографии. Т. XXXIV. СПб: Типография Академии Наук, 1909). В результате интенсивной собирательской работы, проделанной узбекскими фольклористами с начала 1920-х годов, эпическое творчество узбекского народа стало известно во всем своем богатстве и разнообразии. От 50 сказителей из различных районов Узбекистана записано более 150 текстов эпических поэм («дастанов»), охватывающих около 60 сюжетов. В репертуаре узбекских сказителей рядом с древним богатырским эпосом («Алпамыш») и воинской повестью («Юсуф и Ахмед») большое место занимает эпос героико-романтического, авантюрного и сказочно-фантастического содержания («Кунтугмыш», «Ширин и Шакар», цикл «Рустам-хан» и др.). Широкое хождение имеют поэмы цикла «Кёр-оглы», объединяющие элементы героического и романтического (около 40 сюжетов).

В Азербайджане весьма распространены эпические сказания о национальном герое Кёр-оглы и многочисленные народные романы, сходные с туркменскими и малоазиатскими. Их издание и изучение с 1960-х годов осуществляется Азербайджанской академией наук (Х. Араслы, М. Тахмасиб; см., напр.: [17]).

Несмотря на то что первые записи бытующих среди башкир сказаний и песен о Салавате Юлаеве были сделаны ещё в XIX в. (труды Ф. Д. Нефедова [18], М. В. Лоссиевского [19], Р. Г. Игнатьева [20]), написанные на основе народных преданий и легенд и изучения исторического материала, до сих пор не утратили своей научной ценности), систематическое собирание произведений устного народного творчества башкир, в том числе о восстании Пугачева, началось только после 1917 г. Среди первых ученых, занимавшихся изучением сказаний и песен о Салавате, были М. А. Бурангулов [21], А. Н. Усманов [22], А. И. Харисов [23].

Запись татарской версии сказания об Идиге началась в середине XIX в. (Габидулла Ахметджан улы, В. В. Радлов). В начале XX в. отмечается повышение интереса к этому

сказанию, записываются различные татарские варианты. В конце 1930-х — начале 1940-х годов большую работу в этом направлении провели Н. Исабет, Х. Ярми и др. В конце 1940 г. Н. Исабет опубликовал сводный вариант сказания и большую специальную статью [24]. В 1988 г. эпос был издан отдельной книгой, а в 1990 г. появился его перевод на русский язык.

Изданием и исследованием народных сказок тюркских народов Башкирии и Поволжья занимался писатель и критик А. Н. Киреев (Кирей Мэргэн). В 1970 г. в Уфе была опубликована его монография «Башкирский народный героический эпос».

Говоря об изучении тюркского фольклора, нельзя не упомянуть работы В. М. Жирмунского, которые до сегодняшнего дня не утратили своей актуальности. В 1941 г. ученый оказался в эвакуации в Средней Азии, где получил возможность непосредственно изучать эпос, дошедший до наших дней в форме устного бытования. В. М. Жирмунскому удалось сделать ряд конкретных открытий в области изучения эпоса тюркских народов. Основными его работами, посвященными исследованию тюркоязычных эпических произведений, являются: совместная с Х. Зарифовым книга «Узбекский народный героический эпос», небольшая книга «Введение в изучение эпоса “Манас”» (в сб.: Киргизский героический эпос Манас. М., 1961), статья «Некоторые итоги изучения героического эпоса народов Средней Азии» (в сб.: Вопросы изучения эпоса народов СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1958), монография «Эпическое сказание об Алпамыше и богатырская сказка» (М., 1960), статья «Эпическое сказание об Алпамыше и “Одиссея” Гомера» (в сб.: Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.: Изд-во АН СССР, 1957), сборник сравнительно-исторических очерков «Народный героический эпос» (М.; Л.: Гослитиздат, 1962).

Выдающимся событием в изучении огузского эпоса стало второе издание перевода В. В. Бартольда под редакцией академиков В. М. Жирмунского и А. Н. Кононова, осуществленное в 1962 г. издательством АН СССР, с очерком «Огузский героический эпос и “Книга Коркута”» В. М. Жирмунского и комментарием А. Н. Кононова, раскрывающими сущность памятника в плане истории и фольклористики. Это издание вновь пробудило интерес к изучению огузского эпоса в Советском Союзе. Значительным вкладом в исследование данной области является монография Х. Г. Короглы «Огузский героический эпос», опубликованная в 1976 г. В ней Х. Г. Короглы разрабатывает весьма широкий круг вопросов, включающих литературный и исторический аспекты, проблемы поэтики.

Изучением тюркских эпических сказаний Малой Азии занималась профессор кафедры тюркской филологии Ленинградского университета В. С. Гарбузова. Ее монография «Сказание о Мелике Данышменде» [25] до настоящего момента является единственным в отечественной литературе специальным исследованием на эту тему.

VI. Постсоветский период. Несмотря на то что в Советском союзе велась активная работа по записи и изучению фольклора многих тюркских народов, исследование отдельных эпических произведений было запрещено постановлениями ЦК ВКП (б). Такая судьба постигла татарскую версию сказания об Идиге. В постановлениях 1944–1946 гг. о состоянии идеологической работы в Башкирии и Татарии была дана «справедливая критика образа Эдиге» [26, с. 11], после чего собирание эпоса практически прекратилось вплоть до 1960-х годов. В 1962 г. был издан сборник статей В. М. Жирмунского «Народный героический эпос», а в 1973 г. в «Тюркологическом сборнике» появилась его большая работа «П. М. Мелиоранский и изучение эпоса “Едигей”». Тем

не менее первая монография, специально посвященная татарской версии сказания, — книга Ф. Урманче «Народный эпос «Идегей»» — была опубликована только в 1999 г.

В Башкортостане в постсоветский период также отмечается повышение интереса к эпическим сказаниям, о чем свидетельствуют исследования и публикации целого ряда ученых (И. М. Гвоздикава [27], Ф. А. Надришева [28], М. Г. Рахимкулов [29] и др. — см., напр.: [30]).

Продолжается и изучение героических эпических сказаний тюркских народов Сибири. Следует отметить работы таких авторов, как А. Г. Новиков [31], А. В. Кудияров [32], Е. Н. Кузьмина [33; 34], Л. Н. Семенова [35], Н. С. Чистобаева [36].

В бывших советских республиках, а ныне независимых государствах, также активно продолжается работа по изучению национальных версий и оригинальных эпических сказаний (см., напр.: [37; 38; 39; 40]).

В конце 1990-х — начале 2000-х годов появляется большое количество диссертационных исследований по этой тематике:

1. *Арбачакова Л. Н.* Текстология шорского героического эпоса: на примере материалов Н. П. Дыренковой и А. И. Чудоякова. Новосибирск, 1998.
2. *Ойношев В. П.* Символика мифологии алтайского героического эпоса. Горно-Алтайск, 1998.
3. *Шакурова Ш. Р.* Текстология башкирского эпоса «Урал-Батыр»: проблема базового научного текста. М., 1998.
4. *Хайруллина В. И.* Народный эпос «Идегей» и его исторические основы. Казань, 1999.
5. *Ибрагимова Л. Х.* Дастан «Чура батыр» в творчестве тюркских народов. Казань, 2000.
6. *Кусегенова Ф. А.* Ногайские дастаны: национальная специфика, межэтнические и фольклорно-литературные взаимосвязи. Махачкала, 2004.
7. *Валиуллина Ф. М.* Национально-мифологические и религиозные мотивы в дастане «Идегей». Казань, 2005.
8. *Юлдыбаева Г. В.* Сюжет и стиль эпоса «Урал-батыр». Уфа, 2006.
9. *Ягафаров Р. Г.* Башкирский народный эпос «Алпамыша и Барсынхылу»: генезис, специфика, поэтика. Казань, 2007.
10. *Илларионова Т. В.* Текстология олонхо «Могучий Эр Соготох» (сравнительный анализ разновременных записей). Новосибирск, 2006.
11. *Фахрутдинова А. Р.* Дастан «Туляк и Сусылу»: тюрко-татарские варианты. Казань, 2007.
12. *Чистобаева Н. С.* Героический эпос хакасов: тематика и поэтика. Новосибирск, 2007 (см. также: [36]).
13. *Данилова А. Н.* Образ женщины-богатырки в якутском олонхо. Якутск, 2008.
14. *Сикалиев А. И.* Ногайский героический эпос: способы эпического изображения героев. Майкоп, 2008.

Таким образом, становится очевидным, что научный интерес к изучению вопросов тюркской героической эпики в постсоветский период не ослабевает, а скорее усиливается. Тем не менее многие проблемы по-прежнему не освещены в работах российских ученых и, безусловно, требуют дальнейшей разработки.

Литература

1. *Radloff W.* Proben der Volksliteratur der turkischen Stamme Südsibiriens. СПб., 1866–1896.
2. *Никифоров Н. Я.* Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев. Омск: Издание Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического Общества, 1915.
3. *Худяков И. А.* Верхоянский сборник // Записки Вост.-Сиб. отд. Русского Географического общества по этнографии. Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1890. Т. 1. Вып. 3.
4. *Пекарский Э. К.* Образцы народной литературы якутов, собранные Э. К. Пекарским. СПб., 1907–1916.
5. *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов // Труды Комиссии АН СССР по изучению ЯАССР. Т. VII. Л.: Наука, 1929.
6. *Самойлович А. Н.* Из туркменской старины // Сборник в честь семидесятилетия Григория Николаевича Потанина / Записки Императорского Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1909. Т. XXXIV. С. 559–564.
7. *Беляев И. А.* Сказание об Едигее и Тохтамыше // Протоколы заседаний и сообщений членов Закаспийского кружка любителей археологии и истории Востока. Ашхабад, 1917. Вып. 3–4.
8. *Бартольд В. В.* История турецко-монгольских народов // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1968. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов.
9. *Катанов Н. Ф., Радлов В.* Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Часть IX: Наречия урянхайцев, абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб., 1907.
10. *Диваев А. А.* Памятники киргизского народного творчества: киргизская былина о Бикет-батыре / запис. и пер. А. А. Диваевым. Казань: Типолитография Императорского университета, 1897.
11. *Ауэзов М. О.* История казахской литературы. Кзыл-Орда, 1927.
12. *Ауэзов М. О.* Ценные памятники киргизского и казахского фольклора. Алма-Ата, 1935.
13. *Ауэзов М. О.* Проблемы изучения истории казахской литературы. Алма-Ата, 1946.
14. *Ауэзов М. О.* Киргизский героический эпос «Манас» // Ауэзов М. О. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1959.
15. *Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т.* Узбекский народный героический эпос. М.: ГИХЛ, 1947. 520 с.
16. *Максетов К. М.* Каракалпакский эпос. Ташкент: Фан, 1976. 179 с.
17. *Тахмасиб М. Г.* Азербайджанские народные дастаны (средние века). Баку: Элм, 1972.
18. *Нефедов Ф. Д.* Движение среди башкир перед Пугачевским бунтом. Салават, башкирский батыр // Русское богатство. 1880. № 10. С. 83–108.
19. *Лоссиевский М. В.* Пугачевский бригадир Салават и Фариза // Башкирия в русской литературе: в 6 т. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. Т. 2. С. 107–112.
20. *Игнатъев Р. Г.* Башкир Салават Юлаев — пугачевский бригадир, певец и импровизатор // Башкирия в русской литературе: в 6 т. Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1964. Т. 2. С. 82–103.
21. *Бурангулов М. А.* Эпос о батырах. Уфа, 1940.
22. *Усманов М.* О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990.
23. *Харисов А. И.* Неувядающий цветок народной поэзии: о башкирской эпической поэме // Народный эпос Кузы-Курпес и Маян-хылу. Уфа: БФАН СССР, 1964.
24. *Исанбет Н. С.* К пятисотлетию татарского народного дастана «Идегей» // Советская литература. Казань, 1940. № 11–12.
25. *Гарбузова В. С.* Сказание о Мелике Данышменде. М.: Издательство восточной литературы, 1959. 189 с.
26. *Урманче Ф.* Народный эпос «Идегей». Казань: Фэн, 1999. 198 с.
27. *Гвоздиков И. М.* Салават Юлаев. Уфа: Башк. изд-во «Китап», 1992. 256 с.

28. Башкирские народные песни, песни-предания / авт.-сост. Ф. А. Надришева. Уфа: Китап, 1997.
29. *Рахимкулов М. Г.* Воспевшие Салавата. Образ батыра в русской литературе. Уфа: Башк. изд-во, 1994. 158 с.
30. Салават в башкирском фольклоре: в 2 т. Уфа: Инфореклама, 2008.
31. *Новиков А. Г.* Мироззрение эпоса «Олонхо»: национальное достояние // Якутия. 2006. 11 апр.
32. *Кудияров А. В.* Художественно-стилевые традиции эпоса монголоязычных и тюркоязычных народов Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 327 с.
33. *Кузьмина Е. Н.* Героический эпос народов Сибири: аспекты двуязычной эдиции и типологии: на материале серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Новосибирск, 2005.
34. *Кузьмина Е. Н.* Ценностные ориентации героического эпоса народов Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. Вып. 4. С. 92–93.
35. *Семенова Л. Н.* Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 228 с.
36. *Чистобаева Н. С.* Тема семьи в героическом эпосе хакасов // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. Вып. 3. С. 108–111.
37. *Джуманазаров У.* Жанровое разнообразие и идейно-художественные особенности узбекского исторического фольклора. Ташкент, 1991.
38. *Сагандыков Н. Б.* Сходство и различие сюжетов старотюркских письменных памятников и казахского устного творчества: на основе героического эпоса, рассказов, сказок, легенд. Алма-Ата, 1991.
39. *Чимпоеш Л. С.* Дастанный эпос гагаузов. Кишинев, 1997.
40. *Низаматдинов Ж. М.* Каракалпакский народный Дастан «Ер Шора». Нукус, 2000.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81.366

И. Р. Зарипов

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРОСТОЙ ГЛАГОЛЬНОЙ ОСНОВЫ
В АРАБСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Появление новых принципов анализа простой основы арабского глагола свидетельствует об отсутствии убедительной единой трактовки данной проблемы в имеющейся на сегодняшний день научной литературе (см., напр.: [1; 2; 3; 4; 5]).

Целью настоящей статьи является рассмотрение функций согласных и гласных элементов простой основы арабского глагола на материале работ отечественных и зарубежных авторов (Г. М. Габучан, И. М. Дьяконов, С. С. Майзель, В. П. Старинин, ас-Сайид 'Амйн 'Али, ас-Суйй'утй, Шаллаш Хашим Таха, Б. Н. Бачра, М. Бахлул, Д. Кован и др.) в свете компаративного анализа трехсогласных глаголов, отмеченных в современном арабском словаре ал-Мунджид [6].

В арабской морфологии простая основа получила название *ал-муджаррад* — букв. 'обнаженный', 'простой'. Данным термином обозначается основа, в которой составляющие ее элементы (алфавита) являются корневыми, при этом корневой элемент может быть опущен в процессах словообразования или словоизменения только ввиду особенностей морфологической системы языка [7]¹.

Арабские исследователи выделяют трехсогласную простую глагольную основу *ал-фи'лу ас-сул'асиййу ал-муджаррад* — букв. 'простой трехбуквенный глагол', например: *шакара* 'благодарить', *сами'а* 'слышать', *карума* 'быть благородным'; и четырехсогласную простую глагольную основу *ал-фи'лу ар-руб'иййу ал-муджаррад* — букв. 'простой четырехбуквенный глагол', например: *дах'раджа* 'скатывать', *ба'сара* 'рассеивать'. Количество согласных в расширенных глагольных основах не превышает шести, например: *'истах'сана* 'одобрять', *'ихлаулақа* 'изнашиваться', а в простых не может быть меньше трех. Поэтому формы слов, включающие один или два согласных, например: *да'* 'положи', *қи* 'предохрани', — трактуются как слова, в которых опущены согласные, имеющиеся в других формах этих слов, например: *вада'а* 'он положил', *вақайта* 'ты защитил' [8, с. 13].

¹ Данное определение на арабском языке выглядит следующим образом: «Хува ма канат джамй'у хуруфихи 'аслиййатан, ла йаскуту минхә ҳарфун фй тас'арйфи 'ал-калимати ли-ғайри 'иллатин тасрйфиййатин» [7, с. 329].

© И. Р. Зарипов, 2012

В традиционном арабском языкознании используют знаки **فعل** (*фа-‘айн-лām*) при характеристике корня слова как носителя некоей общей идеи. Обозначение составляющих корня посредством данных элементов позволило арабским грамматистам построить деривативные модели, в соответствии с которыми была осуществлена классификация лексики по частям речи. Так были выведены модели глаголов и имен с простыми и расширенными основами. Было установлено, что десять элементов, собранные в выражении *са’алтумūнīхā* — букв. ‘вы спросили меня о ней’, могут как выступать корневыми элементами, так и быть — наряду с краткими гласными — «строительным материалом» в словообразовании и словоизменении. При построении моделей знаками **فعل** (*фа-‘айн-лām*) обозначают только корневые элементы, тогда как некорневые элементы сохраняют свои позиции без изменения, например модель глагола *‘инфатаха* ‘быть открытым’ *‘инфа‘ала*.

Трехконсонантную глагольную основу в зависимости от гласного при втором корневом согласном классифицируют по трем моделям: *фа‘ала*, *фа‘ила* и *фа‘ула*, например: *катаба* ‘писать’, *‘алима* ‘знать’, *заруфа* ‘быть остроумным’. Отмечается, что гласные элементы, зафиксированные при втором и третьем корневом согласном, служат для устранения стечения согласных, например: *фарарта* ‘ты убежал’, *фарра* ‘он убежал’, а при первой корневой согласной — для избежания двухсогласного начала [9, с. 21].

Таким образом, в традиционном арабском языкознании простые и расширенные глагольные основы принято рассматривать в виде моделей, например: **فَعَلَ** (*фа‘ала*), **فَعَّلَ** (*фа‘ала*), **فَاعَلَ** (*фа‘ала*), **أَفْعَلَ** (*‘аф‘ала*). Гласные в арабской словоформе служат для реализации морфонологической системы языка, которая накладывает запрет на стечение двух согласных и двух гласных — как в слове, так и между словами. Арабские исследователи выделяют в слове корневые и некорневые элементы, затем сопоставляют их с той или иной моделью, в рамках которой осуществляют дальнейшее исследование. Например, глагол *фатаха* ‘открывать’ обозначают моделью *фа‘ала*, при помощи которой иллюстрируют грамматические категории данного глагола: перфект, действительный залог, третье лицо, единственное число, мужской род.

В более широком плане, с точки зрения семитологии, вопрос о составляющих элементах простой глагольной основы является дискуссионным. Существует несколько взглядов, которые по-разному трактуют корневые и некорневые элементы основы. Согласно мнению И. М. Дьяконова [10, с. 34] и Г. Ш. Шарбатова [11, с. 29], корнем слова может быть ячейка, состоящая из двух согласных. Так, для глаголов *фараджа* ‘раскалывать’, *фарада* ‘распускать’, ‘разъединять’, *фараса* ‘растерзать’, *фарашиа* ‘расширять’, ‘расстилать’, *фарақа* ‘разделять’, *фарака* ‘растирать’ отмечают, что ячейка, состоящая из двух согласных «фр», имеет общее значение ‘раз-’, т. е. «движение в разные стороны» [12, с. 42]. Этот подход объясняется тем, что многие трехсогласные корни исторически образовались путем префиксации или суффиксации двухсогласному корню новой третьей согласной, а также посредством удвоения второго согласного [3, с. 118].

Однако данной трактовкой нельзя объяснить некоторые факты арабского языка, такие как:

1) метатеза при сохранении семантики, например: *‘амиқа* и *ма‘иқа* ‘быть глубоким’, *ҳамида* и *мадаҳа* ‘восхвалять’;

2) наличие омонимичных корней, например: *басаṭа* ‘расстилать’ и *басуṭа* ‘быть простым’, *дарра ал-ҳалибу* ‘быть обильным (о молоке)’, *дарра ан-набātu* ‘всходить

(о саженцах), *дарра ас-сирāджу* 'светить (о светильнике)', *дарра ал-фарасу* 'стремительно бежать (о коне)'²;

3) наличие заимствований, например: *қақара* 'сокращать' и *қасрун* 'замок' имеют разные корни, последнее из лат. *castra* 'лагерь' [12, с. 42].

Рассматривая материал семитских языков, С. С. Майзель справедливо отмечает, что «слова с трехгласным корнем древнее слов с корнями, содержащими иное количество согласных» [13, с. 106].

Таким образом, положение о двухсогласности корня в глагольной основе может быть связано лишь с объяснением этимологии трехсогласного корня, что лежит в основе словообразования и словоизменения в арабском языке.

По мнению Г. М. Габучана, корень арабского слова представляет собой основу, состоящую из согласных и гласных компонентов. Данный тезис исходит из трактовки понятия «харф» в традиционной арабской морфологии как инвариантного сегмента слова, который содержит два компонента — согласный и чередующийся гласный. Например, харф *ал-ба'у* воспринимается в четырех вариантах *ба*, *би*, *бу* и *б* (с сукуном) и выступает в одном из них в зависимости от структуры слова. Автор также указывает, что гласные элементы не могут быть аффиксами, утверждая, что аффикс относится к вторичному словообразованию и должен присоединяться к основе, не нарушая ее единства [14, с. 121–125].

Однако данную концепцию можно подвергнуть критике, основываясь на следующих положениях.

Во-первых, как известно, аффиксы подразделяют не только на префиксы и суффиксы, но и на инфиксы и диффиксы, разрывающие единство корня [15, с. 26].

Во-вторых, ссылаясь на критерий Ю. С. Маслова о регулярном повторении грамматических морфем (который заключается в том, что окружение данных морфем свободно заменимо другими морфемами, тогда как сами эти морфемы заменяются только морфемами, представляющими им оппозицию [16, с. 142]), можно считать гласные элементы в составе основы грамматическими морфемами. Примером может служить оппозиция гласных в рассмотрении показателей залога; ср.: *катаба* 'он написал' — *кутиба* 'он был написан', *қара'а* 'он прочитал' — *қури'а* 'он был прочитан' и т. д.

Поэтому справедливо будет сказать, что гласные элементы являются частью основы арабского слова, противопоставляемой корню. Таким образом, мнение Г. М. Габучана о том, что корень арабского слова состоит из согласных и гласных элементов, видится не совсем верным.

Третья группа исследователей считает, что основа слова состоит из трех или четырех согласных фонем и размещенных между ними гласных фонем. Комплекс согласных фонем представляет собой корневую морфему, тогда как гласные могут быть деривационными и/или реляционными морфемами [2, с. 125]. Например, в словах *катаба* 'он написал', *кātибун* 'пишущий', 'писатель', *мактубун* 'письмо', *мактабун* 'кабинет', *китāбатун* 'писание', *китāбун* 'книга' четко выделяется корень *ктб* с общим значением «писание».

Следует также признать, что концепция консонантного корня и лексико-грамматической функции гласных в рассмотрении глагольной основы соответствует сути функционирования арабской глагольной системы в целом. Строго заданное распреде-

² Примеры заимствованы из словаря ал-Мунджид [6]. См. корни *бст* и *дрр*.

ление согласных и гласных в каждой модели данной системы, а также закономерности глагольного словообразования требуют наличия трех согласных в качестве носителя лексического значения в простой глагольной основе. Данная закономерность прослеживается и в дериватах от глагольной основы, например от глагола *ва'ада* 'обещать' образованы следующие слова: *ва'идун* 'обещающий', *мав'удун* 'обещанный', *мав'идун* 'назначенная встреча'.

Таким образом, устойчивость консонантного корня в глагольных парадигмах позволяет рассматривать согласные фонемы в простой глагольной основе как элементы корневой прерывистой морфемы. Данное утверждение соответствует тезису о том, что морфема представляет собой минимальную повторяющуюся единицу в том или ином лингвистическом окружении в том же составе и с тем же значением [17, с. 26]. Вместе с тем возникает вопрос относительно корня неправильных глаголов, в частности во время спряжения, когда происходят изменения в структуре корня. Такое явление объясняется особенностями морфонологической системы арабского языка, где в некоторых комбинациях слабый согласный опускается или заменяется на другой элемент. При этом каждое опущение или замена фиксируются определенным образом и сопровождаются изменением структуры форм неправильных глаголов, например гласная *у* (дамма) в словоформе *култа* 'ты сказал' указывает на то, что в данной словоформе опущена вторая корневая согласная *вав*, а гласная *и* (каса) в словоформе *нилта* 'ты получил' — на то, что в ней опущена вторая корневая согласная *йā*. Несмотря на то что сонанты *вав* и *йā* не упоминаются в данных словоформах, они подразумеваются благодаря соответствующим гласным.

Таким образом, трехконсонантизм в неправильных глаголах поддерживается при помощи определенной морфологической структуры данных глаголов, что позволяет идентифицировать консонантный состав корня.

В качестве аргумента в пользу соблюдения трехконсонантизма корня в глагольной основе можно упомянуть о графическом дуализме хамзы: с одной стороны — экспонент согласного, с другой — чисто графический элемент, например: *'амара* 'повелевать', *са'ала* 'спросить', *қара'а* 'прочитать'.

Как отмечает А. Ю. Милитарев, «семитский корень, состоящий из согласных, представляется объективно существующим в психике феноменом, являясь в сознании семитоязычного коллектива носителем реального, хотя и достаточно общего, понятия» [1, с. 21]. Так, арабы при виде сочетания согласных *ктб* мысленно ассоциируют его с абстрактной идеей письма, что соответствует положению о консонантности корня арабского слова.

Как известно, знаки, используемые для передачи кратких гласных: *а* (фатха), *и* (каса), *у* (дамма), — не входят в число элементов арабского алфавита. При письме они не обладают той формой фиксации, которая свойственна согласным фонемам, и, как правило, не отмечаются. Данные обстоятельства подтверждают то, что носителем лексического значения является графически отмеченная консонантная часть слова.

Следует также подчеркнуть численный перевес слов, имеющих три корневых согласных. Так, в современном словаре арабского языка ал-Мунджид [6] насчитывается 8271 глагол I породы с трехгласным корнем. По подсчетам отечественных исследователей количество четырехгласных корней равно 1125, а пятигласных — 44. В процентном соотношении трехгласные корни составляют 82%, четырехгласные — 17%, пятигласные — менее 1% [13, с. 106].

Простые глагольные основы по составу корня подразделяют на следующие группы: 1) правильные трехгласные глаголы; 2) неправильные трехгласные глаголы, т.е. глаголы с первым, вторым или третьим слабым согласным, а также удвоенные; 3) четырехгласные глаголы [18, с. 68].

Правильные глаголы чаще всего содержат три разных согласных в первой, второй и третьей позициях корня, например: *шакара* 'благодарить'. Корень удвоенных глаголов состоит из двух одинаковых согласных во второй и третьей позициях корня и одной в первой, например: *фарра* 'убегать'. Неправильные глаголы имеют элементы *vāv* или *īā* в одной или двух позициях корня. Во многих глагольных формах эти элементы функционируют как слабые согласные; это значит, что в некоторых других формах они заменяемы гласными элементами: *vāv* заменяема гласной *u* даммой, а *īā* — гласной *i* касрой. Например, *суқта* 'ты управлял' имеет корень *свқ*, *сирта* 'ты шел' — корень *сйр*. Элементы *vāv* и *īā* отождествляются как согласные в первой позиции корня, например: *васаба* 'прыгать', *йабиса* 'высыхать', а также в третьей — *да'аута* 'ты позвал', *рамайта* 'ты бросил', хотя в этой позиции они заменяемы гласными в некоторых формах глагола, например: *йад'у* 'он приглашает', *йарми* 'он бросает'. Если элемент *vāv* или *īā* занимает вторую позицию корня, то он заменяется гласным в большей части парадигм глагола, например от корня *қвл*: *қāла* — *йақұлу* 'сказать', от корня *нйл*: *нāла* — *йанйлу* 'получать'. В некоторых глагольных корнях *vāv* и *īā* чередуются в одной и той же корневой позиции, не изменяя значения корня, например от корня *схв*: *сахā* и *сахийа ал-йауму* 'быть чистым, безоблачным'. Иногда корни с *vāv* и *īā* имеют одинаковые значения, например: *бахā* и *бахува* 'быть красивым' от корня *бхв* и *бахийа* 'быть красивым' от корня *бхй*.

В состав корня большинства четырехгласных глаголов могут входить различные согласные, например: *ба'сара* 'рассеивать'. Существует и группа корней, в которых первый и третий, а также второй и четвертый согласные одинаковы, например: *ас'аса* 'наступать', *дамдама* 'ругать'.

Некоторые четырехгласные корни возникли на базе заимствованных слов, имеющих несемитское происхождение [4, с. 24]. Как правило, в данных корнях сохраняются четыре согласных элемента из заимствованного слова, которые располагаются в соответствии с закономерностями морфонологической системы арабского языка, например: *талфана* 'говорить, звонить по телефону'.

В качестве простой глагольной основы принято рассматривать перфектную форму глагола I породы в 3-м лице единственном числе мужском роде [19, с. 22–23], например: *дахала* 'входить', *захабā* 'идти'. Так как речь ведется о «глагольной основе», следует признать, что в ней должны как-то отмечаться грамматические категории глагола. В арабском языке существуют оппозиции глагольных форм, в которых четко представлены морфологические показатели разных грамматических категорий, что свидетельствует о членении глагольной основы на корневые и некорневые элементы. Некоторые исследователи полагают, что каждый гласный элемент основы является морфемой. Первая гласная выражает категорию залога, вторая — валентность глагола, третья — согласование по лицу, числу и роду между тематическим субъектом предложения и лексическим значением глагола [20, с. 34]. Другие ученые считают, что залоговые отношения обозначаются диффиксом, который представляет собой сочетание первой и второй гласной основ [15, с. 26]. Однако обе точки зрения не учитывают ряд фактов, касающихся гласного при втором корневом согласном в перфекте глагола I породы.

Во-первых, пустые глаголы не имеют второго краткого гласного, зафиксированного в правильных глаголах. В некоторых формах удвоенных глаголов он также отсутствует. Следовательно, идея диффикса применима только к расширенным основам арабского глагола, которые, в отличие от простой основы, не подразделяются по морфологическому критерию на разные типы, поэтому имеют лишь один вид оппозиции залога. Деление простой глагольной основы в зависимости от структуры корня на разные типы глаголов позволяет выделить два вида оппозиции залога. Так, в перфекте пустых глаголов это оппозиция гласных *ā* — *ī*, например: *qāla* ‘он сказал’ — *qīla* ‘было сказано’ от корня *qwl* и *bā’a* ‘он продал’ — *bī’a* ‘было продано’ от корня *bī*; в других типах глагола — оппозиция *a* — *u*, например: *katāba* ‘он написал’ — *kuṭība* ‘он был написан’, *maḍḍa* ‘он протянул’ — *mudḍa* ‘он был протянут’. В словаре ал-Мунджид приводится 842 пустых глагола, а это значит, что оппозиция гласных *ā* — *ī* наряду с оппозицией *a* — *u* в выражении категории залога стала утвердившимся в языке явлением. Следовательно, показателем залога в простой глагольной основе выступает только один гласный элемент, как и во многих африканских языках. Так, показателем страдательного залога в берберском языке является префикс *y*, в хауса — суффикс *y*, в языках банту — суффикс *wa* [21, с. 34].

С другой стороны, удвоенные глаголы, как и пустые, объединяют переходные и непереходные глаголы, которые формально не отличаются друг от друга, например: ‘*adḍa* ‘кусать’ — переходный глагол, *zaḥḥa* ‘быть легким’ — непереходный. Отсюда следует, что показатель валентности в них отсутствует. В словаре ал-Мунджид насчитывается 842 удвоенных глагола. Вместе с пустыми глаголами они образуют большой пласт глагольной лексики, который позволяет считать, что роль гласного при втором корневом согласном не заключается в определении валентности глагола.

Во-вторых, в арабском языке засвидетельствованы случаи, когда разные варианты одного и того же глагола обязаны своим возникновением варьированию второго гласного основы [22, с. 34–35; 23, с. 276], т. е. гласного при втором корневом согласном. Это объясняется междиалектным/межъязыковым смещением (*taḍāḥul al-luḡāt*) глагольных форм [24, с. 311], т. е. интерференцией различных языковых систем. При этом глаголы семантически не изменяются, например: *naḥiqa* и *naḥaqa* ‘реветь’ (об осле), *ḍanu’a* и *ḍanu’a* ‘быть низким, подлым’. В словаре ал-Мунджид отмечены такие комбинации варьирования гласного при втором корневом согласном, как:

1) *a* — *u*, например: *baḍana* и *baḍuna* ‘быть крупного телосложения’. В эту подгруппу входит 68 пар глаголов;

2) *a* — *i*, например: *baraḥa* и *bariḥa* ‘появляться’. Данная подгруппа объединяет 312 пар слов;

3) *i* — *u*, например: *baḥila* и *baḥula* ‘быть скупым’. Число пар глаголов, входящих в эту подгруппу, составляет 99;

4) *a* — *i* — *u*, например: *baḥa’a*, *baḥi’a* и *baḥu’a* ‘быть непристойным’. В данной подгруппе зафиксировано 62 пары глаголов.

Таким образом, гласный при втором корневом согласном не воспринимается как маркер переходности/непереходности глагола в сознании языкового коллектива. Следовательно, он не является показателем валентности.

При рассмотрении функции гласного при втором корневом согласном полезно обратить внимание на концепцию И. Ф. Вардуля о билатеральности всех языковых знаков. Суть данной концепции заключается в том, что единицы языка противопо-

ставляются друг другу по содержащейся в них информации — семантической/асемантической. При этом асемантические единицы выступают как «различители знаков более высоких уровней» [2, с. 127]. Так, в арабском языке гласные при втором корневом согласном *а* (фатḥа), *и* (касра), *у* (дамма) в глаголах модели *фа'ала*, *фа'ила*, *фа'ула* являются асемантическими элементами. Данный тезис можно аргументировать, приведя в качестве примера глаголы с одинаковыми корневыми согласными, где гласный при втором корневом согласном выполняет смысловоразличительную функцию, например: *басута* 'быть простым' и *басата* 'расстилать', *хабила* 'беременеть' и *хабала* 'скреплять веревкой', *тами'а* 'сильно желать' и *тamu'а* 'быть жадным'.

Согласно семантическому анализу глагольной лексики, зафиксированной в словаре ал-Мунджид, простые глагольные основы с одинаковыми согласными фонемами делятся на две группы. Первую группу составляют глаголы, образованные от одного корня и отличающиеся друг от друга оттенками значения в зависимости от гласного при втором корневом согласном. В словаре ал-Мунджид приводится 766 пар таких глаголов, в которых представлены следующие чередования гласных:

1) *а* — *у*, например: *сакала* 'взвешивать' и *сакула* 'быть тяжелым'. В данной подгруппе имеется 144 пары глаголов;

2) *а* — *и*, например: *бахаджа* 'радовать' и *бахиджа* 'радоваться'. Такая комбинация гласных объединяет 579 пар слов;

3) *и* — *у*, например: *бакима* 'быть немым' и *бакума* 'намеренно молчать'. Число пар глаголов этого типа составляет 22;

4) *а* — *и* — *у*, например: *наджада* 'побеждать', *наджида* 'уставать', *наджуда* 'быть бесстрашным'. Эта подгруппа состоит из 21 пары глаголов.

Вторая группа объединяет глаголы, которые совпадают в корневых согласных фонемах, но имеют разные гласные при втором корневом согласном и относятся к разным корням. В словаре ал-Мунджид насчитывается 1685 пар таких глаголов. Зафиксированные чередования гласных также позволяют разделить данную группу на четыре подгруппы:

1) *а* — *у*, например: *батала* 'быть ложным' и *багула* 'быть героем'. В эту подгруппу входит 301 пара глаголов;

2) *а* — *и*, например: *бакара* 'раскалывать' и *бакира* 'стать слабым (о зрении)'. Такая комбинация гласных охватывает 1259 пар слов;

3) *и* — *у*, например: *лахима* 'оставаться' и *лахума* 'быть мясистым'. Количество пар глаголов этого типа составляет 77;

4) *а* — *и* — *у*, например: *надаба ал-маййита* 'оплакивать покойника', *надиба аз-захру* 'быть со следами ран (о спине)', *надуба ар-раджулу* 'быть благородным'. Данная подгруппа включает в себя 48 пар глаголов.

Таким образом, смысловоразличительная функция гласного при втором корневом согласном в обеих группах глаголов является достаточно продуктивной. Следовательно, гласный элемент при втором корневом согласном в правильных глаголах, наряду с геминацией в удвоенных глаголах и сонантами *ва̄в* и *й̄а̄* в пустых, выступает как модификатор лексического значения простой глагольной основы.

Из представленного материала можно сделать следующие выводы:

- Объяснение структуры простой основы глагола и выделение глагольных грамматических категорий требует применения различных, дополняющих друг друга концепций. Например, концепция моделирования, представленная в традиционном

арабском языкознании, позволяет выделять корневые и некорневые элементы основы слова, но оставляет в стороне лексико-грамматическую функцию гласных. Концепция прерывистых морфем, определяя гласные основы как служебные морфемы, не затрагивает роль гласного при втором корневом согласном в глагольной омонимии и его смысловозначительную функцию.

- Взаимодействие языковых систем является источником образования в арабском языке вариантных глаголов для выражения одного и того же значения.

- Анализ трехгласных глаголов в словаре ал-Мунджид показывает, что простая глагольная основа в виде моделей *фа'ала*, *фа'ила*, *фа'ула* есть совершенная форма глагола I породы и представляет собой комплекс консонантной корневой морфемы и основообразующих гласных элементов. При этом функции гласных разнятся. Первый и третий гласный являются морфемами, второй — асемантическим элементом. Первый гласный выражает залог, третий — лицо, число и род глагола, тогда как второй выступает в качестве маркера глагольной семантики, за исключением форм глагола, которые вошли в арабский литературный язык вследствие взаимодействия арабских диалектов.

Литература

1. Милитарев А. Ю. Развитие взглядов на семитский корень // Восточ. языкознание / под ред. В. П. Старинина. М.: Наука, 1976. С. 19–25.
2. Кямилиев С. Х. Об одной примечательной черте структуры семитского слова // Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы восточного языкознания»: в 2 ч. М.: Наука, 1977. Ч. 1. С. 125–127.
3. Белова А. Г. Очерки по истории арабского языка. М.: Восточная литература РАН, 1999. 168 с.
4. Bachra B. N. The phonological structure of the verbal roots in Arabic and Hebrew. Amsterdam, 1999. 287 p.
5. Watson J. C. E. The phonology and morphology of arabic. Oxford: Oxford University Press, 2007. 307 p.
6. Al-Munjid fi al-luga wa al-'a'lām. Beirut: Dār al-Mašriq, 1998. 1728 p.
7. 'Abd al-Ganī ad-Daqaq. Mu'jam al-qawā'id al-'arabiia fi an-naḥū wa at-tašrif. Dimašq: Dār al-Qalam, 1986. 616 p.
8. As-Saiid 'Amīn 'Alī. Tašrif al-fi'l. Al-Qāhira, 1974. 164 p.
9. Šallāš Našim Ṭaha. 'Awzān al-fi'l wa ma'āniḥā. an-Najf: Maṭba'a al-'Adab, 1971. 381 p.
10. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. Опыт классификации. М.: Наука, 1965. 119 с.
11. Шарбатов Г. Ш. Современный арабский язык. М.: Восточная литература, 1961. 112 с.
12. Юшманов Н. Ю. Грамматика литературного арабского языка. 3-е изд. М.: Наука, 1985. 176 с.
13. Майзель С. С. Пути развития корневого фонда семитских языков. М.: Наука, 1983. 308 с.
14. Габучан Г. М. К вопросу о структуре семитского слова (в связи с проблемой 'внутренней флексии') // Семитские языки. М.: Наука, 1965. Вып. 2 (Ч. 1). С. 114–127.
15. Старинин В. П. Структура семитского слова. Прерывистые морфемы. М.: Восточная литература, 1963. 115 с.
16. Маслов Ю. С. Введение в языкознание: учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. шк., 1987. 272 с.
17. Кубрякова Е. С. Основы морфологического анализа: на материале германских языков. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2008. 328 с.

18. *Бауэр Г. М.* Язык южноаравийской письменности. М.: Наука, 1966. 119 с.
19. *Cowan D.* An introduction to modern literary arabic. Cambridge: The University Press, 1968. 205 p.
20. *Bahloul M.* Structure and function of the arabic verb. London; New York: Routledge Taylor and Francis Group, 2008. 228 p.
21. *Юиманов Н. В.* Строй арабского языка. Л.: ЛГУ, 1938. 53 с.
22. *Белкин В. М.* Арабская лексикология. М.: Московский ун-т, 1975. 200 с.
23. *As-Suyūṭī.* Al-Muzhir fi 'ulūm al-luga wa 'anwā'ihā. Beirut: Al-Maktaba al-'aṣriia, 1986. М. 1. 651 p.; М. 2. 663 p.
24. *Ibn Qutaiba ad-Dainūri.* 'Adab al-kātib. Beirut: Dār al-Kutub al-'ilmiia, 1988. 448 p.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

А. Д. Передня

КАТЕГОРИЯ СКЛОНЕНИЯ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Предлагаемая статья представляет собой опыт исследования категории склонения древнеуйгурского языка (VII–XIV вв.) на основе функционально-семантического метода.

Поскольку в тюркологии традиционно не проводилось разграничение древнетюркских языков, большая часть работ затрагивала данные «единого» древнетюркского языка (например, [1; 2; 3; 4]). В данной статье принимается точка зрения о существовании нескольких древнетюркских языков. По крайней мере, можно уверенно выделить как минимум два древнейших тюркских языка: язык древнетюркских рунических памятников и древнеуйгурский язык.

Древнеуйгурский язык причисляют к огузо-уйгурским. Так, некоторые исследователи полагают, что древнеуйгурский относится к уйгуро-тюкюйской подгруппе тюркских языков. Данная подгруппа составляет самую древнюю в хронологическом отношении подгруппу языков и состоит из двух древних языков — древнетюркского языка енисейско-орхонских надписей и древнеуйгурского языка, а также двух современных — тувинского и карагасского языков [5, с. 132]. Существует и мнение о том, что древнеуйгурский язык относится к уйгурской подгруппе тюркских языков. К этой группе причисляют тувинский, тофаларский, якутский, хакасский языки [6, с. 7]. Согласно иной точке зрения, представленный главным образом в памятниках буддийского, христианского, манихейского содержания и юридических документах VII–XIII вв. древнеуйгурский язык относится к древним тюркским языкам, предшественниками которых являются древнейшие тюркские языки (см., напр.: [7, с. 142]).

Древнеуйгурский язык представлен рукописями, ксилографами, настенными надписями, надписями на предметах и прочими источниками, имеющими разнообразное содержание и выполненными различными видами письма — уйгурским, манихейским, брахми и др. Наиболее интересными для исследования являются рукописи и ксилографы, в основном содержащие религиозные тексты, реже — юридические и бытовые документы. Религиозные памятники по содержанию разделяют на буддийские, манихейские и христианские, выполненные различным письмом. Основная их часть представляет собой переводы с китайского, согдийского, санскрита. Самой крупной рукописью буддийского содержания считается сутра «Золотой блеск», переведенная с китайского языка предположительно в X в. [8, с. 140].

Среди древнеуйгурских памятников встречаются и оригинальные тексты, сочиненные самими уйгурами [9, р. 13]. Такие тексты занимают, на наш взгляд, особое положение среди памятников, поскольку в них зафиксирован сложившийся к XIII столетию древнеуйгурский язык. Как любые оригинальные произведения, они являются авторскими и лишены, в отличие от «переводных» памятников, следов языкового влияния, которые можно отметить при анализе морфологических и синтаксических особенностей.

Количество древнеуйгурских памятников велико. Большая их часть обнаружена в Турфане, а также в других районах Северо-Западного Китая и датируется IX–XIII вв. Как уже отмечалось выше, в основном это рукописи буддийского и манихейского содержания. Наиболее значительный из манихейских памятников — *Chuastuanift* («Покаянная молитва манихейцев») относится предположительно к V–VII в. Другие манихейские памятники представлены краткими фрагментами.

Переходя к описанию категории склонения в древнеуйгурском языке, следует указать теоретические позиции, на основании которых будет производиться дальнейшее исследование. К ним в первую очередь относятся следующие понятия: падеж, грамматическая форма, грамматическая категория и категория склонения.

Падеж — это форма имени, местоимения или любой субстантивированной части речи, которая появляется в зависимости от отношения этих слов к другим словам в предложении [5, с. 148].

Единого понятия *грамматической формы* не существует, хотя традиционно под последней понимают видоизменения одного и того же слова, которые, выражая одно и то же понятие, одно и то же лексическое содержание, либо различаются дополнительными смысловыми оттенками, либо выражают разные отношения одного и того же предмета мысли к предметам того же предложения [10, с. 38]. Нам, однако, представляется, что грамматической формой следует считать минимальную структурную единицу языковой системы, абстракцию или совокупность абстракций, содержащую правила и модель, программу, необходимую для построения в речи данной разновидности словоформ [5, с. 40].

Грамматическая категория трактуется либо как «ряд противопоставленных друг другу однородных грамматических значений, синтаксически выражаемых теми или иными формальными показателями» [8, с. 127], либо как категории, устанавливающиеся по грамматическим формам, передающим те понятия, которые вкладываются в основу выделяемых категорий [11, с. 237]. Подобные определения не дают точного описания грамматической категории как таковой. Автор принимает точку зрения, согласно которой грамматическую категорию следует рассматривать как структурную словоизменительную единицу более высокого, чем грамматическая *форма*, порядка, поскольку в большинстве случаев она представляет собой совокупность форм, объединяемых одним общим или разными, но однородными, родственными служебными значениями, а также может быть представлена одной формой с автономной семантикой [5, с. 40].

Что же касается *категории склонения* в древнеуйгурском языке, то в различных работах, посвященных грамматике языков древнетюркских памятников, выделяется разное количество составляющих ее падежных форм.

Одни исследователи выделяют семь падежей: основной (или прямой), винительный *-(y)u*, дательный *-qa*, инструментальный *-yn*, местный *-da*, исходный *-dyn* и притяжательный (или родительный) *-(ny)ŋ* [12, с. 32–37]. Другие выделяют восемь падежей, а именно: родительный *-(ny)ŋ* (*Genitiv*), дательный *-qa* (*Dativ*), винительный *-(y)u* (*Akkusativ*), местно-исходный *-da* (*Lokativ-Ablativ*), исходный *-dyn* (*Ablativ*), инструментальный *-yn* (*Instrumental*), экватив *-ča* (*Äquativ*) и направительный *-yaru* (*Direktiv*) [3, с. 86–89]. К тому же к числу падежей причисляют и форму имени, обозначаемую как неопределенный падеж (*Kasus indefinites*), утверждая, что данная форма является именем с нулевым окончанием и выполняет функцию как именительного падежа, так и неопределенной формы имени [3, с. 86]. Необходимо отметить, что Габэн рас-

сма­три­ва­ет так на­зы­вае­мый дре­в­не­тюрк­ский язык, не раз­де­ляя его при этом на язык дре­в­не­тюрк­ских ру­ни­че­ских на­д­пи­сей и дре­в­не­уй­гур­ский язык. Су­ще­ст­вует и дру­гая точка зре­ния, со­г­лас­но ко­то­рой сле­дует вы­де­лять де­вять па­де­жей: ос­нов­ной (без по­ка­за­те­ля), ро­ди­тель­ный *-(ny)ŋ*, да­тель­ный *-qa*, да­тель­но-на­правитель­ный *-yaru*, ви­ни­тель­ный *-(y)u*, мест­ный *-da*, ис­ход­ный *-dyn*, ин­стру­мен­таль­ный *-yn* и срав­ни­тель­ный *-ča* [1, с. 40].

В по­след­них ис­сле­до­ва­ни­ях по грам­ма­ти­ке «древ­не­тюрк­ско­го язы­ка» раз­ли­чают до 12 па­де­жей: и­менитель­ный *nominative* (без по­ка­за­те­ля), ро­ди­тель­ный *genitive* *-(ny)ŋ*, ви­ни­тель­ный *accusative* *-(y)u*, да­тель­ный *dative* *-qa*, мест­ный *locative* *-da*, ис­ход­ный *ablative* *-dyn*, ин­стру­мен­таль­ный *instrumental* *-yn*, эк­ва­тив *equative* *-ča*, на­правитель­ный *directive* *-yaru*, раз­де­литель­но-мест­ный *partitive-locative* *-ra*, упо­добитель­ный *simulative* *-layu* и ко­митатив­ный *comitative* *-lygu* [13, р. 174–186].

Форма имени. Одним из глав­ных яв­ля­ет­ся во­прос о су­ще­ст­во­ва­нии ос­нов­ного (и­менитель­ного) па­де­жа. Тра­ди­ци­онно в тюр­ко­ло­гии считалось, что в па­мят­ни­ках дре­в­не­уй­гур­ско­го пи­сь­ма при­сут­ствует ос­нов­ный па­деж, ко­то­рый не имеет спе­ци­аль­ного па­деж­ного по­ка­за­те­ля и пред­став­ляет со­бой ос­но­ву имени, яв­ля­ясь при этом смы­словым эк­ви­валентом ви­ни­тель­ного па­де­жа, выра­жая об­ъект дей­ствия [12, с. 32].

Ка­ждая па­деж­ная форма — это язы­ковая струк­тур­ная еди­ница, на ос­нове ко­то­рой при поро­жде­нии речи осу­ществ­ля­ется про­из­вод­ство па­деж­ных сло­во­форм с аф­фик­сами. Ско­рее всего, ос­но­ва слова яв­ля­ет­ся формой имени, а не ос­нов­ным па­де­жом. К тому же она не вхо­дит в па­ра­диг­му ка­те­го­рии скло­не­ния, будучи от­дель­ным яв­ле­нием. Сле­дует со­г­лас­иться с тем, что вы­де­ле­ние «ос­нов­ного па­де­жа» оправ­дано при опи­сатель­ном под­ходе к язы­ку, но он не может быть при­знан формой с нулевым по­ка­за­те­лем, облада­ющей соб­ствен­ным па­деж­ным значе­нием [5, с. 101]. От­сю­да сле­дует, что форма имени для тюрк­ских (в том числе и для дре­в­не­тюрк­ских) язы­ков, по всей ви­ди­мо­сти, вы­пол­няет функ­ции ос­но­вы слова, од­на­ко эта ос­но­ва не имеет нулевого по­ка­за­те­ля. Дан­ная ос­но­ва может вы­ступать в раз­лич­ных син­так­сиче­ских функ­циях, на­при­мер в функ­ции под­ле­жа­щего, пря­мого или ко­свен­ного до­пол­не­ния, опре­де­ле­ния, об­сто­я­тель­ства или и­мен­ной части ска­зуе­мого. К этой ос­нове также могут при­со­еди­няться раз­лич­ные аф­фик­сы, в том числе и па­деж­ные. А по­сколь­ку к одной ос­нове при­со­еди­няется обы­чно один па­деж­ный аф­фикс, дан­ная форма не может быть па­деж­ной, так как спо­собна нести аф­фикс.

В рас­смот­рен­ном ма­те­ри­але па­мят­ни­ков были вы­яв­ле­ны толь­ко те слу­чай, в ко­то­рых форма имени вы­ст­упает в функ­ции ви­ни­тель­ного па­де­жа:

...*munday bu adunčsuz jazıuq jazıntımyz ersär...* (Chuast B 35) «...если мы совершили такой неискупимый грех...»; ...*bir aj čaqšapat tutmaq kergäk erdi...* (Chuast L 129) «...было необходимо соблюдать месячный обет воздержания...»; ...*nečä javlaq saqynč saqynur biz...* (Chuast L 137) «...сколько у нас неправедных мыслей (букв.: сколько ужасных дум мы думаем)...»

Родительный падеж *-(n)uŋ, -(n)ıŋ*) вы­ст­упает как мор­фо­ло­гиче­ское средство ука­за­ния на то, что об­ъект, на­зы­вае­мый ис­ход­ной ос­но­вой, мы­слится носите­лем язы­ка как суб­ъект обла­да­ния. В ин­до­евро­пе­истике ро­ди­тель­ный па­деж про­ти­во­постав­ляется в при­гла­го­льном упо­тре­бле­нии форме ви­ни­тель­ного па­де­жа, так как он озна­чает, что дей­ствие, выра­жен­ное гла­го­лом, рас­про­страняется не на весь об­ъем пред­мета, на­зы­вае­мого и­менем, а толь­ко на его часть [10, с. 168]. Не­об­хо­димо уточ­нить, что по­доб­ное по­ни­ма­ние этой формы не со­от­вет­ствует дей­стви­тель­ности тюрк­ских

языков, где родительный падеж в приглагольной функции не употребляется [1, с. 78], что и является отличительной чертой этой формы, занимающей только приименную позицию.

Данный падеж — в частности в рассмотренных памятниках — выражает принадлежность одного предмета или явления другому предмету или явлению. В предложении родительным падежом выражается приименное определение, при этом определяемое оформляется аффиксом принадлежности [14, с. 26].

...iki köziniñ ülgüsü... (Suv 46, 18) «...величина обоих его глаз...»; ...indin qydyruny keçgülig keçügi erür... (Hüen. 1810) «...[это] является переправой, по которой следует переходить на другой берег...»

Винительный падеж $-(y)у, -(i)g, -(u)у, -(ü)g; -(y)n, -ny, -ni, -ay$ выступает как морфологическое средство указания на то, что предмет, называемый основой, воспринимается автором высказывания как объект прямого воздействия. Имя в этом падеже выступает главным образом как прямое дополнение [14, с. 26].

...ojta er oylanyn kişisin tutuy urupan... (ThS II, 43) «...азартный человек поставил в качестве залога свою родню...»; ...any otaju umayaj... (Man I 15, 8) «...[они] не смогут его вылечить...»; ...bir ajqu çaqşapatyу edgüti tükäti aryty tutu umadymyz ersär... (Chuast L 132) «...если мы не смогли хорошо и полностью соблюсти месячный обет воздержания...»

Существует мнение, что форма $-(y)n$ со значением орудности и форма $-(y)n$, передающая прямой объект совместно со значением притяжательности, имеют общее происхождение, а показатели представляют одну и ту же форму, которая под влиянием различных коммуникативных потребностей выражает в речи различные смыслы. Согласно данной точке зрения, форма $-(y)n$ признается более древней, чем форма $-(y)у$, при передаче информации о прямом объекте, причем функция передачи притяжательной связи возникает, скорее всего, не сразу, а уже как второстепенная [14, с. 26]. Для подтверждения такого предположения, как представляется, следует провести не только грамматический анализ текстов памятников, но и установить графические особенности начертания того или иного показателя.

Так, например, в памятнике Тоньюкука можно наблюдать довольно-таки четкое различие между $-(y)n$ как формой винительного падежа после аффиксов принадлежности и $-(y)n$ как аффиксом инструментального падежа. Для обозначения первого случая использовался в основном n , как в словах/словоформах, где по правилам тюркского рунического письма следовало бы ожидать знак N :

𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏 [...qanyn bulmajyn...] (Т.2) «...не имея своего хана...»; 𐰽𐰺𐰍:𐰏𐰤𐰏𐰤:𐰺𐰏𐰤:𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 [...çoyaj quzin qara qımyу olurur etimiz...] (Т.7) «...Мы избрали местом жительства Куз Чугая и Кара-Кумы...»; 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤:𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 [...ol oq tün bodunyn saju ytymyz...] (Т.42) «...в ту ночь мы отправили (послов) к каждому народу...»; 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤:𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 [...on oq süsin sülätdim...] (Т.43) «...я повел в поход войско “десяти стрел”...»

В одном из приведенных примеров, *ol oq tün bodunyn saju ytymyz*, наличие показателя $-(y)n$ обусловлено употреблением послелога *saju*, который управляет винительным падежом [1, с. 125].

Что же касается аффикса инструментального падежа, то в этом памятнике он обозначается знаком $᠋$: 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤:𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤 [...ol jolyn jorysar...] (Т.24) «...если идти той дорогой...»; 𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤:𐰽𐰺𐰍𐰏𐰤𐰆𐰏𐰤 [...bu jolyn jorysar...] (Т.23) «...если идти этой дорогой...»

Отмечен в данном памятнике и случай, когда аффикс обозначен знаком 𐰽: 𐰽𐰺𐰽𐰾𐰽𐰾 [...*ol sabyñ äsidip...*] (Т.22) «...услышав это его слово...» (пер. С. Е. Малова) [8, с. 67]. Здесь С. Е. Малов трактует показатель *-(y)n* как аффикс винительного падежа после аффикса принадлежности [15, с. 90].

На основании анализа материала данного памятника нельзя утверждать, что форма винительного падежа после аффиксов принадлежности и форма инструментального падежа имели одно и то же происхождение, поскольку наличие двух отдельных вариантов их начертания в тексте памятника свидетельствует скорее об обратном.

Дательный падеж (*-qa, -kä; -(ŋ)a, -(ŋ)ä*) сигнализирует о том, что предмет может быть объектом, в направлении которого совершается действие. Имя в дательном падеже обычно выступает как косвенное дополнение, а иногда как обстоятельство [14, с. 26].

Фактический материал памятников показывает, что данный падеж выражал направленность действия в прямом и переносном смысле (а), а также время протекания действия (б).

(а) ...*uluŋqa kičigkä tegi...* (Chuast L 87) «...от мала до велика (букв.: вплоть до старых и малых)...»; ...*sekiz türlüg teginčsiz orunlarqa eltači ayyr ajuu qylynčlarym ersär...* (Suv 138, 10) «...что касается моих тяжких поступков, которые ведут в восемь различных мест, куда не следует попадать...»; ...*ol ödün qyrodis qan ynča tip jarlyqady olarqa...* (М. 2–3) «...тогда царь Ирод так соизволил молвить им...»; ...*sizlärkä/// jemä qorqynč ajynč kelmäsün...* (Tiš 18, a3) «...да не явится к вам страх и смятение...»; ...*er abqa barmyš...* (ThS II 17) «...говорят, что мужчина отправился на охоту...»; ...*köküz eginkä tegi...* (ТТ V А 7) «...до груди и до плеча...»;

(б) ...*künkä tort alqyš azru-a täñrikä kün aj täñrikä küčlüg täñrikä burqanlarqa bir biligin ayyu köñülün alqansyq törü bar erti...* (Chuast L 94–96) «...был закон совершать восхваление бога Зервана, бога Солнца и Луны, могущественного бога и будд четыре раза в день единым знанием и чистым сердцем...»

Местный падеж (*-ta, -tä; -da, -dä*) является морфологическим средством указания на то, что предмет означает место, точку или пространство, где происходит какое-либо событие, а также момент или временной отрезок, в который или в течение которого происходит данное событие (см., напр.: [5, с. 92]).

В рассмотренных памятниках данный падеж использовался для обозначения места протекания действия (а), а также времени протекания действия (б).

(а) *nečä eksüttümüz kergättimiz ersär täñrim emti jazuda boşunu ötünür biz...* (Chuast L 92) «...сколько бы мы ни причиняли недостатков и лишений, теперь, о Боже, мы никак не каемся в грехах...»;

(б) ...*ötrü bütär bir jylta alty käşinlär saqyşy...* (Suv 589, 18) «...затем в одном году завершается счет шести кешинам (т. е. отрезкам времени в два месяца)...»

Исходный падеж (*-dyn, -din, -tyn, -tin*) указывает на то, что предмет, называемый основой, является объектом, от или из которого направлено действие (а), либо сквозь который совершается действие (б). Имя в исходном падеже в предложении является обстоятельственным дополнением [14, с. 26].

(а) ...*qara nomlartyn jyraq kesip jürün nomlaryu tutmaqqa tajanyр...* (Suv 302, 14) «...удаляясь от неправедных учений и опираясь на принятие праведных учений...»;

(б) ...*indin qydyrunuñ kegülüg kečügi erür...* (Hüen. 1810) «...[это] является переправой, по которой следует переходить на другой берег...»

Исходный падеж является новообразованием. Отдельный показатель зарегистрирован лишь в древнеуйгурских памятниках. Что же касается памятников рунической письменности, то в них функцию исходного падежа брал на себя местный падеж.

Инструментальный падеж (-*yn*, -*in*) сигнализирует о том, что предмет, называемый основой, является либо орудием, с помощью которого совершается действие, либо тем предметом, совместно с которым совершается действие. Этот падеж обозначает орудие (материал) или соучастника, при помощи которого или совместно с которым производится действие. В предложении имя в данном падеже выступает в качестве дополнения или обстоятельства [16, с. 82; 2, с. 27].

...*saqynčyn sözün qylynčyn on türlüg suj jazıuq qylytymyz ersär...* (Chuast L 41) «...если мы совершим десять различных грехов и прегрешений мыслью, словом и делом...»

Экватив (**Квантитативный падеж**) (-*ča*, -*čä*) указывает на то, что предмет, называемый основой, является объектом, (а) с которым сравнивают или (б) которому уподобляют другой предмет [5, с. 94–96].

(а) ...*any negülük munča keč kelürtünjüzlär...* (Suv 13, 8) «...почему вы привели его так поздно?...»; ...*jir suv ulus balyqlaryu nomča törüčä ötläju erikläju tutyyl...* (ВТТ IX 47, 3–5) «...ты управляя землей и водой, народами и городами в соответствии с учением и законом...»;

(б) ...*makaşur arqant bu tonuy burqanča saqynu sözüк көңүлін ајау аyyрлажу кедер тона- jur erdi...* (ВТТ IX 170, 25–28) «...Архат Махакашьяпа думал об этом одеянии подобно Будде, искренне восхвалял и превозносил, надевал и носил [это одеяние]...»

Направительный падеж (-*yarı*, -*gärü*, -*narı*, -*ñarü*) сообщает о том, что предмет, называемый основой, является объектом, к которому направлено действие.

...*tebäsınärü barmyş...* (ThS II–V) «...он отправился к своим верблюдам...»; ...*ebınärü kelmiş...* (ThS II–V) «...он вернулся к своему дому...»; ...*beg er jontynyarı barmyş...* (ThS II–V) «...бек отправился к своему табуна коней...»; ...*ol mini eltdäci jumyşylar jügürü taşyarı ünüp üntädilär* (Suv 7, 12–13) «...те слуги, тащившие меня, победив, позвали в горы...»; ...*edligsiz javyz özümin edgügärü uzqyja ötlädiş...* (ВТТ XIII 12 J, 14, 2–3) «...ты превосходно наставил мое бесполезное, плохое тело (на путь) к добру...»; ...*bizınärü kelürdi ersär...* (Chuast. L 227) «...если бы он пришел к нам...»

В результате проведенного исследования были обнаружены примеры лексикализации направительного падежа. Это те случаи, в которых аффикс падежа присоединяется не к основе имени существительного, а к основе имени числительного *bir*. Здесь, скорее всего, приобретается смысл, который отображает совместность.

///*birlä birgärü etildi*///
 (Hüen. VIII 82) «...вместе совершаются...»; ///*birgärü men jämä*///
 (ВТТ XIII 46, 8, 6) «...вместе я также...»

Итак, мы рассмотрели категорию склонения в древнеуйгурском языке. Традиционно древнетюркский язык не разделялся на язык древнетюркских рунических памятников и древнеуйгурский язык, однако в настоящей работе была принята точка зрения, согласно которой это два разных языка, а не один. Категория склонения в древнеуйгурском языке представлена семью падежными формами: родительный (-*(n)yn*, -*(n)in*), винительный (-*yu*, -*ig*, -*uy*, -*üg*; -*ny*, -*ni*, в редких случаях -*ay*), дательный (-*qa*, -*kä*, -*na*, -*nä*), местный (-*ta*, -*tä*; -*da*, -*dä*), исходный (-*tyu*, -*tin*, -*dyn*, -*din*), инструментальный падеж (-*yn*, -*in*) и экватив (-*ča*, -*čä*). В древнеуйгурском, как и в некоторых других тюркских языках, отсутствует «основной» или «именительный» падеж, а так называемую «форму имени» следует рассматривать отдельно, не включая ее в общую падежную парадигму.

Литература

1. Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 570 с.
2. Кондратьев В. Г. Очерк по грамматике древнетюркского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. 65 с.
3. Gabaïn A. V. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950. 373 s.
4. Баскаков Н. А. К вопросу о классификации тюркских языков // Известия АН СССР. ОЛЯ. М., 1952. Т. XI. Вып. 2.
5. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: имя. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 144 с.
6. Самойлович А. Н. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг.: Рос. гос. Акад. тип., 1922. 15 с.
7. Малов С. Е. Древние и новые тюркские языки // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1952. Т. 11. Вып. 2.
8. Маслов Ю. С. Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1998. 272 с.
9. Tekin Ş. Buddhistische Uigurica aus der Yüan-Zeit. Budapest, 1980. 426 p.
10. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 642 с.
11. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1978. 388 с.
12. Насилов В. М. Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во Вост. лит., 1963. 124 с.
13. Erdal M. A Grammar of Old Turkic. Boston, 2004. 575 p.
14. Боркояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976. 160 с.
15. Кормушин И. В. Древние тюркские языки. Абакан: Хакасский гос. ун-т: Тывинский гос. ун-т, 2004. 336 с.
16. Серебренников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. М.: Наука, 1986. 301 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Н. Н. Телицин

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПРИЧАСТИЙ В ДРЕВНЕУЙГУРСКОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о причастиях как глагольных формах на протяжении многих лет считается одним из наиболее спорных в тюркском языкознании. На сегодняшний день не сформировалось единого мнения по поводу их состава, функций, семантики.

Причастные формы глагола обычно классифицируют либо по признаку грамматической семантики, либо по функциональному признаку. Примером рассмотрения причастий с точки зрения грамматической семантики можно назвать классификацию Ю. Немета, согласно которой все причастия в турецком языке делятся на перфектные (определенные *-dik*, неопределенные *-miş*), имперфектные (*-an*, *-r*, *-yor*), «инстантные» (*-acak*) [1, с. 90]. По такому же принципу классифицирует причастия в языке памятников тюркской рунической письменности А. Н. Кононов: причастия настоящего времени (*-r*), прошедшего времени (*-muş*, *-duq*, *-syq*) и будущего времени (*-daçy*) [2, с. 120].

М. Эрдал при описании неличных форм глагола в древнетюркских языках, придерживаясь традиционной точки зрения, выделяет только причастия (*imperfect participles*, *perfect participles or projection participles*) [3, р. 278].

Однако чаще причастия в тюркских языках рассматриваются с функциональной точки зрения. Так, С. Н. Иванов под термином «причастия» в турецком языке объединяет атрибутивные (*-an*), атрибутивно-предикативные (*-ar*, *-miş*), атрибутивно-субстантивные (*-dik*) и атрибутивно-субстантивно-предикативные (*-acak*) формы. Такое разделение функций у причастий, согласно С. Н. Иванову, отражено и в различиях сочетания их с определяемым: атрибутивные и атрибутивно-предикативные причастия являются формами присубъектного определения, а атрибутивно-субстантивные и атрибутивно-субстантивно-предикативные используются при определяемых со значением объекта, места, времени действия (форма *-acak* встречается и как присубъектное определение) [4, с. 35].

Принцип деления причастий по функциям применяет и В. Г. Кондратьев при описании строя древнетюркского языка: причастия состоят из атрибутивных (*-гма*, *-глы*, *-гучы*, *-дачы*) и субстантивно-атрибутивных (*-р*, *-мыш*, *-дык*, *-гу*, *-гулук*, *-йук*, *-сык*) форм [5, с. 93]. Критерием их различения он считает то, что атрибутивные формы могут функционировать как определения с присущим им агентивным значением (определяемое — субъект действия), а субстантивно-атрибутивные формы и как атрибутивы без агентивного значения, и как субстантивы [5, с. 100–103].

Ж. Дени относит причастия турецкого языка по функциональным признакам к «адъективной группе» неличных форм глагола. Однако некоторые формы (*-dik* и *-acak*) оказываются причисленными и к *formes substantives (Déclinables) du Verbe*, куда входят имена действия (масдары), инфинитив [6, р. 454, 460–462, 508–509]. Поэтому Ж. Дени не считает их причастиями, а называет «пропартисипами» [6, р. 477–484, 508–509].

Подобная нетрадиционная трактовка рассматривает причастия в тюркских языках как атрибутивные/адъективные формы глагола, которым присуще «агентивное значение» [7, с. 137]. Другие же формы называют либо «пропартисипами» [6, р. 115–130], либо субстантивно-адъективными формами [8, с. 115–130; 9, с. 41–43; 10, с. 100–103; 11, с. 325].

Критерием для разделения на «адъективные формы» («причастия») и «субстантивно-адъективные формы» следует признать то, что в значении первых, как правило, закреплено определенное взаимоотношение между действием-признаком и предметом — носителем признака: предмет есть производитель действия. Для передачи других отношений, в которых предмет выступает, например, объектом действия, необходима форма страдательного залога [12, с. 37–41]. Данные критерии были выработаны на материале некоторых старых и современных тюркских языков (османский, турецкий и т. п.).

Что же касается древних тюркских языков, то не совсем корректно говорить о «необходимости наличия или отсутствия формы страдательного залога», поскольку в материале памятников такие примеры не обнаружены. Это дает право заключить, что на момент создания рассматриваемых памятников данные формы не испытывали необходимости в страдательном залоге.

При рассмотрении «субстантивно-адъективных форм» следует отметить, что они лишены «агентивного значения» и способны передавать более широкий диапазон отношений между действием-признаком и предметом — носителем признака, не меняя своей залоговой формы.

По всей видимости, эта проблема возникла вследствие того, что термин «причастие» был привнесен в тюркологию из индоевропейского языкознания, в частности русистики, где трактуется «узко»: причастие — атрибутивная (адъективная) глагольная форма. Так, В. В. Виноградов определяет данную форму следующим образом: «причастия, в которых глагольность выражается как окачественное действие, приписанное предмету и определяющее его наподобие имени прилагательного» [13, с. 228].

С другой стороны, существует мнение, что причастия — «это название глагольного признака, обособленного представлением о пассивном признаке, т. е. представлением о свойстве или качестве» [14, с. 82]. Здесь имеется в виду взаимодействие динамического, активного («глагольного») и качественного, пассивного (именного) признаков. Термин «причастие» при этом подразумевает, что обозначаемая им глагольная форма выражает не столько действие, сколько «причастность» к нему [7, с. 146]. Следовательно, согласно данной точке зрения, главное в причастии — совокупность значений (динамического и качественного), где атрибутивность не является единственным свойством. Кроме того, особенности функционирования причастий, по мнению С. Н. Иванова, определяются специфическими чертами грамматического строя языка [7, с. 146–147].

В древнеуйгурском языке к адъективным формам (причастиям) следует относить лишь формы *-daču*, *-yuču*, *-yта*, *-yly* [10, с. 99–100]. Формы *-r*, *-yalyr*, *-myš*, *-duq*, *-juq*, *-yu*, *-yuluq*, *-suq* следует относить к субстантивно-адъективным формам глагола [10, с. 100–103]. Впрочем, такое разграничение весьма условно, поскольку, как представляется, термин «причастие» не совсем применим для тюркских языков. Здесь следует подумать о корректности употребления данного термина и в тюркологии вообще, и в частных тюркских грамматиках. Ниже будет показано, что этот термин не совсем уместен для определения глагольных форм в древнеуйгурском языке.

При анализе функций и семантики **адъективных форм** выяснилось, что в материале памятников только формы *-daču*, *-yüču* выступают исключительно в качестве присубъектных определений. Формы *-yly*, *-yта* объединяются тем, что в адъективной функции могут быть не только присубъектными определениями: в материале памятников обнаруживаются случаи, когда предмет — носитель признака может выступать и как объект действия. Такие случаи отмечены лишь при сочетании с основой глагола *te-* ‘говорить, называть’. При субстантивации данные формы выражают производителя действия, что можно отнести к преобладанию «агентивности» в указанных формах.

Форма *-daču*~*-däči*~*-taču*~*-täči*. Отрицательный статус данной формы образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma-*: *tujmadačylar* (BUYZ I 30–31) от *tuj-*. Наряду с отрицательной формой *-madaču* встречается и *-maču sözlämäči* (ВТТ IX 11, 11) от *sözlä-*.

В языке древнеуйгурских памятников форма *-daču* встречается обычно в функции присубъектного определения: *kin keltäči burqanlar jemä nomlayaj* (ТТ VI 26) ‘Будды, которые смогут прийти позднее, снова будут проповедовать’; *qutrułtaču tynlyyların köñül köküz tüz jylytz qylynč eriklärin utyuraty körür erti* (ВТТ IX 4, 12–14) ‘Он верно видел душу и сердце, корни и происхождение, дела и поступки живых существ, которые могут спасти’; *suw öl ödüs altäcy tamarlary...* (ТТ III 1, 17) ‘Сосуды, которые способны собирать воду и влагу...’

Данная форма имеет семантику «настоящего-потенциального времени» [15, с. 54–58] с оттенком возможности (скорее всего — способности) совершения действия.

Другой характерной чертой данной формы является то, что при окказиональной субстантивации она обозначает только производителя действия: *asyu tusu qyltačylar. ara anada jegräk boltuqmaz* (ВТТ IX 58 v 6–7) ‘Среди тех, кто способен творить добро, лучше матери нет’; *JU SHIH jemä köñül tüziñä tegdäçilär alqu edgü nomlaryu edgü erdämlik erkä tarča bulaly ujur* (BUYZ I 308–310) ‘И так вот те, кто способны постичь основы сознания, при желании могут найти все хорошие учения и все хорошие достоинства’.

Форма *-yусу (-güči/-quču/-küči)*. Отрицательный статус образуется при помощи аффикса глагольного отрицания *-ma-*: *öritmägüči* (ВТТ IX 74, 12) от *örit-* ‘заставить показаться’.

В древнеуйгурских памятниках встречается лишь как присубъектное определение: *otuz jyl jašayučy tynlyylar... oyurlamaqtyn tydylurlar* (ВТТ IX 122 v 3–4) ‘Живые существа, живущие тридцать лет, удерживаются от воровства’; *antay osuyluy baqşyny ögirttürsär ol ögirttürgüçi tetsä bu oq aźunta sidi bulur üçün anyn jany osuuy üç türlüg bolur* (ВТТ VIII A 48–51) ‘Если кто-либо обрадует такого учителя, то у этого заставившего радоваться ученика новый метод для достижения в этом существовании *siddhi* будет трех видов’.

В случае окказиональной субстантивации форма *-yüču* обозначает производителя действия: *biz ilkidä kiši etözintä erkän bor bekni satyuču ertimiz* (ВТТ IX 110 v 12–13) ‘Когда ранее мы пребывали в человеческом теле, мы были теми, кто продает вино и пиво’; *qa qadaşqa tartynyučy bolur* (ТТ VII 37, 14) ‘Он станет тем, кто заботится о родственниках’.

Форма *-yüču* выражает семантику «настоящего времени», точнее — длительного действия, развивающегося на фоне основного действия, с оттенком обычности, постоянности.

Форма *-yly (-y)yly/(-i)gli/(-y)qly/(-i)kli*. Отрицательного статуса не отмечено. Как правило, определяемое по отношению к действию, выраженному данной формой, обо-

значает субъект: *ötrü ök kin terkinin bodistvniñ kelgüsin kütügli kitumati kent ulustaqu bodun... ynča tep tejürlar* (ВТТ IX 146, 5–10) ‘Затем находящийся в городе Китумати (?) народ, ожидающий скорого прихода бодисатвы, так говорит...’; *birla keligli kišilar ödlajü erigljü ol tegin jema özin qan atanty* (Hüen 56 5) ‘Следуя советам пришедших с ним людей, тот принц снова провозгласил себя ханом’.

В древнеуйгурских памятниках зафиксированы случаи, когда определяемое может обозначать также объект (а) и место совершения (б) действия, передаваемого исходной основой: а) *nirvan tegli nomnuj...* (ВТТ I D 329) ‘Учение (книга), которое называется нирвана’; *HSIN tegli burqan joq bolty mu erki* (BUYZ I 65–66) ‘Исчез ли будда, которого называют «сознание»?»; б) *ol ödün täñri elig bögü qan kentü dintarlar erikli quvraqyaru kelti* (ТТ II А 35) ‘Тогда божественный правитель Бёгю-хан сам пришел в собрание (общину?), где находятся избранные (манихейцы)’.

Из материала следует, что форма *-yly* имела семантику действия, развивающегося на фоне основного, так называемого «настоящего времени».

В памятниках отмечены и случаи субстантивации данной формы, где она выражает производителя действия: *ötrü ol ödün jer altynqylar quynčylar ölütcilär alqu ketgäj başy kün erikligin joryyly aj erkligin joryyly jyl erkligin joryyly üzüt erkligin joryyly* (ТТ VI 88–91) ‘И тогда духи подземные, истязатели и убийцы — все исчезнут, сначала бродящие силой солнца, затем бродящие силой луны, потом бродящие силой года (ветра?), потом бродящие силой души’; *kim qaju bodistvlar men saqynčlyy kiši saqynčlyy tynlyy saqynčlyy jaşayly saqynčlyy bolsar ol bodistv ermäz* (ВТТ I F 38–40) ‘Если кто-либо из бодисатв станет мыслящим о себе, о человеке, о живом существе, обо всём живущем, то он не является бодисатвой’.

Форма *-yта (-y)yта/-(i)ymä*. Отрицательного статуса не отмечено. Данная форма выражает действие, развивающееся на фоне основного действия («настоящее время»). Рассматриваемая форма могла выступать как присубъектное определение (а), в редких случаях и как приобъектное (б):

а) *kin keligmä burqanlar jema ynča ök nomlajurlar* (ВТТ IX 50 v 13) ‘Затем будды, которые приходят позднее, снова проповедуют’; *imärigmä qamay bodunyn qaryşyn aşmys üklätmiş* (Suv 607, 17) ‘Он возвысил и увеличил те народы, которые [могли] собираться’; *quşcy itärçi uçuyma tynlyylaryu ölürtäçi boltumuz bayryn joryyma* (ТТ IV А 57) ‘Мы стали птицеловами и сокольниками, и теми, кто убивает летающие и ползающие живые существа’;

б) *bodi tegmä tujunmaq jol...* (ВТТ I D 337) ‘Путь прозрения, который называют *boddhī*’; *bu jertinčüdäki qamay eliglär qanlar tegmä öküşü bodistvlar tetir* (ТТ VI 247) ‘Многие в этом мире, которых называют «элигами» и «ханами», являются бодисатвами’.

При окказиональной субстантивации форма *-yта* обозначает производителя действия: *otluu opru ev barq ol... oyl qyz tegmä bay çoy ol* (ВТТ XIII 15, 25–26) ‘Огненное логово — это дом, а то, что называется сын и дочь, — это узы и пути’; *täñriçi men nomşy men tegmäkä artyzur...* (Chuast 60–61) ‘Будучи обманутым теми, кто говорит: «Я божий посланник, я толкователь веры»...’; *bir igid nomuy tutuyma ikinti jemä jekkä içkäkkä täñri tirän jükünč jükünügmä...* (Chuast 57) ‘Во-первых, те, кто придерживается фальшивых законов и учений, во-вторых, поклоняющиеся демонам и вампирам, называя их божествами’.

Субстантивно-адъективные формы в древнеуйгурском языке можно разделить на две подгруппы: I. Формы *-mys*, *-duq*, которые в адъективной функции имеют широ-

кий диапазон типов соотношений с определяемым; другой их отличительной чертой является то, что в материале цитируемых памятников встречаются случаи как субстантивации, так и субстантивного использования, т. е. они могут и обозначать производителя действия (окказиональная субстантивация), и функционировать наподобие имен действия (субстантивное использование); II. Формы *-r*, *-juq*, *-yu*, *-yuluq* объединяются тем, что в субстантивной функции они «опредмечивают действие», а в адъективной функции соотносятся с определяемым подобно формам *-myš*, *-duq*.

Форма *-myš* (*-miš/-muš/-müš*). Отрицательный статус в материале памятников отмечен крайне редко и только в памятниках позднего периода: *adqanmatmyš* (BUYZI 211–212) от *adqan-* ‘привязываться, прицепляться’. Это, вероятно, обусловливается тем, что отрицательный статус данной формы полностью соответствовал отрицательному статусу формы *-duq* (*-madiq*). Иными словами, можно полагать, что *-madiq* является одновременно отрицательным статусом форм *-myš* и *-duq* [14, с. 124–127].

Традиционно считается, что *-myš* имеет перфектное значение («прошедшее неочевидное») [2, с. 123]. Однако, как представляется, данная форма передает действие, хронологически предшествующее, свершившееся к моменту действия основного глагола: *xu-a sačtylar sačmyš xu-alary uluy ügmä bolty* (Hüen 2b 20–21) ‘Они разбросали цветы. Разбросанные ими цветы составили большую кучу’; *lū bečin jyl toymyš kiši ayyr bolur ölmäz* (ТТ VI 25, 28) ‘Человек, родившийся в год дракона или обезьяны, будет испытывать невзгоды, но не умрет’; *bu savlaryu ešidip ol törüdü jyylymyš qamay kišilär adyntylylar* (Suv 16, 17–18) ‘Все собравшиеся на этом пире люди изумились, услышав такие слова’.

При адъективном использовании *-myš* определяемое может обозначать субъект (а), объект (б), место (в), время (г) действия, выраженного исходной основой, кроме того, отношения между определением и определяемым могут истолковываться по смыслу (д): а) *jemä qutluu uluy tavyač elintä üč ayylyu nom ötkürmiš kuilip tajşy üdik alip tavyač tilintä jaratmyš* (Hüen 16 a 5–9) ‘В счастливом табгачском городе (государстве) наставник Хуэй Ли, толковавший Трипитаку, воодушевившись, воссоздал ее на табгачском языке’; *kentüni atamyš üniüg anta oq ešidür* (Kuan 190–191) ‘Он слышит голос, зовущий его самого’; *bayyrtyn tebrätmiš ig ol* (ТТ I 221) ‘Это болезнь, распространившаяся из печени’; б) *meniñ ašnuuy ažunta qylmyš öz qylynčym meni unča emgätür* (ТТ VI 16) ‘Мои деяния, которые были совершены в прежних существованиях, причиняют мне такие страдания’; *ötrü kuanşy im pusar ol buşy bermiш erdänilig küntägüg alyp iki ülüш qylty* (Kuan 166–167) ‘Затем Куанши-им-пусар, взяв это драгоценное ожерелье, преподнесенное в виде пожертвования, разделил его на две части’; в) *kentü toymyš qylynmyš meniğü täñri jerin unytu ytdy* (Chuast 14–15) ‘Они забыли вечную землю богов, на которой сами родились и появились’; *suv qutmyš orunuy tuta balyq tüpläziin* (Hüen 6 a 20–21) ‘Пусть заложат город, придерживаясь того места, где была вылита вода’; г) *kuanşi im pusar atyn atamyš oyranta edgü qylynčlyy asyuu tususy antay tetir* (Kuan 54) ‘Польза хорошего деяния в то время, когда произнесено имя Куанши-им-пусара’; *atanmyš küntä azu jañy ev barqqa kirmiш küntä bu bitigig üč kata oqysarlar* (ТТ VI 435) ‘В день, когда дается имя, или в день, когда он входит в новый дом, если прочесть эту молитву (книгу) три раза...’; д) *ol tynlyylaryu ölürtmiš ajuu qylynčqa ökünü qatynu qoturu süzük kirtkinč köñültä turup...* (Suv 11, 12–13) ‘Я, раскаявшись в своих деяниях по поводу убийства тех живых существ и исполнившись истинной верой в своем сердце...’; *birök bitig oqymyš edgü qylynč erdäm bu* (ТТ VI 70–71) ‘Достоинство хорошего деяния, коим является прочтение [по поводу прочтения] этой книги, таково...’

Нередко встречается форма *-muş* в субстантивной функции, когда происходит семантическая операция «опредмечивания» действия: *taqy jemä tört toyum beş jol içintä bir aźunlarta ešäni sanynča toymuşyn üjür saqynur* (ВТТ IX 148 v 24–27) ‘И снова он обдумывает и рассматривает то, как он неоднократно возродился (букв.: о его неоднократно возрождении) во всех отдельных мирах в четырех видах решения и пяти дорогах’; *antay ešitmişim bar* (ВТТ IX 9 v 15) ‘Я так слышал’; *jemä emti nomlamuşym kergäk* (ВТТ IX 50 v 15–16) ‘Вот, снова я должен проповедовать’.

Из этих примеров видно, что в данном случае форма *-muş* отличается от имен действия наличием «временной» семантики. Можно отметить и то, что она способна сочетаться с аффиксами принадлежности и падежей. Например: *ne qylmuşyn aryty bilinmäz boltylar* (Suv 625, 17) ‘Они совсем не сознавали того, что совершили’; *adyn ešidsär etözin körsär saqynmuşy teginmiş joqsuz bolmaz* (Kuan 180–181) ‘Если он услышит его голос, увидит его тело, то его помыслы и желания не окажутся безуспешными’; *ançulaju erür meniñ ešitmişim* (ТТ VI 05) ‘Вот то, что я услышал’.

Отмечена также возможность *-muş* субстантивироваться («окказиональная субстантивация»), причем здесь форма обозначает производителя действия: *küvänçlig suv köznäkiñä soqlunmuşlarqa köni nomluy köprügüg körkittiñiz* (ТТ III 55) ‘Вы показали тем, кто ослеплен отражением в воде высокомерия, мост истинного учения’; *adyn-ta ançulaju kelmişlär birlä tuşuştaqy bolur* (Uig II 35, 26) ‘С другой стороны, состоялась встреча с Так-вот пришедшими’.

Форма *-muş* может сочетаться и с аффиксом экватива *-ča/-čä*, причем данные образования выражают уподобление: *ol oyurda oq bu üč tamudyn ozmuş qutrulmuşça saqyntumyz* (ВТТ IX 177, 23–24) ‘Мы думали в то время, будто уже освободились из этих трех видов ада’; *aryty ozmatyn qutrulmatyn ozmuş qutrulmuşça saqynur sen* (ВТТ IX 116 v 4) ‘Совершенно не освободившись, ты думаешь, будто ты уже освободился’.

При употреблении данной формы с аффиксом местного падежа *-ta/-tä* и с послелогоми *berü* (а) и *kin* (б) выражается обстоятельство времени: а) *kaşıp burqan nirvanqa barmyšta berü evrilmädük nomuy tilgän prnas kent ulusta evirdi* (ВТТ IX 15 v 1–4) ‘В стране *Pirānas* (?) он повернул колесо учения, которое не вращалось с тех пор, как будда *Kasijapa* (?) вошел в нирвану’; б) *jayu ermištä kin satuyçylar jana kelti* (Hüen 2a 15–16) ‘После того как разбойники ушли, торговцы вновь вернулись’; *ydmyšta kin jana jana jarlyyq kelti* (Hüen 15a 21–22) ‘После того как он отослал их, пришло еще одно распоряжение’.

Отмечена возможность формы *-muş* сочетаться с аффиксом дательного падежа (а) и послелогом *üçün* (б), причем данные образования выражают обстоятельство причины: а) *tolp synum söñükim aqramuşqa ertinü qoşajur men* (Uig III 37, 6) ‘Я совершенно изнемогаю из-за боли во всех моих членах’; *sizlär qatayun atamyşqa bu qalyn javlaq-ta ozyaj sizlär* (Kuan 53–55) ‘Вы все должны освободиться от многочисленных врагов и недругов, потому что произнесли его имя’; б) *HSIN üm toymuş üçün buruşamytlyu jayuş qylyuluq JEN niñ etin qanyn jelikin jüräkin tiläjürmen* (BUYZ II 213–214) ‘Так как моя душа родилась, я хочу мяса, крови, костного мозга и сердца человека, принесенного в жертву *prāsvamedhā*’.

Форма *-r* (*-ur/-ür/-jur/-jür/-ar/-är*). Отрицательный статус: *-maz/-mäz*. В языке древнейгуруских памятников данная форма имеет семантику «непрошедшего времени», т. е. действия, развивающегося на фоне действия основного глагола; иногда можно отметить оттенок обычности совершения действия: *toymaz batmaz biligkä tegir* (ТТ VI 127) ‘Он постигает науку, которая не рождается и не исчезает’; *ol kentkä bir olu-*

rur täñri burqan ol (Hüen 7b 8–9) ‘Сидящий в этом городе бог является Буддой’; *ol ödiün jer tutar bodistv orynta turup täñri burqanqa unča tep ötüg ötünti* (Kuan 213–214) ‘В то время он, вступив на место бодисатвы, держащего Землю, так обратился к богу Будде’.

При адъективном использовании определяемое может выступать как субъект (а), объект (б), а также обозначать место (в) или время протекания (г) действия, выраженного исходной основой: а) *adruq adruq etözläri körtgürüp bu sav atlyy jer suvda jor-yjur tynlyylaryy qutqarur* (Kuan 150) ‘Войдя в различные тела, он спасает живых существ, бродящих по земле под названием *sahā* (?)’; *ayup kelir soqyuv suv aytarylyp janturu joryty* (ТТ I 11) ‘Поднимающаяся студеная вода спала и ушла обратно’; б) *basa jana özi jükünür burqanqa baryp jükünti* (Hüen 8b 3–6) ‘Затем он пошел и поклонился будде, которого сам почитал’; *sevär oyuluq qyzyu ulaty ögüg qanuy barča adyryp adyn ažuñqa iltü baryp* (Uig III 43, 5) ‘Он всех разлучит: и любимого сына, и дочь, и мать, и отца — и унесет в другой мир’; в) *jorydym... isig küil erkäčläñür oruyuy...* (Hüen 12b 8–13) ‘Я прошел там (букв.: ту дорогу), где плещутся волны Иссык-Куля’; *olurur orun az-qyja üstün altyn bolsar...* (ВТТ VIII А 159) ‘Если внизу и вверху имеется малое количество мест, где сидят...’; г) *ölügkä törü toqu qylyp öntürür күнтä bu bitig üč qata oqyzun* (ТТ VI 284–285) ‘В день, когда, мучаясь, совершают обряд над мертвым и выносят его, пусть прочтут эту молитву (книгу) три раза’.

В материале цитируемых памятников часто можно встретить случаи субстантивного использования формы *-r*, где совершается семантическая операция опредмечивания действия: *ötrü oyul-qyja aru aru ululylatdy / ty er бүтди күн ај / da qolu jarašuryñ körüp el ornuyja olyurtdylar* (Hüen 7a 16–20) ‘Мальчик рос очень красивым, стал мужем, и, видя, что он способен на это, его посадили на трон (букв.: увидев его пригодность)’; *myastvi teginniñ tony qamyš butaqy üzä asqyn turup tururyñ... körtilär* (Suv 619, 11) ‘Они увидели, что одежда Магастви-тегина висит на ветках камыша (букв.: нахождение/ висение одежды)’.

Отмечены также случаи сочетания формы *-r* с эквативом *-ča/-čä*, причем данные образования выражают уподобление: *eligläri üzä bičägin bičärčä bičärlär qavrajurlar* (ВТТ IX 198, 29–30) ‘Они шарят вокруг и режут руками, словно режут ножом’.

При сочетании с аффиксом местного падежа (а) и с послелогом *üčün* (б) форма *-r* выражает соответственно обстоятельственные значения времени и причины: а) *muny munčulaju täñridäm višajlyy meñilärig teginürtä tünlä bir ün ešilti* (Uig II 28) ‘И вот, когда он достиг божественных чувственно-созерцательных радостей, ему по ночам стал слышаться какой-то голос’; б) *ačuy adyrtlyy bilgäli uqyaly jarajur üčün...* (ТТ VI, прим. 383) ‘Поскольку стало доступным для ясного понимания...’.

Форма *-duq* (*-dük/-tuq/-tük/-dik/-dyq*). Отрицательный статус образуется путем присоединения аффикса глагольного отрицания *-ma-*: *kelmädük* (Uig II 7) от *kel-* ‘приходить’. Как уже отмечалось выше, форма *-maduq* выполняла и функции отрицательного статуса формы *-myš*.

Форма *-duq* имеет семантику «небудущего времени», т. е. либо предшествующего, либо одновременного с основным действием.

При адъективном использовании определяемое может обозначать субъект (а), объект (б) или время протекания (в) действия: а) *unča ešidip erüş öküş qut bulmaduq tojynlar qor ilik tutuq azlanmaq köñüllärin tarqaryp alqu nizvanylaryy öčürüp arxant quty bulurlar* (ВТТ IX 219, 3–7) ‘Так вот услышав, много монахов, которые не достигли благополучия, раскрыли свои алчные сердца, погасили все свои страсти и достигли благополучия архата’; б) *bu bars negü jejür ašadyuy ašy negü öl tep tedi* (Suv 610, 11) ‘Чем

питается эта тигрица, что за пища, которую она ест?»; *arymaduq tsuj erinçülärimin boşuy qolup...* (ТТ IV В 50) 'Вымолив прощение всех моих неисккупленных грехов...'; в) *antran ozup qurtulup burqanlar belgürmädük ödtä tört türlük terin quvraq joq ödtä türk öçül bodun buqun ara alpyn emgäkin kişi azunta toyar* (ВТТ IX 85, 18–23) 'Освободившись оттуда, он возродится благодаря стараниям и усилиям в человеческом существовании среди населения *türk öçül* (?) в то время, когда не появляются будды и нет трех видов общин'.

В случае субстантивного использования форма *-duq* «опредмечивает» действие: *täjri burqan bu nom jarlyq jarlyqap qamay qalyn quvraq ešitmädükün esitmiş teg bulmaduquy bulmys teg bolur* (ТТ VI 456–457) 'Когда Будда доносит это учение, вся большая община становится как будто услышавшей неслыханное и постигшей непостижимое'; *ikinti üzik akšar igid saqynç bodluq belgülik nomlar birlä qatyšlyy ermäz ertükin oqytur* (BUYZ I 126–128) 'Во-вторых, известно, что сознание не может быть смешано со слогами и буквами, с ложными представлениями и с телесными, явными учениями'.

В материале цитируемых памятников отмечена также возможность окказиональной субстантивации данной формы; такие образования называют производителя действия. Подобные случаи зафиксированы лишь в трех примерах: *FO lar bu jertinçüdü belgürmäki ersär tujmaduqlarнын HSIN tözin açaly oqytyaly tujdurıyaly tanuqladuralıyr üçün belgürmiş erür* (BUYZ I 28–30) 'Что же касается появления на этой земле будд, то они появляются для того, чтобы открыть, научить, заставить узнать и помочь осуществить основу сознания тем, кто этого не знал'; *netäg tep tisär köñül tözin umaduqlar iş qylsar ilinmäk japsynmaq umsunmaq küsämäk HSIN üzä qylurlar* (BUYZ I 317–319) 'Если те, кто не понял основу сознания, совершат поступок, то сделают это благодаря сознанию, приязанности, желанию и надежде'.

Форма *-duq* чаще всего встречается в сочетании с падежными аффиксами, выражая разного рода обстоятельственные значения: а) с аффиксом местного падежа, где выражает обстоятельство времени: *körtüktä ešittüktä бүрттүктä jytladuqta tattuqta alqu ödün meñi tuna turquryučy bolurlar* (ВТТ IX 139 v 21) 'Когда они слышат, видят, чувствуют и чуют это, то становятся теми, кто создает радость и власть (?)'; б) с аффиксом дательного-направительного падежа, где выражает обстоятельство цели: *aşnuča ešittürtükkä ydu tegintim* (Hüen 13 b 2–3) 'Я послал с тем, чтобы заранее оповестить'; в) с аффиксом исходного падежа, где выражает обстоятельство причины: *köñül tegli nomta bir ed jemä joq erip quruıy tydyysyz ertükintin sav üzä teggäli bolmaz* (BUYZ I 194–196) 'Так как в учении, называемом «сознание» (душа, сердце?), не существует вещи (материи?) и так как оно пусто и несущественно, невозможно достичь его словами (букв.: словом)'.

Кроме того, в памятниках уйгурского письма можно отметить употребление формы *-duq* с послелогом *üçün* (а), со значением обстоятельства причины, и *ötrü* (б), со значением обстоятельства времени: а) *köñülläri köküzläri... umaduq üçün ol tamuluıy etözlär tamudın ozup qurtulup...* (ВТТ IX 76 v 8–10) 'Так как их сердца и души не могли... то тела каждого, кто находится в аду, освободившись из ада...'; б) *ödi tegdüktä ötrü toyar* (ТТ VI 227) 'Когда приходит их время (букв.: после того как...), они рождаются'.

Форма *-juq/-jük* (предположительно, фонетический вариант формы *-duq*) [16, с. 92–104]. Отрицательный статус *-majıq* < *-ta* + *-juq*.

Форма *-juq* выступает в качестве признака действия, которое реализовано в прошлом, до начала основного действия («абсолютное прошедшее время»). В памятниках древнеуйгурского языка данная форма обычно встречается в функции сказуемого, а случаи адъективного использования редки [1, с. 29].

Определяемое может обозначать субъект (а) и объект (б) действия, выраженно-го исходной основой: а) ...*tükäjük tanaşysyz edgülärin* (ВТТ IX 154, 21) 'Несравненная доброта, которая закончила...'; б) *kim qaju tynlyylar adyn kişinin bermäjük adyn tavarın oqurlasarlار* (ВТТ IX 83 v 21–23) 'Если живые существа крадут у другого человека вещи и добро, которые тот не дает...'

При сочетании с аффиксом дательного-направительного падежа форма *-juq* выражает обстоятельство причины: *tänrikä jayuş aju bermäjükä başyn közin ayrytur* (ТТ VII 25, 1–2) 'То, что он не принес жертву божеству и не соблюдает обетов, вызовет боль в голове и глазах.'

Форма *-yu* (*-gü/-qu/-kü*). Отрицательного статуса не отмечено. Выражает значение будущего времени, иногда с оттенками возможности или долженствования: *ötlädi eriglädi tapu idu qylyqa* (ТТ VII 14, 3) 'Он давал им советы и наставлял их к необходимости служения'; *ozyum qutrulyum joq turur* (Suv 10, 14) 'Я не смогу спастись и избавиться.'

В памятниках древнеуйгурского языка данная форма имеет значение «главным образом субстантивное, выражающее действие или процесс, а также и отвлеченно предметные понятия» [16, с. 65]. Вероятно, вследствие этого форму *-yu* часто относят к именам действия (масдарам) [17, с. 9, 158–166; 18, с. 3–7]. Однако фактический материал, выбранный из памятников, показывает, что форма *-yu* использовалась и в адъективной функции, где могла выступать как присубъектное (а), приобъектное (б) определение, где определяемое могло обозначать место (в), время (г) действия, а также сочетаться изъяснительными отношениями (д): а) *bu jertinçü jer suvdaki tynlyylar birök burqanlar körkin körü qutrulyu tynlyylar ersär kuanşi im pular ol tynlyyqa burqanlar körkin körtgürür nomlajur qutqarur* (Kuan 102) 'Если живые существа, находящиеся в этом мире, являются такими живыми существами, которые могут спастись, увидев (букв.: смотря на...) красоту Будды, то Куанши-им-пусар показывает этим живым существам красоту Будды, проповедует и спасает'; *tänri jerinä baryu joluy aç* (ВТТ IX 47, 8) 'Открой путь, который ведет на землю богов'; б) *bizinä tapyny jüküngü erdäni berip ermiş* (Uig I 8, 18) 'Он дал нам драгоценность, которой нужно поклоняться и которую нужно почитать'; в) *ol tayda djanqa oluryu ünürlär ayazlar öküş...* (Hüen 4a 2) 'В этой горе много пещер, в которых можно будет предаваться созерцанию'; г) *jula tamturyu künlär бүтди* (ТТ VII 40) 'Дни, в которые можно/нужно зажечь факел, закончились'; д) *özliug ölürgü sav birtäm qodup nir jentäm bu nom erdänig boşuntylar bitidilär oqydylar oqyttylar bitittilär* (Suv 17, 13) 'Отбросив сразу слова об умерщвлении живых, они постоянно изучали, держали, писали и заставляли писать это драгоценное писание.'

При субстантивном использовании формы *-yu* происходит семантическая операция «опредмечивания» действия: *amarylary erän eşilärniñ belgülärin körüp qor jay asuq tusu bulyularym körgitirlär ajurlar erti* (ВТТ IX 202, 6–9) 'Другие, увидев приметы мужчин и женщин, показывали и говорили о наличии (букв.: о том, что они могут найти...) в них пользы или вреда.'

Отмечены также случаи сочетания формы *-yu* с послелогом *üçün*, где данное образование обозначает либо обстоятельство цели (а), либо обстоятельство причины (б): а) *alqu barça sizni synaryu üçün* (BUYZ II 262–263) 'Все это было для того, чтобы испытать вас...'; б) *alquny biltäçi boluy üçün tapynyyl* (BUYZ II 37) 'Поклоняйся ему, поскольку он может знать все.'

Форма *-yuluq* (*-gülik/-quluq/-külik*) является, вероятно, одним из вариантов формы *-yu*: *-yuluq* < *-yu* + *-luq* [18, с. 3].

Данная форма имеет семантику «будущего времени», с оттенком возможности или долженствования.

В отличие от *-уи*, форма *-улуq* чаще всего встречается в адъективной функции, что, скорее всего, обусловлено наличием аффикса *-луq* (показатель, образующий прилагательные) [10, с. 102–103]. Данная форма встречается как присубъектное (а) и приобъектное (б) определение; кроме того, определяемое может обозначать место (в) или время (г) протекания действия, а также истолковываться по смыслу (д): а) *quzyun qoburya ulaty javlaq belgülik qorqynçyу ünliу quşlar* (ТТ VI 58) 'Вороны, совы и другие птицы со страшными голосами, указывающими на дурные приметы'; б) *taniqlady baqşysyz bilgülik nomuy* (Hüen 10 а 3–4) 'Он постиг закон, который может познаваться без наставников'; в) *bu ersär arşylar turyuluq orun ol* (Suv 609, 7) 'Что же касается этого, то это то место, где могут/должны обитать отшельники'; г) *ozyuluq qutrulyuluq ödümüz küñümüz taqy tükämäzkän...* (Suv 6, 22–7, 1) 'Пока еще не закончились наши дни и время, когда мы сможем освободиться'; д) *vajročani arxantqa sanram etgülik janyn kepin ajuyp күntä etip бүтүрти* (Hüen 10b 16–19) 'Испросив у архата Вайрочани образец, по которому должен быть построен монастырь, завершили строительство за один день'.

В материале отмечен также случай сочетания формы *-улуq* с послелогом *üçün*, где выражается обстоятельственное значение причины: *teginmäk saqynç qylynç biligtä ulaty alqu nomlar saqynyaly böküngäli bolmayuluq üçün bilga bilig bramit jetä saqynyaly böküngäli bolmayuluq erür* (BUYZ II 608–611) 'Так как ощущения, мысли, дела и сознание (знание?) и другие элементы (*dharm*) нельзя понять и осмыслить, то не в состоянии понять и осмыслить это даже мудрая наука и добродетель (*pāramitā*)'.

В редких случаях субстантивного использования данная форма представляет действие как предмет, т.е. функционально сближается с субстантивами (именами действия), отличаясь от них временной семантикой: *burqan qutynyn tyltayynta bolyuluqy negü bolzun* (ВТТ I D 194) 'Каким же будет его бытие (нахождение?) в благодати будды?'; *kertü tözkä tegdüktä tynlyy tep tetgüliki boltuqmaz* (ВТТ I D 125–126) 'Когда он достиг истинного бытия, то никого не может назвать живым существом (букв.: нет возможности его говорения «живое существо»)'; *öküş sav sözläsär uquyuluqy boltuqmaz* (ВТТ I D 187) 'Если кто-либо говорит много слов, то он не сможет этого понять'.

Форма *-syq* (*-sik*, *-suq*, *-sük*). Встречается лишь в древнеуйгурском памятнике манихейского содержания «Покаянная молитва манихейцев» [3, р. 301–303]. Существует предположение, что аффикс восходит к тюркскому *-asyy/-äsig*, результатом развития которого стал показатель *-asi/-esi* в некоторых современных тюркских языках [19, с. 118–119]. Однако данное предположение представляется сомнительным. Например, *ančulasyq* восходит к глаголу *ančula-* («совершать подношения, поступать определенным образом») [20, с. 137].

Материал памятников позволяет отнести данную форму к субстантивно-адъективным. Во всех отмеченных случаях форма выступает в адъективной функции, причем определяемое либо является объектом действия, выраженного исходной формой (а), либо сочетается «изъяснительными отношениями» (б): а) *nečä sözlämäsиг irinčülüг söz sözläjür biz nečä islämäsиг irinčülüг iş isläjür biz* (Chuast 138) 'Сколько мы произносим греховных слов, которые не следует произносить, сколько мы совершаем неподобающих поступков, которые не следует совершать'; б) *bir biligin aryy köñülin alqansyq törü bar erti* (Chuast 96–97) 'Существовал закон, согласно которому воздают хвалу с единым знанием и чистой душой'; *biz adruq adruq itip jaratryp nomqa kigürsük törü bar erti* (Chuast 106)

‘Существовал закон, согласно которому мы разными способами воссоздаем и перестраиваем свет [пяти богов] и привносим его в учение’; *bir jylqa elig kün aryy dintarča vušanti olursuq törü bar erti* (Chuast 114–115) ‘Существовал закон пятьдесят дней в году соблюдать обряд «вушанти» подобно истинным манихейцам’.

Форма -yalyr (-gälir/-qalyr/-kälir). Следует отметить, что в адъективной функции данная форма встречается крайне редко: *ötrü ol jeklär čstani eligig körüp sinirkälir osuylyu qylynyp tegirmiläjü avlap ynča tep tedilär* (Uig I 40, 4) ‘Затем те демоны, увидев правителя Частани (?) и вознамерившись съесть его (букв.: сделав вид, что вот-вот съедят), окружили его и так сказали...’ В данном случае отношения между определением (*sinirkälir*) и определяемым (*osuy+lyu*) можно истолковать только по смыслу, т.е. как «изъяснительные отношения» [4, с. 37].

Примечательно и то, что данная форма в большинстве случаев употребляется с послелогом *üčün*, а также в форме исходного падежа с послелогом *berü* [21, с. 119–120]: а) *taq jetä inisi //ik qutyalyr üčün antiris jazuqluy tynlyu osuylyu avy// baru jarlyqady* (ВТГ IX 60, 8–11) ‘Затем, чтобы освободить своего младшего брата, он соизволил пойти подобно живому существу, наделенному грехом смерти’; б) *eli turyalyrtyn berü öküş jyllar ötimiš* (Hüen 1a 15) ‘С тех пор как было создано его государство, прошло много лет’.

Из данных примеров вытекает, что при сочетании формы *-yalyr* с послелогам она выступает в функции обстоятельства (*-yalyr üčün* — обстоятельство цели, *-yalyr berü* — обстоятельство времени), т.е. функционально близка остальным субстантивно-адъективным формам (ср.: [6, р. 278]).

Рассмотренные выше глагольные формы следует разделять, учитывая их функционально-семантические особенности, на адъективные формы (причастия) и субстантивно-адъективные формы.

Адъективные формы (*-dačy*, *-yučy*, *-yта*, *-yly*) объединяются общим значением представления действия в виде признака. Данный ряд форм распадается на формы с агентивным значением (*-dačy*, *-yučy*), закрепляющим указание на сопряженность действия с его производителем, и на формы, в семантике которых преобладает агентивность (*-yта*, *-yly*). Последние в редких случаях могут выступать и как приобъектные определения.

Особенно ярко агентивное значение адъективных форм проявляется при их субстантивации: данные образования обозначают производителя действия.

Субстантивно-адъективные формы *-туš*, *-диq*, *-r*, *-juq*, *-yи*, *-yuluq* объединяются тем, что, во-первых, представляют действие в качестве предмета («опредмечивают» действие), а во-вторых, представляют действие в качестве признака. При адъективном использовании они отличаются от адъективных форм отсутствием «агентивного значения», т.е. выступают не только присубъектными определениями.

Особо следует отметить формы *-диq* и *-туš*, которые в редких случаях могут субстантивироваться, выражая при этом производителя действия.

В материале памятников отмечена возможность употребления субстантивно-адъективных форм с послелогам и аффиксами падежей, причем данные образования выражают разного рода обстоятельства, т.е. функционально сближаются с деепричастиями.

Формы *-yalyr*, *-syq* отнесены к классу субстантивно-адъективных лишь по косвенным признакам, поскольку довольно редко встречаются в памятниках. К этим признакам относятся, во-первых, их способность в адъективной функции передавать более

широкий диапазон значений сочетания с определяемым (-*yalyr*, -*syq*) и, во-вторых, возможность передавать обстоятельственные значения при сочетании с падежами и/или послелогами.

Литература

1. *Nemeth J.* Türkische Grammatik. Berlin; Leipzig, 1916. 126 s.
2. *Кононов А. Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–XI вв. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980. 256 с.
3. *Erdal M.* A Grammar of Old Turkic. Leiden; Boston, 2004. 575 p.
4. *Иванов С. Н.* Курс турецкой грамматики. Ч. 2: Грамматические категории глагола. Л.: Изд-во ЛГУ, 1977. 86 с.
5. *Кондратьев В. Г.* Грамматический строй языка памятников древнетюркской письменности (VIII–XI вв.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. 191 с.
6. *Deny J.* Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). Paris, 1921. 1218 p.
7. *Иванов С. Н.* Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на -ган и ее производные). Л., 1959.
8. *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 164 с.
9. *Маматов М. Ш.* К вопросу о категории номинализации действия // Советская тюркология. 1988. № 5. С. 41–52.
10. *Телицин Н. Н.* Атрибутивные и субстантивно-атрибутивные формы древнеуйгурского глагола // Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата: Наука, 1988. С. 96–103.
11. *Гаджихамедов Н. Э.* Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). М., 2000. 385 с.
12. *Гузев В. Г.* О развернутых членах предложения, вводимых глагольными именами, в современном турецком языке // Советская тюркология. 1977. № 5. С. 37–43.
13. *Виноградов В. В.* Русский язык. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
14. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка // Из трудов А. А. Шахматова по современному русскому языку. М., 1952. 272 с.
15. *Насилов В. М.* Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв. М.: Наука, 1974. 101 с.
16. *Насилов В. М.* Древнеуйгурский язык. М.: Изд-во вост. лит., 1963. 122 с.
17. *Щербак А. М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (имя). Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. 191 с.
18. *Тенишев Э. Р., Бирюкович Р. М.* Реликты древнеуйгурской формы на -yüluq в современных тюркских языках // Советская тюркология. 1985. № 3. С. 3–7.
19. *Benzing J.* Bücherbesprechung: Talat Tekin. A grammar of Orkhon Turkic. Bloomington: The Hague, 1968 // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 1980. No. 130. P. 116–120.
20. *Телицин Н. Н.* О происхождении некоторых наречий в древнеуйгурском языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2. 2000. Вып. 1. С. 137–139.
21. *Schulz P.* Verbalnomina und Konverbien als adverbiale Ergänzungen im Altürkischen: Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades / Justus-Liebig-Universität Gießen. Frankfurt, 1978. 245 s.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Л. М. Ульмезова

КАТЕГОРИЯ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Категория аспектуальности — это совокупность таких перифрастических и аналитических глагольных форм, которые имеют видовые (аспектные) и акционсартовые значения. Не подвергается сомнению, что эти значения являются генетически родственными [1, с. 305–444, 547–570; 2, с. 3–11].

Акционсартовые значения («способы действия», «характер протекания действия») — это такие языковые значения, в которых отражены какие-либо объективно присущие действиям качественные или количественные характеристики (быстрота протекания, внезапность, протяжённость, кратность, прерывистость и т. п.) [3, с. 132]. По мнению Ю. С. Маслова, «способы действия не представляют собою грамматических категорий, не образуют чётких парадигматических противопоставлений широкого охвата, остаются в рамках лексических различий между глаголами» [4, с. 10]. Материал тюркских языков не оставляет сомнений в словоизменительной природе акционсартовых форм [5, с. 76–77].

Под видами (аспектами), точнее видовыми значениями, принято понимать: различные наличествующие в языке в известном смысле субъективные «способы представления протекания действия» [1, с. 549]; закрепленные за теми или иными глагольными формами типовые образы, в которых носители данного языка имеют возможность представлять действие при порождении высказывания [4, с. 7–32; 5, с. 76–77].

Категория вида в разных языках характеризуется многообразием не только внешних форм своего выражения, но (что особенно важно) и значительным многообразием внутреннего содержания [1, с. 24]. Как справедливо писал Б. А. Серебренников, «сложность проблемы определения грамматического вида заключается прежде всего в том, что, в отличие от категории времени, эта категория имеет несколько оснований, далеко не одинаковых по своей природе и сущности... категория глагольного вида опирается на известную сумму характеристик действия, из которых каждая требует специального изучения» [6, с. 21].

Осмысление видовой семантики в русском языкознании отталкивается от разделяемой Ю. С. Масловым и рядом других теоретиков формулировки А. М. Пешковского, считавшего, что глагольный вид указывает на то, «как протекает во времени или как распределяется по времени называемое глаголом действие» [7, с. 105; 8, р. 3]. В тюркском языкознании наиболее основательно номенклатура видовых значений была разработана на турецком материале шведским исследователем Ларсом Юхансоном. В частности, в формах турецкого перфекта (с морфемами *-mİştİr* и *-mİşlArdİr* в 3-м лице) и плюсквамперфекта (*-(mİştİ)* он совершенно оправданно выявил сему посттерминального (послепредельного) вида, который сигнализирует о совершенности действия, представляет действие как целостное свершившееся событие, наблюдаемое после достижения им конечного предела; по своему содержанию эта видовая семантика если не тождественна, то весьма близка русскому совершенному виду. А в турецких времен-

ных формах *-(I)yordu*, *-mAktAydl*, *-(A)rdI* этот исследователь установил интрагерминальное (внутрипредельное) видовое значение, которое представляет действие в процессе его осуществления, полностью игнорируя его пределы (границы). Прегнантный вид, по Л. Юхансону, представляет действие в его максимальной насыщенности, т.е. сигнализирует о реальном осуществлении действия в точке наблюдения [9, s. 100–101, 134, 136–137, 283; 10, с. 68–81].

Категория аспектуальности тесно связана с категорией времени, и, как показывает опыт исследований, прежде всего в области индоевропеистики, в некоторых случаях видовое значение является более древним, диахронически предшествующим временному значению [11, с. 88]. Иными словами, «временные оппозиции в системе индоевропейского глагола возникли относительно поздно, во всяком случае, позднее оппозиций видовых» [12, с. 79]. Подобная закономерность отчётливо прослеживается и на материале тюркских языков. Временные формы глагола, наряду с темпоральными, способны содержать и аспектуальные семы. В свою очередь в сфере аспектуальных значений различают видовые и акционсартовые значения.

В тюркских языках ведущим и весьма продуктивным способом выражения аспектуальных значений являются сложновербальные конструкции, образованные сочетанием деепричастия «смыслового глагола с различными формами глагола-модификатора» [13, с. 369]. Такие конструкции отмечаются во всех тюркских языках, однако широта их распространения неодинакова для разных групп. Они более характерны для кыпчакских языков, к которым относится и карачаево-балкарский язык, и менее продуктивны в языках огузской группы [13, с. 369].

«Аналитическими» тюркологическая традиция именуется сложновербальные формы, которые чаще всего имеют структуру: деепричастие смыслового глагола + глагол-модификатор, например карачаево-балкарская словоформа в высказывании: *Нек жил+ап тураса?* «Что ты всё плачешь?».

«Перифрастическими» называют конструкции, состоящие из основ глагольных имён смысловых глаголов и одного из глаголов со значением «быть, находиться» (карачаево-балкарский глагол *болургъа*).

Как показывает опыт пока еще молодой тюркской аспектологии, аспектуальные значения или только семы обнаруживаются у ряда сложновербальных конструкций, а также в составе сложных значений глагольных темпоральных форм.

Состав категории аспектуальности в карачаево-балкарском языке

«Перифрастические» формы

Форма -ГъАн бол-. «Перифрастическая» форма с модальным предположительным значением («наверное, по всей вероятности»), характеризующая прошедшее действие: *Бизде да къар жау+гъан бол+ур* (информант) «Наверное, у нас тоже выпал снег».

Ол алкъынчы кел+ген бол+маз (информант) «Он, наверное, ещё не пришёл».

Форма -(А)рЫкъ бол-, -лЫкъ бол-. Перифрастическая форма с модальным предположительным значением («наверное, по всей вероятности»), характеризующая будущее или воображаемое действие:

Ол бизге кел+лик бол+маз (информант) «Он, наверное, к нам не придет».

Бу ахча алагъа жет+ерик бол+ур (информант) «Наверное, им этих денег хватит».

Форма -ГьАнча бол-. «Перифрастическая» форма с уподобительным значением («как будто»):

Бармагъы уа асыры ачыгъандан, кёзлеринден жилтинле чачыра+гъанча бол+ду (информант) «Он прищемил палец так, что из глаз как будто посыпались искры».

Суусантан тилим тартыл+гъанча бол+дум (информант) «От жажды у меня как будто язык отнялся».

Форма -(Ы)и бол-. Перифрастическая форма с *посттерминальным* видовым значением, представляющая действие как целостный факт, по отношению к которому говорящий мыслится как внешний наблюдатель:

«Итлени»-токълуланы, асламысында жангызлай къалгъан бай японлу тиширыула ал+ып бол+гъандыла (газ. «Заман») «Собачек-барашков в основном покупали одинокие, богатые японки».

Форма -(Ы)учУ бол-. Перифрастическая форма с акционсартовой хабилитативной семьей, характеризующей действие как неоднократно и регулярно совершающееся:

Ол алай, баям, эртте-кеч болса да, быллай кюнню келлигин ангылап айт+ыучу бол+урэди (ШХ, КТП, 192) «Наверное, она говаривала так, понимая, что рано или поздно такой день настанет».

Форма -А бол-. Имеет значение, по-видимому, содержащее видовой семы интра-терминальности (внутрипредельности) и *прегнантности*, т. е. субъективное представление действия во всей его полноте и внутри его начального и конечного пределов [9, s.100–101]:

Бар+а бол+гъанды да, бир уллу эмеген терекге келип тохтагъанды (КъКъ, ЖЖГ, 92) «Шёл он как-то раз, и дошёл до огромного дерева-великана».

Бир къарт къойчу бла бир жаш къойчу Гара-Ауузунда къышлыкъда Айдаболланы Адаболну къойларын кют+е бол+адыла (КъКъ, ЖЖГ, 77) «Как-то раз в зимнем стойбище Гара-Аууз старый пастух и молодой пастух насли скот Айдабола, из рода Айдабола».

Алай сабийни суу узакъгъа алып бар+а бол+гъанды (МТ, 2004, № 2, с. 27) «Но течение уносило ребенка всё дальше и дальше» (действие представлено как *интра-терминальное и прегнантное*).

Форма -мАз(ча) бол-. Перифрастическая форма с акционсартовым фазовым цес-сативно-дуративным (прекратительным) значением, сигнализирующим о прекращении постоянно совершавшегося или длительного действия:

Айтхан сёзлерине уялып, жукъ айталмады, бетиме къара+мазча бол+ду (ТА, ЖЗ, 212) «Ему стало стыдно за то, что он наговорил, он был не в состоянии что-либо еще сказать и (впоследствии) уже не мог смотреть мне в лицо».

«Аналитические» формы

Носителем сложных значений аналитических форм является единство глагольной основы и глагола-модификатора. Собственное служебное значение последнего восходит к исходному лексическому значению глагола, приспособленного для служебной функции, но представляет собой продукт преобразования, модификации в той или иной мере исходного значения. В одних случаях значение глагола-модификатора лишь незначительно отличается от исходного знаменательного лексического, в других — их родство легко просматривается, в ряде случаев служебное значение модификатора ничем не напоминает исходное лексическое значение.

Две сложновербальные формы *-А тур-* и *-(Ы)п тур-* образуются посредством сочетания названных деепричастий смыслового глагола с глаголом *тур-* (в самостоятельном употреблении имеет значение «стоять, вставать, находиться»): форма *-(Ы)п тур-*, как показывает фактический материал, способна совмещать в своём значении семы интрагерминального и прегнантного видов, т. е. выражать наибольшую полноту действия в точке его восприятия при полном игнорировании говорящим его начального и конечного пределов [9, с. 134, 136–137].

Форма *-А тур-*. Примеры с формой *-А тур-* имеют семантику дуративного способа действия, которая сигнализирует о длительном характере процесса, подчёркивая непрерывность его протекания в небольших временных рамках:

Ол эрин, къарындашын да уруиха ашыр+а тур+гъанын унутханды (ШХ, КТП, 225) «Она забыла, что провожает на фронт и мужа, и брата».

Алай аны ахыр кере кёр+е тур+гъанымы уа билмей эдим (ШХ, КТП, 271) «Но я не знал, что вижу её в последний раз».

Форма *-(Ы)п тур-*. Примеры с формой *-(Ы)п тур-* демонстрируют ту же семантику длительности:

Аланы алгъаракъдан окъуна телевизор бла кёргюзт+юп тур+гъандыла (информант) «Их ещё раньше показывали по телевизору».

Жашчыкъла бла къызыккъла иги кесек заманны тынгыл+ап тур+дула (информант) «Мальчики и девочки довольно долго молчали».

Формы *-Ай тур-*. Представляет собой грамматический антоним предыдущих форм:

Сафият а къарамын аны кёзлеринден айыр+май тур+ду (БА, ЖККЪН, 13) «Сафият (долго) не могла отвести взгляд от его глаз».

Охо да, кир+мей тур+маз бери, сабыр айтып, ангылатып бир кёрюме (БА, Къ, 19) «Ну да ладно, не может он долго не заходить сюда, придет, спокойно поговорю, попробую объяснить».

Форма *-ГъАнАй тур-*. Представляет собой грамматический синоним форм *-А тур-* и *-(Ы)п тур-*, вместе с тем выражает дополнительное грамматическое значение регулярности процесса:

Медицина ара ачар ниетин кёп жылланы ичинде айт+ханлай тур+гъанды (газ. «Заман») «Он многие годы говорил о своем намерении открыть медицинский центр».

Юч къарындаш да уруда жокку болуп, тиллери тутулуп, сёз айталмай, гуппуш бол+гъанлай тур+гъандыла (КъКъ, ЖЖГ, 88) «И три брата сидели в яме, скорчившись, онемев, не в состоянии пошевелиться».

Форма *-(А/Ы)п къой-*. Форма с акционсартовым значением неожиданности, внезапности. Дополнительным семантическим моментом является подчёркивание полноты проявления результата:

Башын-аягъын да букъдургъандыла: кёрюп, бил+ип къой+масынла деп (КъКъ, ЖЖГ, 79) «Спрятали голову и ножки (барана), чтобы (бандиты) вдруг не увидели и не узнали».

Жаш да, кеси кесине ажым эте, къарындашларым алай къалай эт+ип къой+дула деп, жюреги къыйналып, жангы дуняны кёргенинден эсе, анга сейир эте, бара болгъанды (КъКъ, ЖЖГ, 92) «И молодой человек шёл, переживая, как же братья с ним так поступили, удивляясь больше их поступку, чем новому миру, который он увидел».

Форма -(А/Ы)п кьал-. Данная форма имеет, по-видимому, два акционсартовых значения: 1) напоминает турецкую аналитическую форму $-(y)A kal-$, которую П. И. Кузнецов выразительно назвал формой «оцепенения», сигнализирующей о наступлении состояния скованности, неподвижности, как в примере: *Midiye de, öbür irili ufaklı midiyelerle birlikte kumların, çakılların arasına sıkış+ıp kal+mıştı* (AN, ADS, 39) «И эта мидия вместе с другими маленькими и большими мидиями застряла среди песка и гальки» (в этом значении рассматриваемая форма употреблена в первом примере, следующим ниже); 2) во втором и третьем примерах данная форма использована со значением полной завершенности действия:

Чабып баргъан адамгъа сейирсинип, кьар+ап кьал+ды (ТА, ЖЗ, 208) «В удивлении застыв, он смотрел вслед бегущему человеку».

Сен ашаргъа олтургъанлай, чыракъла ёчюл+юп кьал+лыкъларын къайдан билейим (БА, Ч, 181) «Откуда я знала, что как только ты сядешь есть, погаснет свет».

Жер юсюнде Дебет кибиб ёсмегенди, / Къалкъанларын кыылыч кесмегенди. / Кылычылары, тауну урсанг, жаргъанды, / Атха налла алгъа Дебет салгъанды, / Андан халкъгъа тёрё бол+уп кьал+гъанды (Эпос) «Не было на земле подобного Дебету, / Щиты его меч не брал. / Мечи его разрезали гору, / Первым коня подковал Дебет, / А потом это стало законом для всего народа».

Форма -май кьал-. Представляет собой грамматический антоним предыдущей формы и имеет то же акционсартовое фазовое значение:

Алай мен болмачы, аны билмей, ол кече жукъугъа хорлатып, сейирликни кёрал+май кьал+дым (КъКъ, ЖЖГ, 86) «Однако я, недотёпа, не зная этого, в ту ночь дал сну одолеть меня и не смог увидеть зрелища».

Форма -А башла-. Данная форма представляет собой типичный для кыпчакских языков носитель фазового начинательного значения, дополнительными семами являются интенсивность и стремительность. Глагол-модификатор *башла-* выступает со своим обычным лексическим значением «начинать». Аналитические конструкции с глаголом *башла-* «начинать» являются универсальным средством передачи начала любого процесса. В карачаево-балкарском языке имеются лексический и морфологический способы выражения начала действия, в данном случае используется морфологический:

Танг белге бер+е башла+ды (КъКъ, ЖЖГ, 104) «Стали появляться признаки приближения утра».

Айны ортасындан кюн бузулду да, жауун терк-терк жау+а башла+ды (информант) «С середины месяца испортилась погода, и всё чаще начал лить дождь».

Форма -(Ы)п башла-. Имеет акционсартовое наступательное фазовое значение, указывает на длительность проявления процесса во временных рамках:

Кюнбатыш табадан сууукъ жел ур+уп башла+ды (информант) «С запада задул холодный ветер».

Аппа иги кесекни тынгылагъанлай турду да, сора хапарны ашыкъмай айт+ып башла+ды (информант) «Дед долго молчал, затем начал неторопливо рассказывать».

Форма -А кел-. Подчеркивает постепенное развёртывание действия:

Ингир таулагъа кёксюл жабьуун жай+а кел+еди (БА, Къ, 20) «Вечер наступает, постепенно покрывая своим голубым одеялом горы».

Тынч-ырахат, насыплы юйюр къурап, жаша+й кел+гендиле (БА, ЖККъН, 11) «До сих пор они преспокойно себе жили-поживали, строили счастливую семью».

Форма -(Ы)п кел-. Представляет собой семантический антоним предыдущей формы:

Бир кере уа, биз аны юйден чыгъ+ып кел+генлей тутуп, сёлеширге хазырландыкъ (ТА, ЖЗ, 208) «Однажды мы поймали его, когда он выходил из дома (прямо на нас), и приготовились к разговору».

Жашчыкъны, къатынынгы да ал+ып кел, не этеригинги айтырма, — деди (МТ, 2005, № 1, с. 39) «Она сказала: “Приведи (ко мне) мальчишку и жену. Я тебе скажу, что делать”» (будущее действие).

Форма -А/-й кет-. Редко встречающаяся форма -А/-й кет- имеет акционсартовое значение, которое сигнализирует о длительности, повторяемости, регулярности действия, называемого основным глаголом. К. Шёниг характеризует семантику аналогичной формы в татарском языке как инициально-трансформативную [14, с. 229–230].

Къара+й кет+сенг, той болур, / Къала+й кет+сенг, юй болур (пословица) «Будешь долго любоваться (девушкой) — будет свадьба, / Будешь класть кирпичик по кирпичику — будет дом».

Форма -(Ы)п кет-. Форма имеет значение, характеризующее исходное действие как удаление, совершающееся тем или иным образом [15, с. 160].

Къызыл-моргулдум чапыракъ, учуп келип, аны чачына къонду, сора биягъы желчик аны ал+ып кет+ди (БА, Къ, 21) «Красно-коричневый лист опустился на волосы, затем его снова унес ветерок».

Экинчи кюн экинчи къарындашларын къошда къойуп, танг бла бирге чыгъ+ып кет-гендиле (КъКъ, ЖЖГ, 87) «На второй день, оставив второго брата на стойбище, они рано утром вместе отправились в путь».

Форма -(Ы)п жибер-. Эта форма выражает случайный, произвольный характер действия, называемого исходной основой глагола, его внезапность, стремительность. Эти смыслы, как представляется, обслуживаются одним акциональным качественным значением — динамичности действия [3, с. 139].

Гор-да-а! — деп къычыр+ып жибер+дим. Жомакъчы мени ешиталмазын да биле тургъанымлай (КъКъ, ЖЖГ, 48) «И вдруг я закричал “Гор-да-а!”, понимая, что сказочник меня не услышит».

Форма -(Ы)п тохта-. Данная форма имеет значение, сигнализирующее о бесповоротной завершенности действия:

Къойла кёрюн+мей тохта+дыла да, биз бёрк атыуну къойдукъ (КъКъ, ЖЖГ, 14) «Бараны скрылись из виду, и мы перестали бросать шапки».

Устойчивый характер и частое употребление этой формы с отличным от сформулированного выше значением позволяет полагать, что она способна подвергаться процессу идиоматизации:

Не бек тюйюп кюрешсенгда, ат таргъа кирирге унамаз. Серил+ип, терил+ип тохта+р (КъКъ, ЖЖГ, 17) «Как бы ты ни стегал коня, он не войдет в ущелье. Упрется и будет стоять как вкопанный».

Жиля+п тохта+йды (информант) «Чуть что, начинает плакать».

Форма -(Ы)п къайт-. Значение этой формы сообщает о полной завершенности действия:

Далхат жаш заманында австри фронтда жаралы болгъан, тюремелени да санагъан, ызы бла уа Россейни къыдыр+ып къайт+хан киши, терен акъыллы болгъанына бир инсанни ишеги жокъду (информант) «Далхат был человеком, который в молодости был

ранен на Австрийском фронте, побывал во многих тюрьмах, после чего обошел всю Россию и вернулся. И ни у кого нет сомнения в том, что он очень умный человек».

Форма -(Ы)п кьой-. Имеет значение, сигнализирующее о полной исчерпанности процесса:

Алай ол мени нек эсе да унуту+п кьой+гъанды (БА, Къ, 20) «Но она меня почему-то совсем забыла».

Аны заманында эсле+п кьой+гъанын нечик иги этген эди ол (БА, ЖККъН, 9) «Как хорошо она сделала, что вовремя заметила его».

Форма -(Ы)п боша-. Значение этой формы свидетельствует о доведении процесса до конца:

Тебенле кьалан+тып боша+ргъа, ууакъ жаунчукъ себелеп тебиреди (информант) «К тому моменту, когда закончилась укладка сена в стога, начал накрапывать мелкий дождь».

Угъай, сазгыш эт+ип боша+гъанма, бармай, жарарыкъ тьююлдю (КъКъ, ЖЖГ, 21). «Нет, я подумал и пришел к выводу, что не пойти нельзя».

Форма -А бар-. Значение формы -А бар- сигнализирует о постепенном развитии действия, о его неторопливом протекании, подчёркивая непрерывность осуществляемого действия:

Таб+а бар+гъан, чаб+а бар+ыр (поговорка) «Чем богаче становится человек [букв.: чем больше находит], тем больше становится его желание получить еще [букв.: тем сильнее стремится к чему-то другому]».

Къойла сыртны тигеле+й бар+адыла (информант) «Овцы медленно спускаются по склону».

Форма -(Ы)п бар- I. Значение этой формы указывает на приближение конечного этапа в развитии действия [16, с. 75]:

Кётюрюп элт+ип бар+ып, дорбунну арт жанында бир терен уругъа атханды да, кьайтып, кьазанда этни кьалдырмай сибирип алып, сакъалыда ызындан сюрреле, хораз атына мингенди да кетгенди (КъКъ, ЖЖГ, 86) «Подняв и перенеся (человека), он (гном) бросил его в глубокую яму, которая находилась в задней части пещеры, вернулся, выбрал все мясо из котла, сел на своего петуха, который служил ему конем, и усакал».

Чаб+ып бар+ып, къарт анасын къучакълагъанд (информант) «Он подбежал и обнял свою бабушку».

Форма -(Ы)п бар- II. Данная форма сигнализирует о продолжительно-длительном характере действия [17, с. 112–113]:

Бир уллу талгъыр жилинныда терекге ёрл+еп бар+гъанын кёрюп: «Аллах-Аллах» — деп, сейирге-тамашагъа кьалгъанды (КъКъ, ЖЖГ, 92) «Увидев, как большая пятнистая змея ползет на дерево, он изумился и проговорил: “Аллах, Аллах!”».

Аны ёмюрю театрда ёт+юп бар+ады (газ. «Заман») «Вся его жизнь проходит в театре».

Форма -ГъАнАй бар-. Имеет смысл безостановочного движения:

Агачны кьыйырына дери биз чап+ханлай бар+дыкъ (КъКъ, ЖЖГ) «Мы пробежали до самой опушки леса».

Къошха жетгинчи Горда да, мен да тынгъла+гъанлай бар+дыкъ (КъКъ, ЖЖГ) «Мы с Гордой шли молча до самого пастбища».

Форма -А бер-. Эта форма подчёркивает лёгкость, непринужденность совершения действия:

Къой, жолунга бар+а бер, ёлтюралмай жаралы этсенг, хатагъа къалырса (информант) «Оставь, иди себе своей дорогой, если не сможешь убить и поранишь, навлечешь на себя беду».

Кел+е бер+син, сакъларгъа заман жокъ, къатынланы хапарлары аны бла бошалмаз (информант) «Пусть приходит, нет времени ждать, женские разговоры этим не закончатся».

Форма -(А/Ы)п кёр-. Форма имеет значение, содержащее сему, которая обозначает попытку, усилие, прилагаемое для совершения действия [18, с. 270; 11, с. 124]:

Кюз арты да кетди, къыш келди, энди къар терен жауса, чанада уч+уп кёр (газ. «Заман») «И осень прошла, пришла зима, теперь, если выпадет глубокий снег, попробуй прокатиться на санках».

Кётюр+юп кёр+чю, сен сунганча ауур туююлдю (газ. «Заман») «Попробуй, подними, (он) не такой тяжёлый, как ты думаешь».

Форма -(Ы)п жет-. Выражает быстроту, стремительность совершения действия, представляющего собой перемещение в пространстве:

Къуш туюню чыгъарып къабындыргъанды да, къуш уч+уп жет+генди (КъКъ, ЖЖГ, 96) «Как только он достал птичье перо и поджёг, птица мигом прилетела».

Ханны тамата жашларыны къатынлары уа, бу жыш келинчикни ариулугъуна асыры зарлангандан, чамланып, къанлары бузулуп, кичи жашны да къайын аталарын да къаргъышдан соя, эрлерине чаб+ып жет+гендиле (КъКъ, ЖЖГ, 35) «А жёны старших сыновей хана, завидуя красоте этой молодой невестки, в ярости и в гневе мигом примчались к мужьям, проклиная и свёкра, и (его) младшего сына».

Форма -(Ы)п чыкъ-. Форма характеризует действие как длящееся в течение какого-либо периода и достигающее своего предела. Лексические значения вспомогательных глаголов не играют существенной роли:

Собий таннга дери жил+яп чыкъ+ты (информант) «Ребёнок проплакал до утра».

Бу китапны окъ+уп чыкъ (информант) «Прочитай эту книгу (до конца)».

Форма -мАй чыкъ-. Форма -мАй чыкъ- представляет собой грамматический антоним предыдущей формы и имеет то же акционсартовое фазовое значение:

Кече узуну кёзюме жукъу кир+мей чыкътым (информант) «Я всю ночь не смыкала глаз».

Из проведенного анализа следует вывод о том, что, в отличие от огузских языков, кыпчакский карачаево-балкарский язык обладает более обширным арсеналом аспектуальных глагольных форм. При этом в нем имеются как акционсартовые (несущие информацию о «способах действия»), так и собственно видовые формы, по крайней мере, с внутрипредельным (интратерминальным), прегнантным и посттерминальным значениями.

Ряд фактов (употребление смысловых глаголов в статусных и залоговых формах, сохранение сложновербальными образованиями управления смыслового глагола) позволяет утверждать, что, вопреки индоевропеистическому представлению о словообразовательном характере акционсартовых языковых средств, не может быть сомнений в словоизменительной природе продуктивных акционсартовых форм в исследуемом языке.

Принятые сокращения

- AN, ADS — Aziz Nesin. Anıtı Dikilen Sinek. 4. basım. İstanbul: Adam Yayınları, 2005.
БА, ЖККЪН — Биттирляны Аминат. Жауун кечеде къалгъан насып. Нальчик: Эльбрус, 1993.
БА, Къ — Биттирляны Аминат. Къаражан. Нальчик: Эльбрус, 1993.
БА, Ч — Биттирляны Аминат. Чыракъ. Нальчик: Эльбрус, 1993.
Газ. «Заман» — Газета «Заман». 2007. 30 мая.
КЪКЪ, ЖЖГ — Кули Къайсын. Жорт, жорт, гылыуум! Нальчик: Эльбрус, 2002.
МТ — «Минги Тау». № 2. Нальчик: Эльбрус, 2004; «Минги Тау». № 1. Нальчик: Эльбрус, 2005.
ТА, ЖЗ — Тёпеланы Алим. Жин Заран. Нальчик: Эльбрус, 1996.
ШХ, КТП — Шауаланы Хасан. Кюбюрде Табылгъан Повесть. Нальчик: Эльбрус, 1992.

Литература

1. Маслов Ю. С. Избранные труды: аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А. Б. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плугнян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
2. Гузев В. Г. О категории аспектуальности (на материале староанатолийско-тюркского языка) // Советская тюркология. 1988. № 1. С. 3–11.
3. Гузев В. Г. Очерки по теории тюркского словоизменения: глагол (на материале староанатолийско-тюркского языка). Л.: Издательство ЛГУ, 1990. 168 с.
4. Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании // Вопросы глагольного вида. М., 1962.
5. Ганиев Ф. А. Видо-временная система в тюркских языках // Проблема общности алтайских языков. Л., 1969.
6. Серебрянников Б. А. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960. 300 с.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / вступ. ст. проф. С. И. Бернштейна. 6-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 451 с.
8. Comrie B. Aspekt: An introduction to the study of verbal aspects and related problems. Cambridge, 1976.
9. Johanson L. Aspekt im Türkischen. Vorstudien zu einer Beschreibung des türkeitürkischen Aspektsystems. Uppsala, 1971. 344 S.
10. Кузнецов П. И. Аспект и акционал в турецком языке // Советская тюркология. 1975. № 3. С. 68–81.
11. Насилов Д. М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках: в связи с проблемой глагольного вида // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1978. С. 88–177.
12. Перельмутер И. А. Общеиндоевропейский и греческий глагол: видовременные и залоговые категории. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1977. 207 с.
13. Насилов Д. М. О способах выражения видовых значений алтайских языков // Проблема общности в алтайских языках. Л., 1971. С. 366–376.
14. Schönig C. L. Hilfsverben im Tatarischen: Untersuchungen zur Funktionsweise einiger Hilfsverbverbindungen. Wiesbaden, 1984. 327 S.
15. Насилов Д. М. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л.: Наука, 1989. 208 с.
16. Юлдашев А. А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 276 с.
17. Бондарко А. В. Длительность // Теория функциональной грамматики: введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 98–124.
18. Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 447 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Р. А. Янсон

ПЕРИОДИЗАЦИЯ БИРМАНСКОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ. ЧАСТЬ II: ФИНАЛИ

Для слоговых языков пока не выработана теория классификации финалей, хотя необходимость в ней остро ощущается. Финали представляют собой единицы очень разной структуры, насчитывая от одного (центральной) до трех (медиаля, централь и терминаль) компонентов. Применительно к бирманскому языку исследователи так или иначе классифицируют финали-рифмы на группы, но принцип классификации при этом не получает теоретического обоснования. Известна классификация Р. Берлинга, согласно которой финали делятся на завершающиеся шумными согласными и все остальные. Основанием для такой классификации служит тот факт, что эволюция тонов в слогах с шумным завершением коренным образом отличается от таковой в других слогах [1, р. 6]. Данная классификация является просодически ориентированной, поэтому неясно, окажется ли она оправданной в сегментике. Другой исследователь, Д. Брэдли, делит финали на три группы: с шумными конечнослоговыми, с назальными конечнослоговыми и с гласным завершением, включая финали с конечными *w* и *y* [2, р. 177–202]. Данная классификация является чисто утилитарной, ибо основывается исключительно на внешних признаках финалей и игнорирует любые фонологические основания.

Представляется, что в бирманском языке наиболее глубокий водораздел проходит между открытыми и закрытыми финалями, поскольку первые демонстрируют стабильность и симметричность на всем протяжении своей эволюции, тогда как закрытые финали ведут себя нестабильно и претерпели существенные изменения в ходе эволюции. Кроме того, можно указать на то, что в своем развитии подсистема закрытых финалей стремилась к достижению симметрии по отношению к подсистеме открытых финалей, что будет показано в ходе дальнейшего изложения.

Приведем для сравнения подсистемы открытых финалей древнего и современного языков.

Открытые финали

Древний язык (XIII в.)	Современный язык
<i>i</i> <i>u</i>	<i>i</i> <i>u</i>
<i>e</i> <i>o</i>	<i>e</i> <i>o</i>
<i>ai</i> <i>au</i>	<i>ɛ</i> <i>ɔ</i>
<i>a</i>	<i>a</i>
Плюс медиализованные варианты:	Плюс медиализованные варианты:
<i>we, wa, wai</i>	<i>we, wa, wɛ</i>

Как видим, в течение анализируемого периода в подсистеме открытых финалей произошли совершенно незначительные изменения, а именно: древние дифтонги *ai* и *ai* перешли в ϵ и э , что является естественным и предсказуемым сдвигом. Соответственно древняя медиализованная финаль *wai* перешла в *wε*. В графике изменения также оказались минимальными. Гласный [o] передавался в древнем языке сочетанием *iww*, но к XIX в. конечный *w* был отменен, и в современном языке функционирует лишь графическая комбинация *iu*. Сложное графическое отображение гласного *o* было введено бирманцами, поскольку в заимствованном алфавите специального знака для передачи закрытого *o* не было, а знак для *o*, который был представлен в заимствованном алфавите, бирманцы использовали для передачи [ɔ], встречавшегося в составе только закрытых слогов. Поскольку сочетание знаков для *i* и *u* не несет в себе однозначного указания на качество обозначаемого гласного, бирманцы стали добавлять к сочетанию *iu* полугласный *w* с вирамом, предназначением которого было указание на огубленность обозначаемого гласного. Впервые на эту особенность комплексного знака указал Э. Пуллейблэнк [3]. Исходя из сказанного, представляется логичным при транслитерации графического обозначения гласного [o] передавать его как *iww* (для современного языка — как *iu*), однако в западных работах его принято передавать как *uiw* (*ui*), ссылаясь на утвержденную Библиотекой Конгресса систему транслитерации для древнебирманского языка [4, р. XIV]. Мне уже приходилось писать о том, что принятая в западных работах система транслитерации не только не отражает принципа, который закладывали бирманцы при введении данного обозначения, но и приводит к некоторой путанице. Так, в древнем языке дифтонг *ai* передавался двумя равнозначными способами: с помощью специального диакритического знака, имевшегося в алфавите, и с помощью сочетания *au*. Существовала древняя финаль *iu*. Если передавать графическое отображение [o] как *ui*, то по аналогии с *ai~au* может создаться впечатление, что речь идет о вариантном написании финали *iu*, при том что в действительности это разные финали (см. об этом: [5]). Пример смешения двух финалей в результате неадекватной транслитерации находим в статье А. Н. Головастикова, где автор, восприняв транслитерацию *ui* как вариант *iu*, возводит древнебирманские слова, содержавшие триграф *iww*, к пратибетобирманским финалям, содержавшим финаль *wε* [6]. В действительности пратибетобирманской финали *wε* соответствует древнебирманская *iu*, но никак не *ui* или *iu*.

Еще одна, последняя в области открытых финалей, орфографическая реформа, которая на этот раз сопровождала реальные изменения в фонологической структуре, была осуществлена в XVI в. — переход *ai* в э . Финаль *aɕ*, как и финаль *ai*, в графике отражалась двумя равнозначными вариантами: с помощью соответствующей диакритики или с помощью буквы *w* с вирамом, т. е. равнозначными были варианты *ai~aw*. Когда [aɕ] > [ɔ], новая финаль стала обозначаться имевшимся в инвентаре знаком для *o*, который до тех пор использовался лишь в составе закрытых финалей и, видимо, по качеству был близок к открытому э .

Несмотря на то что переход *ai* в э не повлек за собой изменений в графике, зная время перехода *ai* > э , мы можем определить и время возникновения финали э , поскольку переход прежних дифтонгов в простые гласные скорее всего происходил в то же самое время.

Здесь уместно упомянуть о том, что существует попытка представить современный состав гласных-центральных бирманского языка как результат мон-кхмерского вли-

яния [7]. Д. Брэдли пишет, что для тибето-бирманских языков характерен 5-членный состав гласных: *i, e, a, o, u*. Для мон-кхмерских языков типичен 8-членный состав: *i, e, ε, a, ə, o, u* плюс шва. Говоря о подсистеме открытых финалей бирманского языка, мы не устанавливали в ней нейтрального гласного (шва), поскольку он не является самостоятельным членом подсистемы, а лишь замещает любой другой гласный либо даже всю финаль в составе так называемых пресиллабов, например: *tam-ta* [təda] ‘мост’, *pan-sho-tan* [pəshədan] ‘квартал текстильщиков’. Этот гласный был представлен и в древнебирманском языке, а потому его существование не может связываться с влиянием монского языка, с которым бирманцы познакомились лишь в XI в. Что же касается гласных *ε* и *ə*, то они возникли, как было показано, только в XVI в., и при этом развились из дифтонгов *aɨ* и *au*. Подобное развитие считается фонологической фреквенталией и вовсе не обязательно возникает под влиянием каких-либо внешних факторов. Таким образом, попытка объяснить нынешний состав бирманских гласных влиянием монского языка не представляется убедительной.

Для сравнения приведем списки древних и современных закрытых финалей. Написание и произношение древних финалей чаще всего совпадают, в иных случаях дополнительно приводится произношение. Для современных финалей наряду с написанием даётся и произношение.

Древние	Закрытые финали	
	Современные	
	Написание	Произношение
<i>im</i>	<i>im</i>	<i>eŋ</i>
<i>ip</i>	<i>ip</i>	<i>eʔ</i>
<i>in</i>	<i>in</i>	<i>eŋ</i>
<i>it</i>	<i>it</i>	<i>eʔ</i>
<i>um</i>	<i>um</i>	<i>oŋ</i>
<i>up</i>	<i>up</i>	<i>oʔ</i>
<i>un</i>	<i>un</i>	<i>oŋ</i>
<i>ut</i>	<i>ut</i>	<i>oʔ</i>
<i>am</i>	<i>am</i>	<i>aŋ</i>
<i>ap</i>	<i>ap</i>	<i>aʔ</i>
<i>an</i>	<i>an</i>	<i>aŋ</i>
<i>at</i>	<i>at</i>	<i>aʔ</i>
<i>ɔŋ</i>	<i>ɔŋ</i>	<i>auŋ</i>
<i>ɔk</i>	<i>ɔk</i>	<i>auʔ</i>

<i>iun</i> [iŋ]	<i>iun</i>	<i>aiŋ</i>
<i>iuk</i> [ik]	<i>iuk</i>	<i>aiʔ</i>
<i>aŋ</i>	<i>aŋ</i>	<i>iŋ</i>
<i>ak</i>	<i>ak</i>	<i>εʔ</i>
<i>añ</i> [ieŋ]	<i>añ</i>	<i>iŋ</i>
<i>ac</i> [iet]	<i>ac</i>	<i>iʔ</i>
<i>wam</i>	<i>wam</i>	<i>uŋ</i>
<i>wap</i>	<i>wap</i>	<i>uʔ</i>
<i>wan</i>	<i>wan</i>	<i>uŋ</i>
<i>wat</i>	<i>wat</i>	<i>uʔ</i>
<i>waŋ</i>	<i>waŋ</i>	<i>wiŋ</i>
<i>wak</i>	<i>wak</i>	<i>wεʔ</i>

Из списков видно, что написание древних финалей не изменилось с давних пор, при том что их произношение изменилось радикально в области как централей, так и терминалей. Ни одна из закрытых финалей не сохранила прежнего фонетического облика. Понятно, что в ситуации, когда написание финалей с древних времен не изменилось, реконструкция периодов их эволюции представляется весьма проблематичной.

Обратившись к самому раннему аттестованному периоду развития бирманской фонологической системы, т. е. к XII в., мы обнаружим, что состав гласных-централей открытых и закрытых финалей был одинаков. Он включал лишь три простых гласных: *a*, *i*, *u*. В XIII столетии в подсистеме открытых финалей сформировались гласные *e* и *o*. Первый гласный возник в результате эволюции дифтонга *iʊ* и в графике получил обозначение *e*; второй появился как результат независимого развития *i*, видимо, заполнил лауну в подсистеме, образовавшуюся в результате трансформации *iʊ* > *we*, т. е. в результате перехода заднерядной финали в переднерядную — у новой финали *e* не оказалось заднерядного коррелята. Новая финаль *o* получила графическую форму *iun*. На этот период гласных *e* и *o* не было в составе закрытых финалей, но в современном языке, как видно из вышеприведенной таблицы, эти гласные представлены. Логично предположить, что, исходя из соображений сохранения симметрии в области централей между обеими подсистемами, в подсистеме закрытых финалей начался процесс формирования гласных *e* и *o*. Эти центральные сформировались на базе гласных *i* и *u* соответственно (др. б. *im* > совр. б. *eŋ* ‘дом’, др. б. *ut* > совр. б. *oʔ* ‘кирпич’). Но при этом подсистема закрытых финалей утратила такие базовые для любой фонологической системы гласные, как *i* и *u*. Гласный *i* был восстановлен в результате рефонологизации древних [ieŋ] и [iet], гласный *u* — в результате рефонологизации древних *wam*, *wan*, *wap*, *wat*. Обратим внимание на то, что гласный *i* возник также в финали *aŋ* (и ее медиализованном корреляте *waŋ*), и в данном случае эволюция централи нарушает принцип

параллелизма эволюции коррелирующих пар (графическое *ak* реализуется как [εʔ], соответственно, следовало ожидать, что *añ* приобретет форму [εŋ]). Во всех других случаях эволюция гласного в составе коррелирующих пар была одинаковой. К вопросу о возможных причинах разнонаправленной эволюции пары *añ* — *ak* мы еще вернемся, сейчас же остановимся на некоторых особенностях пары финалей *wam* — *wap*.

Графическая финаль *wam* имеет в современном языке два варианта произношения: [wɔŋ] и [ɕaŋ]. Первый вариант характерен для разговорного стиля, второй — для литературного, и именно он приводится в бирманских словарях в качестве основного, например слово «грустить», выступающее в графической форме *lwam*, может быть произнесено как [lɔŋ] или как [ɕaŋ]. Из приведенного выше списка закрытых финалей видно, что для финалей, завершающихся одинаковыми по месту, но разными по способу образования терминалями, характерна последовательная корреляция в эволюции — в таких финалях централи развиваются одинаково. В данном же случае финаль *wap* не сохранила вслед за *wam* централи *a*, а стала реализоваться как [uʔ]. Скорее всего, это объясняется тем, что слов с финалью *wap* в языке крайне мало, поэтому когда начался процесс рефонологизации финалей, содержавших централь *wa*, и переход централи в [u], они оказались вовлеченными в общую тенденцию. Этим, видимо, следует объяснять вариативное произношение финали *wam*.

Для формирования централи *i*, утраченной после рефонологизации прежней централи и перехода ее в *e*, было использовано две финали — /iet/ и /ien/. Для формирования централи *u* равнопригодными оказались четыре финали: *wan*, *wat*, *wam* и *wap*. Но в случае перехода всех четырех финалей в новое качество нарушалась симметрия с подсистемой открытых финалей — в ней представлена финаль *wa*, которая исчезала в подсистеме закрытых финалей, если бы все четыре медиализованные финали стали произноситься с центральной *u*. Вероятно, это обстоятельство и спровоцировало нынешнюю ситуацию с *wam*, которая оказалась в зоне фонологической напряженности: с одной стороны, она должна в своем развитии последовать за тремя другими медиализованными финалями и реализоваться с центральной *u*, что отразилось в одном из вариантов ее произношения, а с другой стороны, она осталась «ответственной» за поддержание симметрии с подсистемой открытых финалей, что проявляется в сохранении в ее произношении централи *wa*.

Если приведенные рассуждения верны, из них следует важный вывод: эволюция центральных в закрытых финалях предшествовала падению терминалей *i*, следовательно, не была обусловлена эволюционными процессами, происходившими в области конечных согласных. Этот вывод важен и сам по себе, и в связи с тем, например, что «в стандартном бирманском языке конечнослоговые шумные и сонанты оказали влияние на предшествующий гласный» [2, р. 18].

Высказанное предположение об очередности эволюционных процессов в области гласных и конечных согласных не приближает нас к установлению периодов, в которые они протекали. К сожалению, малополезным оказывается здесь и чрезвычайно важный источник сведений о фонетике бирманского языка XVI в. — бирманско-китайский словарь эпохи Мин [8]. Словарь содержит около 900 бирманских слов с иероглифической транскрипцией и китайским переводом. Транскрипция весьма несовершенна. Во многих случаях она позволяет считать, что существенные изменения в фонологической системе уже произошли, однако с такой же вероятностью можно заключить, что в словаре отражено бирманское произношение, характерное для паганского периода

бирманского языка, т. е. произношение XII–XIII вв. Например, слова, записывающиеся с гласным *e*, передаются в транскрипции то как содержащие гласный *i*, то — *e*; так, слово *ne* ‘день, солнце’ и аналогичные слова, записывающиеся с *e*, передаются то с [i], то с [e]. Аналогичным образом слова, записывающиеся с *o*, передаются непоследовательно с гласными [u] или [o]. За такого рода непоследовательностью в передаче гласных можно было бы увидеть отражение процесса перехода *i* > *e* и *u* > *o*, который действительно состоялся, и считать, что непоследовательность в транскрипции как раз отражает процесс рефонологизации централей. Однако следует принять во внимание тот факт, что гласные *e* и *o* в современном языке очень закрытые, а современное написание с *e* в некоторых словах реализуется, вопреки норме, как *i*. Поэтому непоследовательность китайской транскрипции следует скорее отнести на счет некомпетентности китайского автора, что абсолютно не уменьшает его (их) заслуг. Даже профессиональные лингвисты, не владеющие бирманским, далеко не всегда воспринимают на слух разницу между современными *i* и *e*, с одной стороны, и *u* и *o* — с другой.

Существенную помощь в установлении периодов, когда произошли изменения в области централей и терминалей, могли бы оказать тексты, содержащие малограмотные написания. Дело в том, что в современном языке в графике конечные *m* и *n* произносятся одинаково как [ŋ], а конечные *p* и *t* — как [ʔ]. Это обстоятельство приводит к ошибкам в малограмотных написаниях, где вместо положенной, допустим, *m* часто пишут *n*, и наоборот, а вместо *p* пишут *t*, и наоборот. Таким образом, если бы удалось обнаружить в текстах указанные ошибки в написаниях, можно было бы сделать вывод, что падение конечных согласных уже состоялось и, следовательно, все изменения в области централей, которые, как мы предположили выше, предшествовали падению конечных согласных, также уже произошли.

К сожалению, в имеющихся в нашем распоряжении текстах, охватывающих период до XVII в., ожидаемых ошибочных написаний не встречается. Это, однако, не является твердым свидетельством того, что до XVII в. конечные согласные сохраняли свои индивидуальные характеристики. Дело в том, что доступные тексты представляют собой надписи на каменных плитах или бронзовых колоколах. Это либо дарственные записи, либо панегирики королям. Они выполнялись под надзором образованных монахов, поэтому не содержат искомым ошибок.

Мы обратились к средневековой бирманской поэзии с надеждой, что если конечные согласные утратили свои различительные качества, то в стихах удастся обнаружить рифмующимися слоги с разными терминалями. Рифма в бирманском стихосложении включает финаль и тон, но не включает медиаль, т. е. рифмуются гласный и тон в открытых слогах или гласный с конечным согласным — в закрытых. Следовательно, если конечные согласные упали, можно будет встретить рифмующиеся *am* и *an*, *ap* и *at*, *um* и *un*, *ip* и *it* и т. д. Здесь нужно отметить, что классические инструкции по составлению стихов строго предписывают рифмовать только слоги с одинаковыми конечными согласными [9], и это правило строжайше соблюдается в классической бирманской поэзии. Любопытно и то, что в языке существует два равнозначных способа передачи конечного *m*: с помощью анусвары или с помощью буквы *ma* с вирамом. Эти способы являются равноправными с точки зрения звукоотображения, и в древних текстах одни и те же слова даже в одной надписи могли записываться то с буквой *ma* с вирамом, то с анусварой. Со временем разницей в употреблении этих двух знаков был устранен: какие-то слова стали записываться с буквой *ma* с вирамом, а какие-то (в основном

палийские заимствования) — с ануварой. В классических стихах правило не путать конечные согласные соблюдалось настолько строго, что нам не удалось обнаружить случаев рифмования слов с разными обозначениями конечного *m*: слова, содержащие *ma* с вирамом, никогда не рифмуются со словами, записывающимися с ануварой.

Несмотря на столь строгие ограничения на способы рифмования, в стихах примерно середины XVI в. обнаруживаются случаи, когда рифмуются финали с разными терминалями. Эти случаи крайне редки, но сама возможность такого рифмования безусловно свидетельствует в пользу того, что если конечные согласные и не утратили свои различительные качества полностью, то процесс их падения уже начался. Примеры рифмования финалей с разными терминалями мы находим, в частности, в стихах классика бирманской поэзии конца XV — первой половины XVI в. Шина Маха Ратхатары [10, с. 18]. В поэзии XVII в. случаи аналогичной рифмовки все еще редки, и лишь в стихах XIX в. они встречаются довольно часто. Видимо, именно XVII столетие можно считать временем окончательного падения конечных согласных.

С учетом высказанного выше предположения о том, что процесс рефонологизации централей предшествовал падению терминалей, можно считать, что к XVII в. система централей приобрела свой современный вид. Проверить это может помочь анализ рифм.

Наше предположение строилось на анализе причин возникновения у финали, отражаемой на письме как *wam*, вариантных произношений — [uŋ] и [ɕaŋ]. Когда централь /u/ перешла в /o/, на ее месте сформировалась новая централь /u/ на базе финалей /ɕaŋ/, /ɕat/, /ɕap/, /ɕam/: все они стали произноситься с центральной /u/ на месте прежней последовательности *ɕa*-. Как оказалось, при таком переходе нарушалась симметрия в области гласных между подсистемами открытых и закрытых финалей: в подсистеме открытых финалей представлена финаль /ɕa/, а в подсистеме закрытых такая централь исчезла. В этих условиях фонологическая система потребовала восстановления симметрии, и две из четырех финалей, а именно /ɕam/ и /ɕap/, оказались в зоне фонологической напряженности: с одной стороны, централи в них должны вслед за финалями /ɕaŋ/ и /ɕat/ перейти в [u], а с другой — они оказались «ответственными» за поддержание симметрии с подсистемой открытых финалей, поэтому в их произношении сохранилась централь *-ɕa*-.

Если наше предположение верно, то в поэзии периода, предшествовавшего времени падения конечных согласных, не должны рифмоваться такие графические финали, как, например, *an* и *wan*, *at* и *wat*, поскольку в медиализованных вариантах этих финалей на месте графического *wa* на самом деле должна быть централь *-u*-. И тем не менее в поэзии мы наблюдаем неукоснительное соблюдение принципа рифмовки по написанию, а не по произношению. Такая ситуация ставит под сомнение нашу гипотезу о последовательности фонологических процессов в области закрытых финалей.

И все-таки гипотеза может оставаться в силе. Дело в том, что и в современной поэзии сохраняется принцип рифмования по написанию, а не по произношению. В современных стихах нормальными рифмами будут пары *kan* — *lwan*, *pat* — *lwat*. И это при том, что медиализованные графические финали в приведенных примерах произносятся строго с центральной *-u*-. Вне стихов приведенные пары произносятся исключительно как [kaŋ] — [luŋ] и [paʔ] — [luʔ]. Отмеченное несоответствие звучания рифм было бы легко понять в случае рифм *wam* и *wap*, которые могут произноситься по-разному, т. е. [ɕaŋ] ~ [uŋ] и [ɕaʔ] ~ [uʔ]. Объяснимым было бы и рифмование, напри-

мер, *kat* — *lwam*. Однако отмеченная строгость в следовании написанию, а не произношению справедлива для всех без исключения типов финалей. Таким образом, наше предположение о том, что перестройка гласных в закрытых финалях предшествовала падению конечных согласных, может оставаться в силе.

Итак, мы имеем веские основания полагать, что конечные согласные упали к XVII в. Однако это касается лишь согласных *p*, *t*, *m* и *n*. Первые два перешли в [ʔ], вторые — в [ŋ]. Но примененная методика не дает ответа на вопрос, когда конечные *k* и *s* перешли в [ʔ], а *ŋ* и *ŋ̃* — в [ŋ]. В отличие от прочих терминалей, у них нет коррелятов, отличающихся от приведенных по месту образования, но дающих такой же гласный, а слоги с ними даже в малограмотных написаниях будут записываться только единообразно. В такой ситуации приходится считать, что рефонологизация указанных терминалей произошла приблизительно в одно время с прочими терминалями. Существует мнение, что велярные дольше всех сохраняются в системе. Однако эта теория признается несостоятельной применительно к прототибето-бирманскому материалу [2, р. 204–205]. В любом случае, на данном этапе мы не видим способов более точной датировки рефонологизации отмеченных терминалей.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что система закрытых финалей бирманского языка сложилась в своём нынешнем виде к XVIII столетию.

Говоря о современном состоянии звукового строя бирманского языка, мы имеем в виду то состояние, которое описывается в разного рода учебной и научной литературе и рассматривается на данном этапе как норма. Между тем, начиная с середины XX столетия в бирманской фонологической системе происходят некоторые эволюционные процессы, которые пока не попали в поле зрения исследователей. Примечательно, что эти процессы можно было бы предсказать, обратив внимание на отклонение от принципа корреляции в эволюции одной из пар финалей.

Выше отмечалось, что древняя пара *ak* — *aŋ* эволюционировала отлично от других пар, в ней развились разные центральные: *ε* — в первой финали, *i* — во второй. Можно предположить, что разнонаправленная эволюция данных финалей объясняется следующими обстоятельствами.

Графические финали *as* и *aŋ* в своем развитии также демонстрируют некую особенность. Хотя обе они дали центральную *i* (*iŋ* / — *iŋ* /), графическая финаль *aŋ*, помимо отмеченного варианта, реализуется также и как *il*, *le* и *εl*, причем реализация ее как открытой финали является преобладающей. Отсюда возникает количественный дисбаланс в системе между финалями с центральной *i* со смычным завершением, с одной стороны, и с назальным — с другой. Некоторая «ущербность» финали с назальным завершением, вероятно, и вызвала развитие графической финали *aŋ* в сторону переднерядной для ликвидации дисбаланса, хотя ее первоначальный фонетический облик не предполагал такого развития. Что касается графической *ak*, то ее развитие определялось необходимостью соблюдения симметрии с подсистемой открытых финалей, где был представлен гласный *ε*, отсутствующий в подсистеме закрытых финалей. Поэтому эволюция *ak* > *εʔ* / выглядит логичной, несмотря на то что первоначальный фонетический облик этой финали также не предполагал подобного движения.

Так или иначе, симметрия в области подсистемы закрытых финалей оказалась нарушенной: в ней не представлен коррелят финали *εʔ* / — финаль **εŋ* /.

В одной из статей в бирманском журнале «Литература» от 1995 г. отмечается, что в радио- и телепередачах дикторы произносят некоторые слова неверно. В частно-

сти, приводится пример высказывания, в котором есть слова, имеющие графическую форму *at* и которые должны произноситься [aŋ], но реально произносятся [ɛŋ] [11, с. 127–130]. Данное замечание, безусловно, свидетельствует о начале нового фонологического процесса в языке. На сегодняшний день, по нашим слуховым впечатлениям и наблюдениям студентов-бирманистов, эволюционные изменения в фонологической системе происходят в полном соответствии с тенденцией к достижению симметрии в области гласных между подсистемами закрытых и открытых финалей. Кроме того, налицо попытки соблюдения в подсистеме закрытых финалей принципа симметрии между коррелирующими парами финалей.

Цепочка происходящих изменений выглядит следующим образом. Поскольку финаль /aŋ/ (в графике — *at*) стала реализоваться как /ɛŋ/, ее коррелят /aʔ/ (в графике — *ap*) начал в отдельных словах реализоваться как /ɛʔ/. Такая реализация зафиксирована нами не во всех словах, а лишь в наиболее частотных, что естественно для начального этапа фонологического процесса. В частности, с абсолютной уверенностью можно говорить о том, что счетное слово для групп людей *rap*, регулярно встречающееся в средствах массовой информации в контексте «весь народ», всегда произносится с центральной -ɛ-, а не -a-, т. е. [jɛʔ]. В других словах, содержащих написание *ap*, переднерядность централи может выражаться не столь очевидно, что, видимо, зависит от дикторов, но движение [a] в сторону переднего ряда наблюдается всегда.

Однако в системе уже имеется централь -ɛ-, выражающаяся написанием *ak*. С появлением новой централи прежняя подверглась «давлению», начала процесс рефонологизации и стала реализоваться как [a]. На данный момент это лишь начало процесса, ибо пока не во всех словах с написанием *ak* централь реализуется как [a].

Следующим звеном в цепочке преобразований должна стать финаль -/iŋ/ (в графике — *aŋ*). Как коррелят *ak*, она должна приобрести форму /aŋ/, чего в действительности пока не происходит. Но если бы это произошло, то оказалось бы, что финали с велярными терминалями вернулись в области централей к своему древнему облику: др. б. *ak* — *aŋ* > XVII в. *ak* [ɛʔ] — *aŋ* [iŋ] > XX–XXI вв. *ak* [aʔ] — *aŋ* *[aŋ]. И в этом случае перед системой вновь возникла бы проблема сохранения количественного баланса между финалями с центральной -i- в слогах со смычным завершением, с одной стороны, и назальным — с другой: как уже говорилось, в отличие от финалей /iʔ/, образуемых написанием *as*, финалей /iŋ/, образуемых написанием *aŋ*, очень мало.

Самым загадочным в происходящих в настоящее время фонологических процессах является то, каким образом язык выделяет из большого количества финалей /aŋ/ группу, на базе которой формируется или практически уже сформировалась новая финаль /ɛŋ/. Древние терминали *t* и *n* перешли в /ŋ/ и сейчас не различаются произношением во всех финалях. Но только слоги с написанием *at* стали реализоваться с центральной -ɛ-, т. е. [ɛŋ], слоги же с написанием *an* реализуются строго как [aŋ]. Объяснить такое распределение эволюции этих финалей пока не представляется возможным.

Таким образом, в фонологической системе происходит серьезная перестройка, сравнимая с той, что имела место приблизительно в XVII в. Сформировавшаяся тогда система стала подвергаться изменениям в середине XX в., и этот процесс пока не завершен.

Литература

1. *Burling R.* Proto-Lolo Burmese. Bloomington, 1967. 101 p.
2. *Bradley D.* Proto-Loloish / Scandinavian Institute of Asian Studies. London; Malmo: Curzon Press, 1979. 452 p.
3. *Pulleyblank E. G.* An interpretation of the vowel systems of Old Chinese and of Written Burmese // *Asia Major*. London, 1963. Vol. X. Part 2.
4. *Studies in Burmese Linguistics* / Justin Watkins (ed.); Pacific Linguistics, The Australian National University. Canberra, 2005. 331 p.
5. *Yanson R. A.* A list of Old Burmese words from 12th century inscriptions // *Medieval Tibeto-Burman Languages* / C. I. Beckwith (ed.). Leiden: Brill, 2002. 190 p.
6. *Головастиков А. Н.* Некоторые уточнения тибето-бирманской фонетики // *Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки (тезисы докладов)*. М., 1973.
7. *Bradley D.* Convergence between Languages in Contact: Mon-Khmer Structural Borrowing in Burmese // *Berkley Linguistics Society*. 1980. No. 6.
8. Мьянь Дэнь гуань лай вэнь = Документы, поступившие в императорскую палату // *Институт Восточных рукописей РАН. Инв. 1953, № 224. 120 листов ксилографа.*
9. Мьянма са си коун ни пхйат лан = Указания по написанию прозы и поэзии. Рангун, 1934.
10. Кабья пан коун = Гирлянда бирманских поэм / сост. У Эй Мунг. Рангун, 1959.
11. *Маунг Пьин Си.* Натса хнин наттан = Буква и звук // Сапэй джанэ. Атуэ 3. 1959 = Журнал «Литература» [Мандалай]. 1959. Том 3.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 947.081(571.6)+951.91.08

С. Ю. Врადий

«КАРТА РОССИИ (АГУК ЁДЖИДО)» — ПЕРВОЕ КОРЕЙСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРИМОРЬЯ. ЧАСТЬ I

Географическая карта является неоценимым источником сведений из различных областей человеческой культуры. Она не только фиксирует местоположение объектов на земной поверхности, но и свидетельствует об уровне развития науки, мастерстве художественного исполнения, показывает состояние общественных отношений. Карта может быть использована при анализе культурных обменов между регионами, для изучения истории взаимоотношений государств. Картографирование местности является важным компонентом ведения разведывательной деятельности.

Карта отражает уровень накопленных знаний и традиционное видение окружающего мира. В восточноазиатских странах, испытавших культурное воздействие Китая, в древности было принято изображать мир плоским, прямоугольной формы, основываясь на концептуальном представлении о том, что «сфера небес — округла, а земля — плоская». Несмотря на то что картография в Китае развивалась независимо от европейских традиций, уже карты времен династии Западная Хань (206 г. до н.э. — 25 г. н.э.) по детальности и характеру изображений сравнимы с топографическими. По точности они иногда даже превосходят более поздние европейские карты. Китайские картографы неизменно пользовались прямоугольной сеткой координат, которую впервые применил великий китайский астроном и математик Чжан Хэн 张衡 (78–139 гг. н.э.).

Корейская картография, воспринявшая традиции Китая, в период правления династии Чосон (1392–1897) находилась на весьма высоком уровне. Составление карт считалось важным государственным делом и носило систематический характер. Среди известных образцов можно назвать рельефную географическую карту Кореи Тэдон Ёджидо 大東輿地圖. Вырезанная в 1861 г. из дерева выдающимся географом Ким Чжон Хо 金正浩 (ок. 1804–1864) в традиционном стиле с использованием известных на тот момент картографических методов, она считается одной из самых подробных карт Корейского полуострова. Карта выполнена в масштабе 1:160000 и является, пожалуй, са-

Рис. 1. Титульный лист «Карты России» [1].

мой большой (высота 6,7 м, ширина 3,8 м) рельефной картой Кореи. Занесена в список объектов национального достояния.

«Карта России» Агук Ёджидо 俄國輿地圖 — первое описание российского государства, предпринятое в Корее, — свидетельствует о том, как, стремясь избавиться от многовековой опеки Китая, вмешательства со стороны Японии, королевский двор начинал укреплять свои взаимоотношения с Россией.

Карта в единственном экземпляре хранится в историко-географическом разделе библиотеки Чансогак 藏書閣 (инвентарный номер 2-4611) Академии наук корееведения (г. Соннам, Республика Корея). В сложенном виде она представляет собой альбом, изготовленный в традиционном стиле по ее размерам. Десять сложенных вдвое листов карты, а также два листа с оглавлением и комментариями склеены «гармошкой» один за другим. Пагинация отсутствует. Размеры развернутого листа карты согласно разным источникам составляют 35,5–35,8 × 27,1–27,3 см.

Титульный лист оранжево-апельсинового цвета (рис. 1), в левом верхнем углу на специальной этикетке вертикальной строкой написано: «Карта России». Ниже следует подзаголовок: «Дополнительно [изложено] состояние российско-китайских отношений, [численность] войск охраны границ, количество нашего народа¹, сопоставлена пограничная линия». На титульном листе имеется старый инвентарный номер (1391/54). Последняя проверка и осмотр документа, как свидетельствует пометка-вклейка, были сделаны в 2005 г.

¹ «Наш народ» 我民 — имеются в виду корейцы, начавшие заселять юг российского Приморья с 1860-х годов.

За титульным листом идет оглавление, где в той же последовательности, что и на страницах карты, перечислены названия 29 основных поселений и районов с указанием количества дворов и числа жителей. На десяти листах карты нанесены символические изображения жилых домов, общественных зданий, складов, арсеналов, церквей, кораблей, мостов, изображены линия электрической связи, примитивные схемы военных укреплений, портовое хозяйство. Линиями красного цвета прочерчены дороги. Отображены также рельеф местности, лесная растительность, безлесные участки, горные хребты, реки, озера. Обозначены селения, где проживали русские, а где — корейцы, местные жители. Рисунки выполнены символически примитивно, без претензий на художественность. Перспектива отсутствует. Все нанесенные на карту объекты раскрашены в черный, красный, а также светлый и темный оттенки синего, зеленого, коричневого цветов. Сохранность листов удовлетворительная.

Легенда карты, т. е. перечень условных знаков и пояснений, отсутствует, не обозначены и стороны света. Очертания рельефа местности, береговой линии, прибрежные острова нанесены неточно, приблизительно, а иногда неверно. Есть местности, обозначенные гипотетически, подобия которых трудно отыскать в действительности. Причиной, вероятно, может быть то, что составители карты, недостаточно осведомленные в геодезии, не отличали расспросные сведения от основанных на съемках с помощью хороших инструментов для астрономического определения места и описаниях. Следует заметить, что топографические планы, или, точнее, землемерные съемки, известны в Корее с давних времен. Они были необходимы при сборе податей с земельных участков, что требовало точного знания их границ.

На полях карты, в дополнение к географическим изображениям, имеются рукописный текст и пояснения, выполненные аккуратным каллиграфическим почерком тушью при помощи кисти. Можно рассмотреть дополнения и поправки к тексту, нанесенные тушью черного цвета. Текст карты написан китайскими иероглифами, принятыми среди образованных людей не только в Китае, но и в Корее, Японии. Встречаются, однако, и иероглифы, которые невозможно найти в китайских словарях — они были распространены только в Корее; это свидетельствует об употреблении составителями документа *ханмуна*, корейзированной версии китайского языка.

Несмотря на название «Карта России», предполагающее описание обширной Российской империи, на самом деле на ней обозначены лишь дальневосточные земли российского Приморья, куда с 1860-х годов стали переселяться корейцы.

Исходя из данных, приведенных на карте, непросто определить размеры и точное расположение указанных населенных пунктов. Географическую идентификацию затрудняет имевший место традиционный тип расселения корейцев: на карте обозначалась занимавшая обширные площади обрабатываемая сельскохозяйственная территория, которую трудно сопоставить с нынешними географическими единицами. Дополнительную сложность создают неоднократные переименования населенных пунктов, переселения жителей.

Завершает альбом-карту страница с текстом под названием «Предисловие с комментариями к карте Китая и России [и заметками] о состоянии дел», подписанным именами Ким Гван Хуна 金光薰 и Син Сон Ука 申先郁.

Карта была обнаружена относительно недавно. Научному сообществу о ней впервые поведал в 1972 г. профессор Ю Ён Бак [2]. В 1994 г. фотокопии листов карты были опубликованы во втором томе «Сборника материалов по корееведению» вместе с ря-

дом других документов, посвященных ранней истории российско-корейских и китайско-корейских отношений [1]. Текст сопровождался научными комментариями известного исследователя истории взаимоотношений России и Кореи, профессора Ханьянского 漢陽 университета Син Сын Гвона 幸承權 [3].

В 2007 г. факсимиле Агук Ёджидо было опубликовано отдельной книгой в издательстве Академии корееведения [4]. Перевод текста с китайского языка на корейский и комментарии к нему выполнены сотрудником библиотеки Чансогак д-ром Ли Ван Му [5].

Идентификацию рукописи затрудняет то, что отсутствует колофон, т. е. не указано, кем и когда она была составлена. Поэтому исследователи пытались определить авторов и дату создания карты опосредованно, на основании имеющихся в тексте упоминаний тех или иных событий с учетом дополнительных данных и принятой в странах дальневосточного региона системы летосчисления по 60-летним циклам.

Чтобы точнее идентифицировать карту, кратко охарактеризуем время, на которое предположительно пришлось ее появление. Вторая половина XIX в. стала важным периодом в истории российско-китайских и российско-корейских отношений. Подписанные в 1858 г. Айгуньский и Тяньцзиньский договоры, Пекинский договор 1860 г. очертили восточные рубежи русско-китайской границы. Тогда же был обозначен и небольшой по протяженности участок российско-корейской границы. Пекинский договор гласил: «...Граничная между двумя государствами линия от истока реки Сунгача пересекает озеро Ханкай и идет к реке Бэлэнхэ (Тур), от устья же сей последней — по горному хребту, к устью реки Хубиту (Хубту), а отсюда по горам, лежащим между рекою Хуньчунь и морем, до реки Тумыньцзян. Здесь также земли, лежащие на восток, принадлежат Российскому государству, а на запад — Китайскому. Граничная линия упирается в реку Тумыньцзян на двадцать китайских верст (ли) выше впадения ее в море» [6, с. 35].

Корейское правительство уделяло определенное внимание своим северным рубежам. Однако факт подписания российско-китайского договора, по всей видимости, не был вовремя доведен до сведения королевского двора китайскими переговорщиками, традиционно считавшими Корею своей зависимой территорией. Да и разграничение по реке Туманган оказалось, по свидетельству южнокорейского исследователя, неожиданным для королевского правительства [3, с. 38]. Между тем насущной потребностью для вновь обретенных Россией дальневосточных территорий являлось скорейшее увеличение численности населения, которое способно было бы разрешить проблему недостаточного продовольственного снабжения. Понимая это, российские власти способствовали тому, чтобы корейцы активно разрабатывали плодородные приморские земли, снабжая сельскохозяйственными продуктами войска и местные рынки. С этой целью вновь переселившимся корейцам, в большинстве своем обездоленным и нищим, выдавались зерно, орудия обработки земли, тягловый скот, выделялись участки для возделывания [7, р. 9].

Одновременно в правительственных кругах России рассматривался вопрос о подписании мирного договора с Кореей, одним из пунктов которого должна была стать регламентация приграничной торговли и правил проживания этнических корейцев на российских землях². Летом 1884 г. русско-корейский договор о торгов-

² Министр путей сообщения К.Н.Посыет (1819–1899) писал в 1874 г. в меморандуме правительству: «Как Приморская, так и Амурская области терпят недостаток в хлебе, рогатом скоте и рабочих руках. Все эти нужды уменьшились бы в значительной степени, если бы эти области были в надлежащих сношениях с Кореей. Необходимо войти в переговоры с этим государством и заключить с ним торговый дружествен-

ле был подписан, однако вышеназванные важные вопросы не нашли в нем отражения³.

В 11-й месяц 21-го года правления короля Коджона 高宗 (1864–1907), носившего по традиционной системе летосчисления наименование года Капсин (1884 г.), в Корее произошла попытка переворота, после подавления которой усилились позиции Китая. При этом, как и прежде, стремилась проникнуть в страну Япония. Король Коджон, напуганный перспективой перерастания японо-китайских противоречий в вооруженный конфликт на территории Корейского полуострова, стремился найти противовес посягательствам Японии и избавиться от назойливого вмешательства во внутренние дела со стороны Китая. Определенные надежды на будущее своей страны Коджон связывал в этот период с Россией. Являясь, по представлениям корейского двора, более мощной державой, нежели Китай и Япония, Россия могла также послужить установлению баланса в противостоянии Кореи колониальным притязаниям стран Запада.

Вышеназванные мотивы⁴ побудили короля Коджона вскоре после переворота года Капсин тайно направить в российское Приморье⁵ высокопоставленных государственных чиновников Квон Дон Су 權東壽 и Ким Ён Вона 金鏞元, которых сопровождали Ким Гван Хун 金光薰 и Син Сон Ук 申先郁. Исследователи полагают, что в ходе посещения миссией дальневосточных земель России и были собраны сведения, использованные при составлении карты.

Авторство документа корейские ученые единодушно приписывают Ким Гван Хуну и Син Сон Уку, исходя из того, что их именами подписано предисловие к карте. Известно о предполагаемых авторах немного. «Хроники правления Коджона» («Коджон Силлок») свидетельствуют об их «неясном происхождении». В документе также имеется запись о том, что поскольку они «вмешивались в разные дела», дабы «устранить нанесенный вред, были сосланы в дальние земли»⁶. Возможно, что этой ссылкой и стало пребывание будущих составителей карты в далеком российском Приморье.

Профессор Син Сын Гвон обнаружил в источниках упоминание о том, что в 1882 г. Ким Гван Хун и Син Сон Ук посетили Приморье [3, с. 39]; это, вероятно, и послужило причиной включения их в 1884 г. в состав делегации. Исследователи отмечают разночтения в исторических документах относительно времени возвращения предполагаемых авторов из России: в мае 1885 г. вместе с другими членами делегации [3, с. 39], в конце 1888 г. [5, с. 58].

Впервые примерную дату появления карты назвал профессор Ю Ён Бак 柳永博 в публикации 1972 г. Определяя по историческим источникам время пребывания Ким Гван Хуна и Син Сон Ука в российском Приморье, он предположил, что карта могла

ный трактат. Корея богата населением, хлебом и скотом. Перешедшие к нам, вопреки законам своей страны, корейцы — мирные поселяне и трудолюбивые хлебопашцы и охотно принимают христианство» [8, с. 59].

³ Подробнее о событиях, предшествовавших подписанию русско-корейского договора, см.: [9; 10].

⁴ Архивные материалы свидетельствуют о том, что дополнительным мотивом для отправки миссии было стремление Коджона ускорить ратификацию подписанного российско-корейского договора и дополнить его пунктами о сухопутной приграничной торговле [11, с. 86].

⁵ Посещение делегацией российского Приморья некоторые южнокорейские ученые связывают с историей так называемых «секретных русско-корейских договоров» 1885–1886 гг. Версии южнокорейских и западных исследователей по этому вопросу подробно рассмотрены в статье Т. М. Симбирцевой [12]. Архивный материал относительно визита корейской делегации приведен в монографии Б. Д. Пака «Россия и Корея» [11].

⁶ «Коджон Силлок» («Хроники правления Коджона»), 22 год (1885), 13.06. Цит. по: [5, с. 58].

быть создана во второй половине правления короля Коджона, т. е. начиная с 1880-х годов [2]. Профессор Син Сын Гвон в своих комментариях к тексту уточнил датировку, посчитав, что Ким Гван Хун и Син Сон Ук составили карту в 1885–1886 гг., после возвращения из России [3, с. 47–48]. Примерно этот же промежуток (1884–1886 гг.) указывает и д-р Ли Ван Му [5, с. 59].

Обратим внимание на немаловажную деталь в предисловии, которую исследователи почему-то не прокомментировали: «Последние 16 лет, останавливаясь в китайских и российских [землях], понемногу высматривали пограничные рубежи, допытывались о состоянии дел, [в итоге] составлена Карта и подготовлены наброски о тайно разведанном» («Карта России». Предисловие [1]). Указанные «16 лет» не позволяют понять, когда карта была завершена и представлена королевскому двору, но свидетельствуют о том, что временной промежуток сбора информации и составления ее был более длительным, нежели те 2 года, о которых пишут южнокорейские исследователи.

В тексте приводится упоминание о планируемом строительстве железной дороги, которая должна связать Владивосток с Уссурийском («Карта России». Сунхуаньин [1]). Начало возведению этого железнодорожного участка, как известно, было положено во время посещения Владивостока цесаревичем Николаем Александровичем весной 1891 г. Этим рубежом мы вправе ограничить верхнюю временную границу составления документа.

Разнообразные, иногда противоречивые данные о сроках пребывания предполагаемых авторов карты в Приморье и времени возвращения их в Корею требуют более осторожного подхода к вопросу об авторстве и датировке документа. Учитывая приведенные доводы, время составления карты, по нашему мнению, следует отнести к 1880-м годам. Уточнить сроки и авторство документа позволит дальнейшая кропотливая работа с архивными материалами.

Анализ текста карты свидетельствует о том, что составители больше внимания обращали на крупные российские поселения, нежели на разбросанные деревеньки корейцев. При этом тщательно фиксировались наличие гарнизонов, их военное состояние, укрепления, количество и расположение артиллерийских орудий, число регулярных войск, их принадлежность, военные коммуникации. На военные цели составления карты указывал первый исследователь документа профессор Ю Ён Бак [2, с. 20].

О разведывательных задачах миссии подробно повествует в своих комментариях д-р Ли Ван Му, настаивая на преимущественно военной цели составления карты. При этом собрать столь подробные сведения самостоятельно Ким Гван Хуну и Син Сон Уку было не по силам. Существенную помощь, по мнению исследователя, оказывали им проживавшие в Приморье корейцы, создавшие разветвленную «сеть информаторов на местах», которые начали собирать конфиденциальные сведения оборонительного характера задолго до появления корейской миссии в России [5, с. 61]. Отметим, что на карте приводятся сведения разведывательного характера не только о России, но и о пограничных территориях Китая. Например, о системе командования и состоянии военных укреплений приграничного Хуньчуньского гарнизона: «На востоке и западе [расквартировано] несколько воинских частей *ин*⁷. На западе пятью *ин* командует уроженец провинции Хунань *тунлин*⁸ Го. Восточными частями команду-

⁷ *Ин* 營 — части знаменных войск во времена правления маньчжурской династии Цин (1644–1911).

⁸ *Тунлин* 統領 — командующий несколькими воинскими частями *ин*.

ет выходец из Итунхэ, что в провинции Цзилинь, *цзунтунлин* И. Что касается набора людей для вспашки целины и несения воинской службы, то этим ведает Ли Цзиньюн, уроженец Уси из провинции Цзянсу, исполняющий обязанности начальника области и одновременно управляющий вопросами образования Цзилинь. Фортификационные сооружения воинских частей крепки, военная охрана очень строга» («Карта России». Хуньчунь [1]).

Не менее важной, по нашему мнению, задачей миссии, которой д-р Ли Ван Му отводит второстепенное место, был сбор сведений о проживавших в Приморье корейцах. Исследование процессов, которые сегодня принято называть миграционными, включало изучение жизни и быта корейских переселенцев. Следует учитывать, что незаконно пересекая порубежную р. Туманган корейцы становились нарушителями королевских законов — за это полагалась смертная казнь [7, р. 11]. Ситуация изменилась к концу XIX в. Признавая факт присутствия корейцев за границей, правительство намеревалось извлечь из этого определенную выгоду. При описании корейских селений аккуратно фиксировались число дворов, количество корейских жителей и площадь прилегающей территории. Экспедиция, как сообщается в оглавлении, насчитала «всего 29 поселений», начиная от Лутуньдао, что вблизи российско-корейской границы, и на север до Шамоли, в которых было «2640 дворов с общим числом жителей 20 313 человек» («Карта России». Оглавление [1]).

Описание каждого селения начинается с его географической привязки к местности, с указанием расстояния в *ли*⁹ до ближайших или наиболее крупных селений. Приводятся количество семей-дворов, число проживающих корейских переселенцев, описываются предметы местного промысла, производства, указывается, что выращивалось на прилегающих землях, насколько они плодородны, что вылавливалось в близлежащих водоемах.

Начальные строки текста карты (рис. 2) описывают Лутуньдао (кор. Ноктундо, рус. Красное Село), первое пограничное поселение на территории России: «На 70 ли с юга на север и на 30 ли с востока на запад [раскинулась] обширная, невспаханная равнина с [пригодными для] сельскохозяйственной [обработки] плодородными землями. На расстоянии 30 ли к югу [расположено селение] Сишуйло, 15 ли на запад — Цзаошаньбао, 100 ли на северо-запад — Цинсинфу, 70 ли на север — Жуйсяньцзэ. На западе [земли] огибает [река] Доуцзян, на востоке [они] выходят к океану» («Карта России». Лутуньдао [1]). Вышеприведенная цитата, относящаяся к описанию российской пограничной территории, побудила д-ра Ли Ван Му обратиться к вопросу об исторической принадлежности земель Кореи, о чем он подробно рассказывает в своих комментариях [5, с. 62–65].

Корея издавна страдала от недостатка плодородных земель, пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур. Сразу за рекой, на российской территории, находились обширные, плодородные угодья. Об этом постоянно напоминают авторы, описывая Приморье. Там проживают корейцы, которые, по словам составителей, не платят налогов ни корейскому правителю, ни русскому царю, но при этом «соблюдают нравы и обычаи родной страны... не забыли милости правящей династии, несколько сот лет вскармливавшей» их («Карта России». Лутуньдао [1]).

Для членов миссии была важна многократно отмеченная в тексте приверженность корейских переселенцев традиционной культуре, преданность своему правителю.

⁹ *Ли* 里 — мера длины; одна корейская ли (миля) равняется 0,393 км, китайская — около 0,516 км.

Рис. 2. Лист «Карты России» с изображением пограничной р. Туманган [1].

Категоричность данного утверждения (иного, впрочем, и нельзя было ожидать от официальных представителей правящего корейского дома) могут поставить под сомнение свидетельства других авторов. Так, американский исследователь А. Малоземов пишет о том, что переселившиеся «корейцы с готовностью перенимали обычаи и язык русских» [7, p. 11].

Условия жизни и быта корейских поселенцев на российской территории были описаны известной путешественницей и талантливой писательницей Изабеллой Л. Бишоп (*Isabella Lucy Bird Bishop*, 1831–1904), которая с 1894 по 1897 г. совершила четыре путешествия по Корее. Посетив близлежащие территории Маньчжурии, Сибири, Дальнего Востока, она живописно отразила свои впечатления в книге «Корея и её соседи», опубликованной между китайско-японской и русско-японской войнами и имеющей несомненную ценность для изучения новой истории Кореи и сопредельных государств [13]. Приведем описание корейских деревень и их жителей в российском Приморье, данное путешественницей:

«Большинство жилищ имели по четыре, пять, а то и шесть комнат, стены и потолки покрыты бумагой, причудливо украшенные двери и окна с вправленной полупросвечивающей бумагой, покрытые циновками полы, мебель, которую не всегда увидишь даже в богатых домах Кореи. Шкафчики с выдвигаемыми ящиками, бюро, коробка под рис из резного дерева с причудливыми латунными украшениями, невысокие столики, стулья, диванные подушки, латунные самовары, буфеты с набором медной посуды, латунные чашки, фарфор, посуда для чая, медные подсвечники, латунные керосиновые лампы и изобилие прочей утвари служили свидетельством благополучия.

Во многих жилищах картины царя и царицы, Христа, греческих святых, оправленные в рамки лики христианских святых заменили мазню, изображающую семейных демонов. За дверью: амбары полные зерна, лошадки, кобылы с жеребятами, черные свиньи улучшенной породы, тягловый скот и скот на откорм, предназначенные для Владивостокского рынка, — все это вместе с повозками и сельскохозяйственным инвентарем свидетельствовало о солидном материальном достатке. Невозможно путешественнику встретить большее гостеприимство и столь чистое и приспособленное жилье, чем встретила я в этих корейских домах» [13, р. 235].

Замечательный русский путешественник Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906), посетивший в 1898 г. в ходе кругосветного путешествия российское Приморье, Корею, Маньчжурию, высоко оценивал моральные качества, миролюбие корейцев. Он писал в дневниковых заметках: «Был в школе деревни Подгорской¹⁰. И учитель, и ученики — корейцы... Дети усердны и все поразительные каллиграфы. И к остальным наукам, впрочем, корейцы очень способны... Из рассказов, между прочим, выясняется, что русским корейцам живется гораздо лучше, чем их братьям в Корее. Они говорят, что, если бы не запрещались переселения, вся Северная Корея перешла бы в Россию» [14, с. 86].

Хотя некоторые записи в тексте карты повествуют о якобы имевших место притеснениях в отношении корейцев со стороны российских властей, ее содержание свидетельствует о том, что корейцы обычно селились недалеко от российских охранных постов, пограничных застав, защищавших корейские деревни от частых набегов банд хунхузов с китайской территории. Примеры разбоя, чинимого как китайскими хунхузами, «которые пересекали границу, чтобы грабить корейские деревни», так и полуголодным, обкрадываемым своими же офицерами маньчжурским воинством, «создавшим такой террор, что крестьяне вынуждены были бежать из своих жилищ по огромной территории», приводит в своей книге Изабелла Бишоп [13, р. 237–238]. Практически на всех листах карты обозначены российские охранные посты пограничной стражи, заставы, которые располагались по соседству либо прямо в поселениях, где, как указано в тексте, «проживает наш народ», т. е. корейцы.

Русские войска защищали корейские деревни и от проживавших на территории российского Приморья аборигенных жителей — об этом также свидетельствует карта. Так, в описании корейской деревушки Доубихэ 都埤河 есть запись: «Прежде проживавшие [здесь] Ху¹¹ намеревались причинить вред нашему недавно переселившемуся народу. [Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] наш народ¹². Для охраны вновь учредили пост, расположив 1000 военных поселенцев» («Карта России». Доубихэ [1]).

Аналогичная запись имеется и при описании местности Сучен 蘇城, где также проживали корейцы: «Первоначально здесь было 400–500 дворов Ху. Русские, полагая,

¹⁰ Пограничная деревня Подгорская (Подгорная) располагалась на российской территории в устье реки Туманган.

¹¹ Ху 胡 — общее название северных тунгусо-маньчжурских народов, проживавших на территории современного Приморья и Приамурья. Корейский исследователь считает, что в тексте упоминаются маньчжуры [5, с. 31].

¹² Между тем корейский перевод текста карты гласит: «[Тогда русские] изгнали Ху, утвердив [в этих местах] свой народ» [4, с. 49]. Корейский вариант перевода трактует 我民 как «свой народ», подразумевая «расселили» здесь русских, что, по нашему мнению, неверно, поскольку корейцы, авторы текста, не могли писать о русских как о «своем народе».

что [местные] намерены погубить наш народ, изгнали всех жителей Ху. А для того чтобы защитить наш народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные войска» («Карта России». Сучен [1])¹³.

Литература

1. 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi. Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido = «Дневники [миссии на] северный берег реки». «Записи о землях, расположенных на левом берегу реки». «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國精神文化研究院 Hankuk Jeongsin Munhwa Yeonguwon = Академия духовной культуры Кореи, 1994. 285 с.
2. 柳永博 Yu Yong Bak. 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России» // 國學資料 Kukhak Charyo. 1972, февр. С. 18–21.
3. 幸承權 Syn Seoung Kwon. 江左輿地記. 俄國輿地圖解題 Kangzwa Jochigi. Aguk Yeojido haeye = Комментарии к «Записям о землях, расположенных на левом берегу реки» и «Карте России» // 江北日記. 江左輿地記. 俄國輿地圖 Kangbuk Ilgi... Соннам, 1994 (см. выше). С. 38–51.
4. 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России». 城南市 Seongnam-si = Соннам: 韓國學中央研究院 藏書閣 Hankukhak Jungang Yeonguwon Jangseogak = Библиотека Чансогак Академии корееведения, 2007. 66 с.
5. 李旺茂 Li Wang Mu. «아국여지도»와 XIX 세기말 조선의 관방(關防)의식 = «Карта России» Агук Ёджидо и представления о защите границ в Корее в конце XIX столетия // 俄國輿地圖 Aguk Yeojido = «Карта России». Соннам, 2007 (см. выше). С. 58–65.
6. Русско-китайские отношения 1689–1916. Официальные документы. М.: Вост. лит., 1958. 139 с.
7. Malozemoff A. Russian Far Eastern Policy, 1881–1904. Berkeley: Univ. of California Press, 1958. 358 p.
8. Посвет К. Н. Прекращение ссылки в Сибирь // Русская старина. XLIX. 1899, июль. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1899. С. 52–59.
9. Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860–1895. М.: Изд-во АН СССР, 1956. 899 с.
10. Syn Seoung Kwon. The Russo-Japanese Rivalry over Korea, 1876–1904. Seoul: Yuk Phub Sa, 1981. 215 p.
11. Пак Б. Д. Россия и Корея. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. 520 с.
12. Симбирцева Т. М. Из истории политической интриги в Корее: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // Российское корееведение. Альманах. М.: Муравей, 2003. Вып. 3. С. 169–192.
13. Bishop I. L. Korea and Her Neighbors. A Narrative of Travel, with an Account of the Recent Vicissitudes and Present Position of the Country. Seoul: Yonsei University Press, 1970. 488 p.
14. Гарин Н. Г. Из дневников кругосветного путешествия (По Корею, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). 3-е изд., сокр. М.: Государственное издательство географической литературы, 1952. 445 с.
15. Корейцы на российском Дальнем Востоке (вт. пол. XIX — нач. XX в.): документы и материалы. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2001. 308 с.
16. Аюшин Н. Б., Калинин В. И., Воробьев С. А., Гаврилкин Н. В. Владивостокская крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. 336 с.

¹³ А вот как переводит этот отрывок корейский исследователь: «Русские, полагая, что [местные] намерены погубить их (?) народ, изгнали всех жителей Ху. А для того чтобы защитить свой (!?) народ, возвели лагерь, [разместив в нем] охранные войска» [4, с. 49]. Здесь также присутствует неправильная, на наш взгляд, трактовка термина 我民 в корейском переводе текста карты как «их народ», «свой народ», т. е. русские.

17. *Yoon Hong-key*. The Culture of Fengshui in Korea: an Exploration of East Asian Geomancy. Oxford: Lexington Books, 2006. 331 p.
18. *Ингемансон Биргитта М.* Космополитический Владивосток: шведские отблески, 1908–1923 // Рубеж. 2003. № 4 (866). С. 273–278.
19. *Матвеев Н. П.* Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Изд-во «Усури», 1990. 302 с.
20. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 276. Л. 6–7 об.
21. Никольск-Уссурийский: страницы истории: документы и материалы / ред.-сост. Н. А. Троицкая и др. Владивосток: РГИА ДВ, 2003. 180 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Е Байчуань, Чжан Боно

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦИН: ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА

В 2002 г. китайские ученые приступили к реализации государственного проекта, который предусматривал создание в течение 10 лет фундаментального труда по истории династии Цин (1644–1911) — последней из правивших в Китае. Его объем должен составить 100 томов. Тем самым будет подведен итог многолетнему изучению этого очень важного периода китайской истории, а также решен целый комплекс других весьма существенных для национальной науки проблем. Реализация проекта предполагает тщательное изучение всего, что к настоящему времени наработано по истории династии Цин в Китае и за рубежом, перевод на китайский язык наиболее значительных работ в данной области, подготовку специальных трудов по наиболее важным проблемам истории этого периода.

Основные задачи в деле реализации проекта возложены на Институт истории династии Цин при Народном университете Китая, однако в работе участвуют практически все обществоведы КНР, специализирующиеся на изучении данного периода. Руководителем проекта является признанный авторитет в области истории династии Цин и один из крупнейших историков современного Китая профессор Дай И. В сфере общественных наук подобный проект осуществляется впервые, он стал крупным событием в научной и культурной жизни современного Китая.

Особое внимание китайские историки уделили обеспечению надежной источниковой базы готовящегося труда, введению в научный оборот всего имеющегося фактического материала по истории династии Цин. Прежде всего это касается документальных источников.

В многовековой истории императорского Китая династия Цин — единственная, чья государственная документация сохранилась практически полностью, дошли до нас и многие другие материалы, содержащие весьма ценную информацию об этом периоде. Общее их количество превышает 20 млн единиц, и около половины из них находится в Первом историческом архиве КНР (Пекин), одном из крупнейших архивохранилищ страны. Основу находящегося здесь фонда государственной документации составляют документы двух центральных ведомств — Государственной канцелярии и Государственного совета¹, а также различных дворцовых служб, которые подчинялись Дворцовому управлению (内务府). В первую очередь это доклады чиновников. В зависимости от круга вопросов, которых они касались, и места докладчика в бюрократической иерархии доклады делились на несколько категорий. Основную их массу составляли доклады «ти бэнь» (题本), содержащие наиболее важную информацию,

¹ Первоначально вся государственная документация проходила через Государственную канцелярию (内阁) — одно из наиболее влиятельных учреждений Империи. Позднее центральным звеном всей цинской государственности стал Государственный совет (军机处), образованный в 1730 г. Здесь решались все главные вопросы жизни страны и принимались самые существенные решения в области внутренней и внешней политики. В архивах этого учреждения оказалась сосредоточена вся наиболее важная документация, но основной ее поток по-прежнему шел через Государственную канцелярию, своего значения она не утратила.

и «цзоу бэнь» (奏本). Но наибольший интерес представляют доклады «цзоу чжэ» (奏折). Впервые они появились в конце XVII — начале XVIII столетия в период правления императора Канси. Такие доклады посвящались важнейшим вопросам жизни государства, их мог представлять строго ограниченный круг высшей бюрократии Империи, и они, минуя все инстанции, сразу попадали на стол императора. Ознакомившись с содержанием доклада, император красной тушью накладывал резолюцию, после чего доклад отправлялся для исполнения. Эти доклады «цзоу чжэ» с резолюцией императора, называвшиеся «чжу пи цзоу чжэ» (朱批奏折), являлись документами секретными и хранились в архивах дворцовых служб. А после очередного пожара 1729 г., который уничтожил часть архивов, было принято решение снимать с докладов «цзоу чжэ» копии. Они получили название «лу фу цзоу чжэ» (录副奏折) и хранились в архиве Государственного совета. В настоящее время в Первом историческом архиве хранятся документы этого типа с 1730 по 1911 г.

Прохождение поступивших на имя императора докладов «цзоу чжэ», подготовку решений по затронутым в них вопросам и их исполнение чиновники Государственного совета фиксировали в специальных журналах. Эти журналы называются «суйшоу дан» (随手档) и содержат уникальную информацию обо всех деталях делопроизводства в этом центральном ведомстве Империи и процессе выработки решений по принципиальным вопросам жизни государства.

Со второй половины XIX в. в практику делопроизводства двора и чиновников Государственного совета вошли телеграммы, их копии также хранятся в Первом историческом архиве.

Дошедшая до нас государственная документация империи Цин выполнена на двух официальных языках — китайском и маньчжурском (таких документов около 20%), есть двуязычные документы, а также документы на монгольском, тибетском и языках некоторых других народов, населявших Империю.

Значительную часть фондов Первого исторического архива составляет особая категория официальных исторических трудов. Это «дневники» (起居注), «правдивые записи» (实录), императорские родословия (玉牒) и некоторые другие тексты. Они не предназначались для широкого распространения и были приравнены к важнейшей государственной документации; их рукописный текст, помимо императора, был доступен лишь немногим сановникам из его ближайшего окружения.

Значительными фондами документальных материалов по истории династии Цин располагает не только Первый исторический архив, но и некоторые региональные архивы КНР, а также библиотеки, научные и высшие учебные заведения. В общей сложности они содержат около 10 млн архивных дел.

Одним из крупнейших подобных архивохранилищ является Архив провинции Ляонин (г. Шэньян). В этом регионе происходило становление ранней маньчжурской государственности, здесь правили первые представители дома, который в 1644 г. овладел китайским престолом, а г. Мукден (Шэньян) стал второй столицей империи Цин. В Архиве провинции Ляонин сосредоточено немало ценной документации, прежде всего относящейся к периоду становления династии Цин. Так, именно здесь хранится оригинал первой маньчжурской летописи «Старые документы на маньчжурском языке» (满文老档).

Ценные материалы хранятся в библиотеке г. Далянь. Этот город с 1905 по 1945 г. был оккупирован японцами, которые превратили библиотеку в хранилище попавших

к ним документов и материалов по истории династии Цин, а также книг на русском, японском, английском и других языках по этой теме. Здесь, в частности, оказались сосредоточены материалы о японо-китайской войне 1894–1895 гг. и войне Японии с Россией 1904–1905 гг.

После нападения Японии на Китай в 1937 г. наиболее ценные материалы из государственных архивов империи Цин были вывезены гоминьдановским правительством из Пекина и других городов северного Китая, и ко времени образования КНР все они оказались на Тайване. Основная их часть — 400 тыс. архивных дел — в настоящее время находится в тайбэйском музее Гугун, а еще 310 тыс. дел хранятся в Институте новой истории и Институте истории и языка (Тайбэй). Немало ценных материалов по истории династии Цин (в том числе и государственных документов) попало в зарубежные хранилища, такие как Библиотека Конгресса США, Британская библиотека, Библиотека Лондонского университета, Парламентская библиотека и Библиотека «Тоё бунка» в Японии, Государственный исторический архив России. По оценкам китайских ученых, таких материалов и документов не менее 100 тысяч.

Работа с архивными материалами, прежде всего с теми, что хранятся в Первом историческом архиве, сразу же оказалась в центре внимания участников проекта. Началась оцифровка отобранных источников, и к настоящему времени уже обработано около 850 тыс. архивных дел, в том числе более 550 тыс. докладов «лу фу цзоу чжэ» за период с 1730-х годов до конца правления династии из архивов Государственного совета, 200 тыс. докладов «чжу пи цзоу чжэ» из архивов дворцовых служб и 100 тыс. других архивных документов. Планируется подготовить и издать 18 тематических сборников общим объемом 1800 тыс. дел. Часть из них уже издана, назовем лишь некоторые.

1. Материалы дворцовых архивов империи Цин о событиях года «гэн цзы» (1900 г.) [1]. Сборник впервые делает доступной государственную документацию, относящуюся к одному из крупнейших событий новой истории Китая — восстанию «ихэтуаней». Документы содержат множество ранее практически неизвестных историкам сведений о политике цинского двора и действиях военного контингента 8 западных держав, введенного в Китай для борьбы с повстанцами.

2. Телеграммы Государственного совета при династии Цин [2]. Сборник включает в себя 40 тыс. секретных телеграмм, прошедших через это важнейшее государственное учреждение с 1884 г. до конца правления династии. Сюда вошли отправленные телеграфом указы императора и доклады видных чиновников двору. В телеграммах затрагиваются важнейшие вопросы внутренней и внешней политики, экономики, военных дел, финансов, образования, религии и пр. Все эти материалы имели секретный характер, и большая их часть до публикации сборника не была известна специалистам.

3. Дворцовые архивы провинции Жэхэ [3]. В районе г. Чэндэ (ныне — провинция Хэбэй) находилась летняя резиденция цинских императоров, где они проводили значительную часть года, не только отдыхая от пекинской жары, но и занимаясь государственными делами. Сборник содержит 3616 материалов за период с 1665 г. до конца династии. Это императорские указы, доклады чиновников, деловая переписка, посвященная функционированию самой резиденции, «дневники» и пр. Многие из вошедших в сборник материалов содержат важные сведения о внешней политике династии Цин.

4. Архивы цинского дворцового храма Пунин сы [4]. Этот храм находился в окрестностях г. Чэндэ. Здесь цинские императоры приносили молитвы буддийским божествам, отдыхали. Возведение храма и его деятельность тесно связаны с монгольской

и тибетской политикой цинского двора. В сборник вошли документы центральных государственных учреждений Империи, относящиеся к созданию храма, его функционированию и религиозной жизни цинского двора.

5. Цинские архивные материалы парка Чжуннаньхай [5]. Чжуннаньхай — один из красивейших парков Пекина, расположенный близ императорской резиденции дворцового комплекса Гугун. Его начали создавать ещё в X–XI вв., а свой окончательный облик парк обрёл при династии Мин (1368–1644). Находившийся здесь императорский дворец Интай (Обитель бессмертных) был местом, где цинские императоры, оставшись летом в Пекине, занимались государственными делами и отдыхали. В этом дворце был возведён на престол император Гуансуй (годы правления 1875–1908), здесь он проводил свои дни под присмотром вдовствующей императрицы Цыси. С конца XVII в. здесь проводились государственные приёмы, встречи с иностранными дипломатами, для развлечения императоров устраивались соревнования в выездке и стрельбе из лука — традиционных занятиях маньчжурских воинов. В сборник вошли документы различных центральных ведомств, хранящиеся в Первом историческом архиве и относящиеся к функционированию этой резиденции цинских императоров. Они сгруппированы в 5 разделов: политическая деятельность, жизнь императоров и императриц, убранство и коллекции, стихи и проза императоров и чиновников, ремонт и управление. Большая часть вошедших в сборник материалов никогда прежде не публиковалась.

Помимо названных, готовятся к изданию или уже изданы «Доклады “лу фу цзоу чжэ” из архива Государственного совета», «Доклады “чжу пи цзоу чжэ” из архива дворцовых служб», «Доклады “ти бэнь” по финансовым вопросам из архивов Государственной канцелярии», «Доклады “ти бэнь” по уголовным делам из архивов Государственной канцелярии», «Архивные материалы на маньчжурском языке о Джунгарском ханстве из архивов Государственной канцелярии» и др.

Одновременно были изучены все региональные архивы страны, располагающие цинской документацией, и отобраны для последующей публикации наиболее ценные материалы. Такая масштабная работа осуществляется в КНР впервые. К настоящему времени подготовлены для публикации несколько сборников: «Сборник архивных материалов уездных учреждений южной части провинции Сычуань за период с правления императора Шуньчжи (1644–1661) по правление императора Тунчжи (1861–1875)», «Сборник региональных архивов Тибета периода правления династии Цин», «Цинские материалы уезда Басянь периода правления императора Сяньфэна (1850–1861)», «Архивные материалы дворцового управления, хранящиеся в библиотеке г. Далянь» и некоторые другие.

Как и документы из Первого исторического архива, многие материалы региональных архивов выполнены не только на принятых в империи Цин официальных языках, но и на языках населявших Империю малых народов, и введение их в научный оборот потребовало перевода этих материалов на китайский язык. К настоящему времени значительная их часть — объёмом 7260 тыс. иероглифов — уже переведена, а некоторые и опубликованы. Планируется отобрать и перевести 4 тыс. дел на тибетском языке общим объёмом 1 млн иероглифов. Ведётся большая работа по переводу документов с монгольского языка и языков других народов.

Введение в научный оборот и изучение огромной массы архивных материалов обеспечило специалистов разнообразными и уникальными по своему характеру све-

дениями о деталях жизни китайского общества и государства, о которых официальные исторические труды, долгое время являвшиеся основным источником по истории династии Цин, никогда не сообщали. Например, прежде китайские историки считали, что началу «опиумных войн» предшествовало жесткое противостояние двух враждебных группировок, одна из которых, возглавляемая Линь Цзэсюем, выступала за безоговорочное запрещение торговли опиумом, а другая — она была представлена сановниками маньчжурами Мучжаном и Цишанем — стояла на капитулянтских позициях, выступая за поиск соглашения с торговцами опиумом. Борьба группировок закончилась устранением Линь Цзэсюя, что значительно ослабило позиции цинского правительства в этом острейшем конфликте с западными державами. Однако знакомство с документацией, хранящейся в Первом историческом архиве, убеждает в том, что ситуация при цинском дворе в то время была совсем иной: практически всё окружение императора, несмотря на различия во взглядах, выступало против торговли опиумом. Так, именно Мучжана подготовил документ «39 пунктов о запрещении опиума». Он хранился в архиве и лишь недавно стал доступен историкам.

А в ходе подготовки архивных материалов по социальной истории провинции Аньхуэй в уезде Шэсянь и городе Хуаншане были обнаружены архивы влиятельного рода чаоторговцев Цзян. Это 3799 писем, 120 бухгалтерских книг и другие материалы общим объёмом 8 тыс. единиц. В них отражена жизнь и деятельность трёх поколений этого рода за 100 лет: торговля (в том числе международная), приобретение имущества, личные связи, переписка членов семьи с одним из крупнейших государственных деятелей империи Цин второй половины XIX в. Ли Хунчжаном.

Таким образом, подготовка истории династии Цин дала мощный импульс интенсивной и беспрецедентной по своим масштабам работе китайских учёных с архивами, вовлечению в научный оборот всего наиболее ценного из материалов, долгие годы недоступных учёным. Полученная информация уникальна, она создаёт надёжную базу для успешной реализации государственного проекта. Эта работа также придаёт новые качества современной исторической науке КНР: обеспечение надёжной источниковой базы, опора на документ становятся отныне непременным условием серьёзного научного исследования.

Литература

1. 庚子事变清宫档案汇编, 影印本全18册, 第一历史档案馆编, 中国人民大学出版社, 2003年。= Материалы дворцовых архивов империи Цин о событиях года «гэн цзы». Составитель: Первый исторический архив. Фотолитографированное издание, 18 томов. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2003.

2. 清代军机处电报档汇编, 影印全40册, 中国第一历史档案馆编, 中国人民大学出版社, 2005年。= Телеграммы Государственного совета при династии Цин. Составитель: Первый исторический архив. Фотолитографированное издание, 40 томов. Пекин: Издательство Народного университета Китая, 2005.

3. 《清宫热河档案》, 中国第一历史档案馆、承德市文物园林局合编, 影印全18册, 中国档案出版社。= Дворцовые архивы провинции Жэхэ. Составитель: Первый исторический архив Китая и управление достопримечательностями и парками города Чэндэ. Фотолитографированное издание, 18 томов. Пекин: Китайское архивное издательство, 2003.

4. 清宫普宁寺档案, 中国第一历史档案馆、承德普宁寺管理处合编, 影印全2册, 中国档案出版社, 2003年。= Архивы цинского дворцового храма Пуниин сы. Составитель: Первый исторический архив Китая и управление храма Пуниинсы в г. Чэндэ. Фотолитографированное издание, 2 тома. Пекин: Китайское архивное издательство, 2003.

5. 清代中南海档案, 影印全30册, 中国第一历史档案馆编, 西苑出版社, 2004年。= Цинские архивные материалы парка Чжуннаньхай. Фотолитографированное издание, 30 томов. Первый исторический архив Китая. Пекин: Издательство Сиюань, 2004.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

А. И. Пылев

СУФИЗМ У СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ТЮРОК В КАРАХАНИДСКИЙ ПЕРИОД (XI–XII вв.): ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ И КРУПНЕЙШИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

Суфизм (иначе — исламский мистицизм) как учение о возможности личного общения с Богом и интуитивного познания Истины путем самосовершенствования верующего мусульманина зародился в VIII в. на территории Сирии и Месопотамии в арабской этнической среде. Современная наука о суфизме утверждает, что это религиозно-философское и нравственное учение появилось и развилось не в результате влияния немусульманских мистических идеологий (буддизма, зороастризма, неоплатонизма и т. д.), а непосредственно «на исламской почве в результате естественного развития исламской религии в условиях феодального общества» [1, с. 315]. К XI–XII вв. суфизм принял характер массового аскетического и мистического движения и распространился по всему исламскому миру, включая и Среднюю Азию. Суфийские мотивы, темы и образы уже в то время осваивались тюркской исламской культурой, прежде всего литературой, поэзией, и оказывали на ее развитие все большее влияние. Поэтому изучение истории среднеазиатского суфизма, особенно в начальный период, в эпоху владычества в Средней Азии династии Караханидов (конец X — начало XIII в.) имеет исключительно важное значение для познания особенностей и своеобразия тюркской мусульманской культуры этого региона.

В развитии средневекового суфизма в целом прослеживаются три этапа: VIII–X вв.; X — конец XII в.; от конца XII в. и далее [2, с. 4]. Жизнь и деятельность первых известных тюркских мусульманских мистиков, знаменитых и своим поэтическим творчеством, таких как Ходжа Ахмад Йасави (ум. 1166), Сулайман Бакыргани (ум. 1185) и их ближайшие последователи, приходится на 2-й этап развития суфизма. Именно тогда суфизм принял характер «массовой религии ислама» [2, с. 5]. Одновременно его приверженцы усваивали идеи античной мистико-идеалистической философии (неоплатонизма), христианской теософии, «соединяя их с местными культовыми традициями и народными верованиями» [3, с. 6]. При этом мистицизм в исламе развивался как учение о путях непосредственного духовного общения и, далее, воссоединения (*иттихад*) человека с Творцом, Единым Богом, т. е. имел монотеистический характер. Все духовные воззрения в рамках суфизма принимали «чисто мусульманское направление» [2, с. 117]. В эту же эпоху создавались фундаментальные труды теоретиков суфизма — Джунайда ал-Багдади (ум. 910), Абу-л-Касима ал-Кушайри (986–1072), Абу-л-Хасана ал-Джуллаби ал-Худжвири (ум. 1072–1077), Абдаллаха ал-Ансари (1006–1089), Абу Хамида ал-Газали (1058/1059–1111), — ставшие затем руководством для многих поколений мусульманских мистиков.

В XI–XII вв. основные школы суфизма находились в состоянии развития и окончательного оформления своих положений. Наряду с этим бурно развивался практический мистицизм, появлялось множество суфийских кружков, в особенности в Хорасане,

а позже — в Мавераннахре и Восточном Туркестане, в районах расселения тюрок; в конце означенного периода возникли и первые суфийские ордены (братства) — Сухравардийа, Кадирийа, Кубравийа, Йасавийа.

Особенностью распространения суфизма в Средней Азии явилось то, что в это же самое время происходила исламизация как исконного населения среднеазиатских оазисов, оставшихся за границами арабских завоеваний, так и «множества тюркоязычных племен и племенных конфедераций, проникавших на рубежах II тысячелетия н. э. с севера и востока в Мавераннахр и далее на юг и юго-запад» [4, с. 112]. Роль миссионеров, способных на простом и понятном тюркам-кочевникам языке толковать основные догматы монотеистической религии, легенды о пророках, завоевывать сердца вновь обращенных в ислам слушателей сочинением и чтением религиозных стихов, выполняли в основном именно суфийские шейхи и их последователи.

Взаимоотношения суфизма и официального ислама в лице *имамов*, *факихов* (правоведов) и *'улама'* (ученых-богословов) вначале складывались напряженно из-за нетерпимости мусульманских авторитетов к антропоморфизму суфиев в изображении Единого Бога и своих чувств к нему (известно, что важную роль в мистицизме играет концепция любви к Божеству, описываемой в образах земной любви). Однако в конце XI–XII вв. отношение богословов к суфизму начинает меняться. Сильные мира сего понимают, что суфизм выгоднее сделать своим союзником, опорой власти и средством дальнейшего распространения ислама. Этому примирению во многом способствовали работы философа-теолога Абу Хамида ал-Газали, сумевшего согласовать положения «умеренного суфизма» и нормативного ислама, давшего мусульманское толкование любви и утверждавшего, что истинно достойным любви является лишь Всевышний Аллах [5, с. 230–250].

Первыми восточными центрами суфизма, откуда он начал распространяться по Средней Азии, стали иранские города Балх и Нишапур. Из Балха происходил один из самых первых суфиев-подвижников Ибрахим ибн Адхам (ум. после 776–777), сын правителя города. В образе жизни и учении этого раннего мусульманского мистика главными и определяющими были аскетические элементы [6, с. 10]. Согласно одной из многочисленных легенд, сложенных вокруг его имени, Ибрахим, приняв суфийский образ жизни, отказался от престола, покинул жену и сына и отправился в Медину, где до конца жизни жил в нищете, занимался тяжелым физическим трудом и где совершил все свои мистико-аскетические подвиги [7, с. 182]. По другой легенде, ибн Адхам, став суфием, большую часть жизни провел в Сирии и погиб как мученик за веру во время морского боя с византийцами [7, с. 183].

Хотя Ибрахим ибн Адхам и не действовал как суфий у себя на родине, последователи и преемники его школы в Балхе «вели активную пропаганду в соседнем Туркестане» [8, с. 229–230]. Это обусловило необычайную популярность мистика среди тюрок — как простолюдинов, так и образованной элиты — уже в XI–XII вв. Полулегендарное жизнеописание суфия было известно в тюркской среде под названием «Кысса-йи Ибрахим ибн Адхам» («Сказание об Ибрахиме ибн Адхаме») [7, с. 184]. В этом народном произведении имеется, в частности, любопытный рассказ о причинах, побудивших правителя Балха стать суфием-аскетом. Однажды Ибрахим, преследуя на охоте кулана, услышал от него вопрос: для того ли он сотворен, чтобы преследовать беззащитных тварей? На следующее утро царь увидел на крыше дворца некоего бедуина, который искал там потерявшегося верблюда. Царь указал кочевнику на бессмысленность таких поисков, но бедуин ответил, что это не более бессмысленно, чем искать путь к Богу, сидя на престоле. Все

эти события произвели на Ибрахима столь глубокое впечатление, что он, облачившись в рубище суфия, тайно отправился в Мекку. Совершив паломничество к храму Каабы (араб. *ал-Ка'ба*), т. е. *хаджж*, и к гробнице пророка Мухаммада, Ибрахим остался жить в Медине, зарабатывая себе на пропитание сбором и продажей хвороста [7, с. 185].

Е. Э. Бертельс убедительно доказал, что нравоучительные изречения Ибрахима ибн Адхама (исторического или легендарного) были известны в тюркской среде уже в XI в. [7, с. 181–182]. Персидский поэт Фарид ад-Дин 'Аттар (1119 или 1136 — ок. 1229 или 1234) в ряде своих произведений приводит высказывание Ибрахима о нежелательности для суфия вступать в брак: «Дервиш, который женился, сел в ладью, а когда появился сын — (ладья) утонула» [6, с. 11]. Это же изречение почти в точности приводит и автор «Кутадгу билиг» («Благодатное знание», закончено в 1069/70 г.) — первого тюркского поэтического произведения, проникнутого мусульманской идеологией. Отшельник-суфий Огдүлмишем в разговоре с посланцем элика (правителя) Огдүлмишем утверждает:

“Kemä mindi saqyn kisi alyučy,
Tängiz otra kirdi kemä mingyçi;
Oyul qyz törysä, kemäsi synur,
Kemä synsa, suvda tirig kim kalur?”¹

«Кто женится, тот словно в лодке плывет,
Выходит он в море бушующих вод.
Детьми обзавелся — в посудине течь.
И как тут от смерти живых уберечь?»

Пер. С. Н. Иванова [10, с. 303].

До сих пор точно не установлено, следует ли относить приведенные биографические факты и поучения к историческому Ибрахиму ибн Адхаму, или все они являются легендарными и были приписаны известному мистика позднее. Однако сам факт популярности Ибрахима Адхама и аскетического суфийского учения, связываемого с его именем в Средней Азии в период раннего средневековья, указывает на некоторые особенности среднеазиатской суфийской традиции. В частности, сильный аскетический элемент, мотивы отрешенности от всего земного как главного средства обретения Божественной Любви и познания Истины, которые проявляются и в сочинениях первых тюркских поэтов-мистиков («Диван-и хикмат» Ахмада Йасави и др.), и в некоторых суфийских трактатах XII–XIII вв., как представляется, берут свое начало именно в деятельности Ибрахима Адхама [11, с. 126–127, 130–1315]².

Одним из ранних суфийских проповедников, действовавших в Хорасане, был Абу Бакр Васити (ум. после 932), подвизавшийся в Мерве, древнем культурном центре на западе Средней Азии. Этот мистик родом из Ферганы некоторое время прожил в Багдаде, а затем навсегда поселился в Мерве. В истории суфизма Абу Бакр Васити знаменит своими изречениями о сущности понятий *зикр* (помянуть имен и атрибутов Бога), *таухид* (признание единства и единственности Бога), а также высказыванием

¹ Текст приводится в упрощенной транскрипции по изданию памятника, подготовленному Институтом исследований национальных литератур Академии общественных наук Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР [9, б. 708].

² По мнению некоторых исследователей, в среднеазиатском суфизме стремление к познанию Божественной Истины и любовь к Богу были понятиями тождественными [12, с. 7].

о том, что путь к единению с Богом «предопределен в вечности», он не зависит от личной воли мистика. Абу Бакр Васити считается духовным основоположником суфийского движения в районе Мерва, в частности школы Саййаритов, названной по имени ученика Абу Бахра — Абу-л-‘Аббаса Саййари (ум. ок. 954) [8, с. 230].

Абу Бакр, как и многие другие суфии X в., действовавшие в Хорасане, принадлежал к школе «умеренного» суфизма багдадского мистика Абу-л-Касима Джунайда ал-Багдади (ум. 910). Этот мистик, перс по происхождению, создал одно из двух основных направлений практического мусульманского мистицизма — школу «трезвости» (*сахв*). Джунайд утверждал, что путь к познанию Истины, к достижению духовного единения с Творцом лежит через полную покорность Божественной Воле, признание своего ничтожества перед Богом, уверенность в том, что единственное реальное бытие есть бытие Божества [13, с. 31–32]. Идущий этим путем мистик достигает состояния *фана*’ (араб. букв. «исчезновение, гибель»; у суфиев — «потеря (собственного) бытия»), при котором утрачиваются все земные желания, все личностные характеристики, отпадают эмоции и реакции [3, с. 7]. Мистик чувствует полное растворение своей личности в Божестве. Однако, в отличие от основателя школы «опьянения» (*сукр*) Абу Йазид ал-Бистами (ум. 874), Джунайд считал состояние *фана*’ лишь промежуточной фазой. По его мнению, мистик обязан идти дальше, «получить обратно все свои временно утраченные человеческие свойства, но уже видоизмененными и одухотворенными предвечным могуществом» [14, с. 69]. Обретя эти свойства, суфий превращается в более совершенное человеческое существо, достигшее состояния *бака*’ («вечное пребывание в Боге») и наделенное Богом способностью к самообладанию и контролю своих экстатических видений, призванное вернуться в мир обновленным, просвещать людей и служить на благо человеческому сообществу [3, с. 7]. Учение Джунайда о «трезвости» было основано на трезвом, критическом отношении мистика к своим эмоциям и полном контроле над ними.

Последователи Джунайда были «умеренными суфиями», они считали необходимым «строгое соблюдение мусульманского закона — *шари‘ата*, его ритуалов и его заповедей; они только старались одухотворить ортодоксальный ислам, превратить его из религии покорности и повиновения Богу в религию сердца и любви к Богу, а сухую и черствую обрядность — “делание членами тела”, как они говорили, — превратить в “деяния сердца”» [1, с. 319]. Умеренность теоретических постулатов и признание безусловной необходимости *шари‘ата* для всех верующих, в том числе и для мистиков самых высоких степеней совершенства, предопределили терпимое отношение богословов к школе Джунайда. Теоретические и практические положения большинства школ, а позднее братств (орденов) в среднеазиатском суфизме основываются именно на учении Джунайда ал-Багдади.

Крупным и авторитетным среднеазиатским суфийским наставником был шейх Абу ‘Али ад-Даккак (ум. ок. 1015), родившийся в семье ремесленника (продавца муки) и живший в городе Нишапуре (Северо-Восточный Иран, ныне провинция Хорасан). Руководствуясь, по легенде, указаниями самого пророка Мухаммада, который приказал шейху заняться богоугодным делом, ад-Даккак основал в Нишапуре две крупные суфийские обители (*ханаках*). Ад-Даккак был известен своими подвигами и своим учением как среди простого народа, так и в кругу образованных мистиков. Рядовые верующие называли его Шайх-и Алав («пламенный [в своей любви к Богу]») и почитали его гробницу в Нишапуре. Известный хорасанский богослов и суфий Абу-л-Касим

ал-Кушайри, любимый ученик и зять ад-Даккака, в произведении «Ар-Рисала фи ‘илм ат-гасаввуф» («Послание о суфийской науке») неоднократно цитирует своего учителя. В сочинении можно найти определения и толкования ад-Даккаком таких известных суфийских понятий, как *вакт* (миг), *хал* (состояние временного духовного озарения), *ваджд* (экстаз), *вуджуд* (экстатическое бытие) и др. [15, с. 120, 124, 130–131]. Из высказываний ад-Даккака видно, что он был приверженцем «умеренного суфизма»; в сочинении «Ар-Рисала», отразившем его учение, ад-Даккак стремился примирить суфизм с суннитским аш‘аритским исламом, доказать «правоверие» его положений [2, с. 139; 15, с. 123, 130–131].

Современником Абу ‘Али ад-Даккака был известный суфийский шейх Абу Са‘ид Фадлаллах б. Аби-л-Хайр Майхани (967–1049), последователь Джунайда. Долгое время этот мистик считался автором популярных в Иране четверостиший суфийско-дидактического содержания. Родившийся в местечке Майхане на севере Хорасана, он учился в Мерве богословским наукам, а затем, решив полностью посвятить себя суфийской практике, вернулся на родину, где долгое время жил в полном затворничестве, предаваясь аскетическим упражнениям и *зикру*. В зрелом возрасте Абу Са‘ид выступил как крупный проповедник суфизма так называемой «хорасанской» школы. Недалеко от Майхане он основал *ханаках*, где воспитывал своих послушников в духе любви к Богу, заботы о своих собратьях-мусульманах, уверенности в том, что Бог является источником бесконечной любви и нежности к тому, кто полностью посвятил себя служению Истине. Следуя заветам Джунайда, Абу Са‘ид устраивал радения (*сама*’), в практику которых впервые ввел чтение четверостиший народной поэтической формы *руба‘и* на персидском языке, музыку, танцы и песни эротического содержания³. Именно стихотворная форма проповедей стала после Абу Са‘ида характерной для ирано-среднеазиатского суфизма (в арабоязычных странах мистики чаще обращались к своим слушателям в прозаической форме). «Форма четверостиший — *руба‘и* — больше всего пришла по душе суфийским поэтам» [12, с. 19]. Примечательно, что и первые тюркоязычные поэты-мистики, действовавшие уже в тюркской кочевой среде через сто лет после Абу Са‘ида, обращались к своим малоискушенным в суфизме слушателям при помощи стихов, используя четверостишия тюркской народной формы «кошма».

Сообщество суфиев, основанное Абу Са‘идом, еще не может считаться в полном смысле орденом (братством), однако в нем были впервые установлены жесткие правила для послушников, широко применявшиеся позднее во всем среднеазиатском суфизме: соблюдение ритуальной чистоты, коллективное моление, многократная ночная молитва, чтение Корана перед рассветом, произнесение *зикра* и *вирда* (особой индивидуальной молитвенной формулы) между двумя вечерними молитвами, забота о бедных и нуждающихся, общая трапеза и др. Абу Са‘ид требовал, чтобы его последователи жили собственным трудом, не противопоставляли себя другим верующим, участвовали в делах общества, но при этом «никогда ни на единый миг не забывали о Боге». Впоследствии этот принцип жизни суфиев получил название «*халват дар анджуман*» (перс. «уединение в обществе») и действовал в среднеазиатских суфийских орденах

³ Долгое время считалось, что подобные четверостишия суфийского содержания впервые стал сочинять именно Абу Са‘ид. Новейшие изыскания доказали, что сам шейх Абу Са‘ид не писал стихов, а приписываемые ему *руба‘и* в действительности принадлежат перу его учителя в суфизме Бишра ибн Йасина и других более поздних мистиков [16, с. 11].

Накшбандийа и Йасавийа⁴. Как отмечал биограф Абу Са'ида, шейх и его приверженцы придерживались шафиитского правового толка в исламе, к которому примыкала тогда часть среднеазиатского образованного общества, в то время как простые верующие в основном были приверженцами ханифитского толка⁵. Между тем имеются косвенные сведения о том, что еще в XII в. шафиитского толка придерживались персидские и тюркские суфии, в том числе известные поэты-мистики (Ходжа Ахмад Йасави и его приверженцы).

Абу Са'ид жил в эпоху, когда многие нововведения суфийских общин считались еретическими с точки зрения нормативного ислама, вызывали резкую критику богословов, кадиев и даже некоторых «правверных» суфиев. Примирение основных ветвей суфизма с нормативным исламом произошло позднее, в результате деятельности Абу Хамида ал-Газали. Поэтому нападок и гонений не избежал и Абу Са'ид. В частности, после прибытия шейха в один из центров Хорасана Нишапур с целью проповедовать суфизм местные богословы и кадий составили на него донос правителю области государства Газневидов, в котором говорилось: «Сюда пришел человек из Мейхене, называющий себя суфием, устраивающий собрания, во время которых он с *минбара* (возвышение в мечети для произнесения пятничных проповедей. — А. П.) читает стихи, а не толкует Коран и не приводит *хадисов*» [12, с. 20]. Абу Са'иду, обвиненному также в неверии и развращении молодых мусульман, угрожала физическая расправа [12, с. 20–21]. Однако благодаря своему высокому авторитету среди населения Нишапура шейх не пострадал, а несколько позже завоевал уважение новых правителей Хорасана — Сельджуков, сменивших Газневидов. По легенде, причиной этого стало мудрое прозрение шейха о том, что предводители сельджукских войск, братья Чогры и Тогрул, одержат победу в войне с султаном Мас'удом Газнави (годы правления 1031–1041) и получат во владение соответственно Хорасан и Ирак (восточную часть). Известны и другие легенды о чудесных деяниях Абу Са'ида, свидетельствующие о контактах суфиев XI в. как с оседлым иранским населением, так и с пришлыми тюрками-кочевниками, которые «на суфиев-“чудотворцев” смотрели скорее как на своих недавних (до принятия ислама) духовных главарей-шаманов, со смешанным чувством удивления и суеверного страха, чем как на представителей одного из отрядов мусульманского духовенства» [12, с. 24]. После смерти Абу Са'ида суфийская обитель в Майхане, которой руководили его потомки, находилась под покровительством султана Санджара (правил в Восточном Иране в 1097–1157 гг.).

Во второй половине XI — XII в. в Средней Азии жили и проповедовали два выдающихся суфия, которых позднее почитали как духовных основателей двух суфийских школ — Ходжаган и Кубравийа. Из школы Ходжаган впоследствии выросли два влиятельнейших братства (ордена) Средней Азии — Йасавийа (тюркское) и Накшбандийа

⁴ Согласно суфийскому сочинению «Рашахат 'айн ал-хайат» («Капли (из) источника жизни») Ва'иза Кашифи (1463–1532/1533), созданному во 2-й половине XV — начале XVI столетия в традиции школы Ходжаган-Накшбандийа [17, s. 26]. Некоторые современные исследователи (*W. Madelung, D. DeWeese*) сомневаются в достоверности содержащихся в «Рашахат» сведений относительно истоков мировоззрения и практики этой школы, однако, отстаивая свое мнение, они без достаточных на то оснований ограничивают круг источников, которыми могли пользоваться авторы данного и других трудов (в том числе тюркоязычных), написанных в традициях Ходжаган-Накшбандийа и Йасавийа, суфийскими сочинениями XV–XVII вв. См. об этом статью Девина ДиУиса (*D. DeWeese*) [18, с. 220–222].

⁵ Впоследствии, однако, ханифитский толк стал безраздельно господствующим в Средней Азии, на что указывают источники XV–XVI вв. [8, с. 236–237; 17, s. 9].

(иранско-тюркское). Школа Кубравийа в XIII в. также стала крупным суфийским братством. Основателем школы Ходжаган почитался Абу 'Али Йакуб Йусуф ал-Хамадани (1048/1049–1140), а Кубравийа — Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221).

Йусуф ал-Хамадани, родом из Западного Ирана, большую часть своей жизни провел в городах Средней Азии и Хорасана — Самарканде, Бухаре, Герате и Мерве, где умер и был похоронен. Этот мистик, приверженец «умеренного» суфизма, твердо придерживавшийся предписаний *шари'ата*, фактически создал «школу среднеазиатского дервишизма, к которой принадлежал ряд шейхов... оказавших влияние на распространение ислама среди турок (т. е. тюрок-кочевников. — А. П.)» [8, с. 251]. Наряду с исключительной строгостью в соблюдении обычных религиозных предписаний и аскетическими подвигами Йусуфа, биографы отмечают заслуги шейха в исламизации Туркестана (очевидно, его тюркского кочевого населения): Йусуф ал-Хамадани, державший в памяти 700 сочинений по богословию и юриспруденции, за свою жизнь «8 000 идолопоклонников обратил в ислам, — тем же, которых он увещанием заставил раскаяться в грехах и наставил на путь истины, нет числа» [19, с. 17].

Учение Йусуфа ал-Хамадани, сыгравшего важнейшую роль в становлении суфизма у среднеазиатских тюрок, изображается в целом одинаково в различных средневековых исторических и собственно суфийских источниках. Шейх призывал к воздержанию, жизни в уединении и овладению своими страстями, при этом и сам вел жизнь аскета; обходился малым в быту, занимался земледелием и ремеслом, никогда не нищенствовал и строго запрещал делать это своим последователям, всегда вовремя совершал молитву, один раз в год предавался сорокадневному затвору и посту [19, с. 170; 20, s. 11; 21, s. 69–70]. Шейх не водил дружбу с властью имущими, а с бедняками был прост и кроток в общении и делился с ними всем, что посылал ему Бог. В еде Йусуф чрезвычайно строго отделял дозволенное от запретного [21, s. 69; 22, p. 499]. Традиция Накшбандийи почитает Йусуфа ал-Хамадани как создателя первых четырех положений своей суфийской практики:

1. *Хуш дар дам* (перс. «осознанное дыхание»). Это означает: осознавать каждый свой вдох, т. е. при каждом вздохе сохранять духовное спокойствие и не забывать о Боге. «Те, кто не сохраняют контроль за дыханием — сбиваются с пути» (согласно сочинению «Рашахат 'айн-ул-хайат» [«Капли (из) источника жизни»]) [17, s. 24].

2. *Назар бар кадам* (перс. «наблюдение за шагами»). Правило предписывает идущему мистическим путем (араб. *салик*), где бы он ни был, не спускать глаз со своих ног (с цели путешествия), обратить свой взор лишь на дорогу («в землю») и остерегаться смотреть туда, куда случайно упадет его взгляд. «Мудрость этого в следующем: оберегать свою душу от случайных увлечений и соблазнов и сосредоточиться на своем внутреннем мире» [17, s. 25].

3. *Сафар дар ватан* (перс. «путешествие по стране»). Имеет два значения: духовное путешествие суфия на «истинную родину» добрых нравов и ангельских качеств, избавление от злых нравов и человеческих качеств; а также земное (материальное) путешествие *мурида* в поисках своего наставника. Дервиш странствует до тех пор, пока не приобретет наставника, а затем поселяется подле него и служит ему, завершая таким образом свое внутреннее путешествие [17, s. 25].

4. *Халват дар анджуман* (перс. «быть одиноким, находясь среди людей», или «уединение в обществе»). Путешествие *салика* (букв. «вступившего на суфийский путь») внешне совершается вместе с людьми (*халк*), но внутренне оно — с Истинным Богом

(Хакк). Последователи Йусуфа ал-Хамадани говорили: «Главное в нашем *тарикате* — беседа. В удалении от людей возникает слава (гордыня), а в гордыне — бедствие. Благо в обществе, а общество в беседе» [17, s. 26]. С данным положением связано и предписание совершать *зикр* — поминание имен Бога или коранических формул для достижения духовной сосредоточенности — громко, вслух (араб. *джахр*), или тихо, про себя (араб. *хафиййа* — «тайна», «сокрытость») [2, с. 167, 291; 23, с. 401; 24, с. 234]. Известно, что сам Йусуф и его первые последователи практиковали лишь «тихий» *зикр*; «громкий» *зикр* был впервые введен поэтом-шейхом Ахмадом Йасави в связи с потребностями тюркской кочевой среды, в которой он проповедовал в конце жизни. В «Рашахат» отмечается: «Быть одиноким, находясь среди людей — это значит отдаваться *зикру* настолько, чтобы даже в самом многолюдном и шумном месте ничего (другого) не слышать» [17, s. 26].

Известно, что Йусуф ал-Хамадани, как и все его персидские наставники в суфизме, был фанатичным суннитом, уделял большое внимание чтению Корана и хадисов и не допускал в своем поведении отступления от норм *шари'ата*. Мироззрение ал-Хамадани, описанное в доступных сегодня источниках, полностью согласуется с наставлениями, содержащимися в стихах-«хикматах» первого известного тюркского поэта-мистика Ахмада Йасави.

Наджм ад-Дин ал-Кубра (1145–1221), младший современник первых известных тюркских поэтов-мистиков Караханидской эпохи — «одна из самых ярких личностей среди суфиев XII–XIII вв.» [12, с. 32]. Обучившись в Египте, шейх в 1185 г. отбыл на родину в Хорезм и основал там *ханаках*. В новой обители Наджм ад-Дин обучил суфийской науке множество последователей и положил начало новой *силсила* — цепи духовной преемственности мистиков, что фактически означало рождение нового объединения суфиев — братства (ордена) Кубравийа. Новообращенные *муриды* подвергались в обители суровым испытаниям: известно, в частности, что искусному молодому врачу Маджд ад-Дину (ум. 1209–1210 или 1219), прибывшему из Багдада для лечения самого хорезмшаха Мухаммада и пожелавшему одновременно постичь тонкости мистицизма, шейх поручил чистить отхожие места в своем *ханакахе* [12, с. 37–38].

Наджм ад-Дин Кубра был крупным теоретиком суфизма: его перу принадлежат восемь философско-религиозных трактатов. В то же время он продолжал традицию сочинения *руба'и* мистического содержания. Известно не менее 25 четверостиший шейха на персидском языке, отличающихся «большим техническим совершенством и ярким содержанием» [12, с. 35]. Среди многочисленных последователей суфия были поэты-мистики и теоретики суфизма, например Сайф ад-Дин Бахарзи (1190–1261), Маджд ад-Дин Багдади, ставший впоследствии учителем знаменитого Фарид ад-Дина 'Аттара, а также, по некоторым сведениям, Баха' ад-Дин Валад (ум. 1230) — отец Джалал ад-Дина Руми (1207–1273).

Наджм ад-Дин, не отделявший своего пути от «пути Джунайда», был в то же время «проводником суфизма в Центральной Азии в направлении практики созерцания» [11, с. 123]. Мистик не противопоставлял человеческую и Божественную любовь, считая их двумя формами одной и той же любви, причем переход от одной формы к другой предполагал метаморфозу не объекта, а субъекта любви (*'ашик*). Данное представление сближает Наджм ад-Дина Кубра с приверженцами суфийской школы «опьянения» (*сукр*) и «экстатического восторга» (*галаба*), основателем которой был персидский мистик Абу Йазид ал-Бистами, а также с оформившимся в XII столетии в восточном иранском суфизме учением о верных влюбленных.

Таким образом, наиболее выдающимися и авторитетными представителями среднеазиатского суфизма XI–XII вв., распространение которого шло одновременно с исламизацией тюркских кочевых племен, проникавших в области Мавераннахра и Хорасана, были приверженцы «умеренной» школы Джунайда. Они стремились примирить положения суфизма с официальным исламом, строго соблюдали *шари‘ат*, нередко выступали как исламские миссионеры. В то же время в Средней Азии имели определенное влияние и идеи школы «опьянения» (Божественной любовью) ал-Бистами. Рассмотренная эпоха в развитии среднеазиатского суфизма отмечена также идейным и организационным оформлением первых мусульманских мистических орденов (братств), членами которых все чаще становились выходцы из среды тюркских скотоводов-кочевников. В этих условиях в Мавераннахре и областях к востоку от Сырдарьи формируются персидско-тюркская суфийская школа Ходжаган-Накшбандийа, оформившаяся затем как орден (братство) и распространенная в основном в городах и земледельческих оазисах, а также чисто тюркское направление в исламском мистицизме — школа Ходжи Ахмада Йасави и его последователей, известная впоследствии как орден (братство) Йасавийа, основатели которого восприняли учение как тюркских, так и персидских суфийских наставников.

Литература

1. Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках: курс лекций. Л.: ЛГУ, 1966. 400 с.
2. Тримингэм Дж. С. Суфийские ордены в исламе / под ред. и с пред. О. Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1989. 328 с.
3. Дроздов В. А. Исламский мистицизм и его влияние на население СНГ. СПб.: Издательство СПбГУ, 1995. 80 с.
4. Снесарев Г. П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М.: Наука, 1983. 216 с.
5. Абу Хамид Ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа’ ‘улум ад-дин): избранные главы / пер. с араб., исслед. и коммент. В. В. Наумкина. М.: Наука, 1980. 376 с.
6. Мухаммедходжаев А. Гносеология суфизма. Душанбе: Дониш, 1990. 116 с.
7. Бертельс Е. Э. Изречение Ибрахима ибн Адхама в поэме «Кутадгу-билик» // Бертельс Е. Э. Избранные труды: суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965. С. 181–187.
8. Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. Т. 2. Ч. 1. С. 169–433.
9. Yusup Has Hadžip. Kutadgu Bilig. Shinhua: Millatlar nashriyyati, 1984. 1370 b. (на новоуйгурском языке).
10. Юсуф Баласагуни. Благодатное знание / пер. С. Н. Иванова; вступ. ст. М. С. Фомкина; прим. А. Н. Малеховой. Л.: Советский писатель, 1990. 560 с.
11. Сайф ад-Дин Бахарзи. Рисале дар ‘ишк / введ., пер. с перс. и комм. В. А. Дроздова // Восток. 1996. № 4. С. 120–135.
12. Демидов С. М. Суфизм в Туркмении: эволюция и пережитки. Ашхабад: Ёлым, 1978. 176 с.
13. Бертельс Е. Э. [Происхождение суфизма и зарождение суфийской литературы] // Бертельс Е. Э. Избранные труды: суфизм и суфийская литература. М.: Наука, 1965. С. 13–54.
14. Акимушкин О. Ф. Ал-Джунайд // Ислам: энциклопедический словарь / сост. Г. В. Милославский и др. М.: Наука, 1991. С. 69.
15. Ал-Кушайри. Азбука мистического пути: Кушайриево послание о суфийской науке / пер. с араб., коммент. и вступ. статья А. Д. Кныша // Ступени. 1992. № 2. С. 117–138.

16. *Акимушкин О. Ф.* Абу Са'ид Майхани // Ислам: энциклопедический словарь / сост. Г. В. Милославский и др. М.: Наука, 1991. С. 11.

17. *Mevlana Ali Bin Hüseyin Safi.* Reşahat Ayn el-Hayat: Can Damlaları / Özleştiren N. Fazıl Kısa-kürek. İstanbul: Kamer, 1991. 408 s. (на турецком языке).

18. *Девин ДиУис.* Маша'их-и турк и Хваджаган: переосмысление связей между суфийскими традициями Йасавийа и Накшбандийа // Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): сб. ст. памяти Фритца Майера (1912–1998) / сост. и отв. ред. А. А. Хисматулин. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2001. С. 211–243.

19. *Жуковский В. А.* Древности Закаспийского края: развалины Старого Мерва. СПб., 1894. 216 с.

20. *Ahmed-i Yesevi.* Divan-ı Hikmet'ten Seçmeler / hazırlayan Prof. Dr. Kemal Eraslan. Ankara: Kültür Bakanlığı, 1991. 498 s. (на турецком языке).

21. *Mehmed Fuad Köprülü.* Türk Edebiyatında İlk Mutasavvıflar: 7. Baskı. Ankara: Diyanet İşleri Bakanlığı, 1991. 464 s. (на турецком языке).

22. *Madelung W.* Yusuf al-Hamadani and the Naqşband'ууа // *Quaderni di Studi Arabi.* 1987–1988. 5–6. P. 499–508.

23. История Узбекской ССР: в 4 т. / отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: Фан, 1967. Т. 1. 772 с.

24. *Позднев П.* Дервиши в мусульманском мире. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1886. 334 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

А. И. Пылева

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФРАНЦУЗСКИХ КАТОЛИЧЕСКИХ МИССИОНЕРОВ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ФРАНЦИИ В СИАМЕ В XVII в.

XVII столетие стало временем активной экспансии католической церкви во всех известных тогда частях света, в том числе и в Юго-Восточной Азии. Франция XVII в. была одной из сильнейших католических держав, и стремление французского духовенства занять ведущие позиции в миссионерской деятельности возрастало. В Королевстве Сиам (с 1939 г. — Таиланд) Франция стремилась утвердить своё влияние особыми средствами: основанием Общества Парижских иностранных миссий (*La Société des Missions étrangères de Paris*) в 1659–1662 гг., попыткой христианизации страны и обращения в католическую веру её монарха, а также налаживанием французско-сиамских дипломатических и торговых контактов. Итогом этих действий могло стать взятие Сиам под французский протекторат с использованием любых средств, вплоть до военной экспансии.

Основная цель геополитической стратегии Франции в Сиаме XVII в. заключалась в распространении экономического влияния в стране и регионе в целом, а также в повышении конкурентоспособности французского международного рынка. Предполагалось, что такие планы должны осуществляться посредством усиления религиозно-идеологической активности, а движущей силой пропаганды католической религии в Сиаме призвана была стать миссионерская деятельность под руководством монахов Ордена Иезуитов. Эта деятельность на первых порах оказалась весьма успешной и принесла конкретные результаты в интересах Франции и Римско-католической церкви.

К середине XVII в. Сиам представлял собой выгодную в стратегическом отношении точку для воплощения колониальных планов европейских держав, в том числе и Франции. Б. Н. Мельниченко отмечает: «Выгодное географическое положение на путях из Южной Азии и Ближнего Востока в Китай и Японию позволяло Сиаму служить посредником в транзитной торговле между этими регионами. В XVI в., после установления португальцами контроля над Малаккским и Зондским проливами, купцы восточных стран избрали новый торговый путь именно через сиамскую территорию. Усиление Сиам с конца XVI в. гарантировало относительную безопасность нового пути, в связи с чем роль Аютии¹ в международной торговле сильно возросла» [1, с. 73]. К середине XVII в. сиамская торговля процветала в Южно-Китайском море и Бенгальском заливе, в 1620 г. в Сиаме открылось отделение Датской Ост-Индской компании, а в 1661 г. — Английской; европейские и азиатские купцы посещали сиамские порты и провинции страны. Влияние Сиам в регионе было велико, с ним были связаны северные области (г. Чианг Май), Камбоджа, Луанг Прабанг.

¹ Аютия — древняя столица Королевства Сиам (Таиланд) в период 1350–1767 гг. Сейчас — город в 100 км к северу от Бангкока, центр провинции Аютия. Историческая часть города является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО.

© А. И. Пылева, 2012

Король Франции Людовик XIV хорошо понимал, что католическая религия является одной из сильнейших идеологических составляющих авторитета абсолютной королевской власти, а распространение католической веры за пределами французского государства способствует укреплению международного статуса страны. «По мысли Людовика XIV и его приближённых, распространение христианства в Сиаме повлекло бы за собой установление в этой стране (в той или иной форме) власти французского короля. Французская Ост-Индская компания тогда получила бы полную свободу действий в Сиаме, а европейским соперникам Франции — Англии и в особенности Голландии — был бы нанесён тяжёлый удар. Людовик XIV намеревался в дальнейшем превратить Сиам в базу для распространения французского влияния на все страны Дальнего Востока», — пишет Э.О. Берзин [2, с. 123]. Министр внутренних дел Жан-Батист Кольбер (*Jean-Baptiste Colbert*, 1619–1683) оказывал поддержку французским колониальным проектам и развитию французского флота (как торгового, так и военного) — ведь по глубокому убеждению Кольбера приоритетом внешней политики Франции должно было стать господство на море.

Людовик XIV, как и некоторые другие монархи той эпохи, находился под влиянием Ордена Иезуитов, а эта организация особенно стремилась к развитию активной миссионерской деятельности. Монахи Ордена Иезуитов давали обет подчинения папе римскому в «вопросах миссий». Орден снаряжал экспедиции в Индию, Японию, Китай, страны Юго-Восточной Азии, а среди монахов Ордена были известнейшие миссионеры той поры — Александр де Род, Франциск Ксавье, Матео Риччи. Александр де Род (*Alexandre de Rhodes*, 1591–1660) стал одним из вдохновителей и инициаторов деятельности французских католических миссионеров в Юго-Восточной Азии. Во Вьетнаме де Род читал публичные проповеди на вьетнамском языке, оформил латинизированную вьетнамскую письменность, составил первый вьетнамско-латинский словарь, его авторству принадлежит внушительный идеологический проект — книга «Катехизис за восемь дней». После 25 лет пребывания во Вьетнаме и других азиатских странах Александр де Род в 1652 г. возвращается в Рим и обращается к папе Иннокентию X с предложением создать специальную организацию для пропаганды христианства в восточных государствах. Де Роду были даны соответствующие полномочия, и вскоре он представил нескольких кандидатов, которые должны были возглавить миссионерскую деятельность в странах восточнее Индии. Среди них был и епископ Франсуа Паллю². Как замечает Э.О. Берзин, «Паллю очень чётко представлял себе взаимосвязь между торговыми успехами французских купцов и духовной деятельностью миссионеров. Только работая в тесном контакте, те и другие смогут добиться ощутимых результатов, утверждал он, и всю свою жизнь действовал сообразно этим принципам. <...> Всё, по его убеждению, должно было способствовать одной конечной цели — колониальному подчинению Востока Европе под эгидой католической церкви» [3, с. 53]. Паллю убеждал «действовать как единое целое Французскую Ост-Индскую компанию и иезуитский орден, папский престол и французский двор, купцов и миссионеров, учёных и моряков» [3, с. 53], что в полной мере отражает особенности концепции геополитической стратегии Франции в Сиаме в XVII в.

² Франсуа Паллю (*François Pallu*, 1626–1684). В последний раз побывал в Сиаме в 1682 г., вернувшись в страну после восьмилетнего отсутствия. Умер в Китае.

В 1659 г. Франсуа Паллю получил от папы Александра VII разрешение основать так называемую Французскую иностранную миссию, впоследствии — Общество Парижских иностранных миссий. В этом начинании Паллю отличала особая настойчивость: со своим другом и соратником, бывшим адвокатом Ламбером де Ла Моттом (*Pierre Lambert de la Motte*, 1624–1679), он даже поселился в Риме, дабы скорее добиться от папы санкции в отношении своих действий. В июле 1658 г. папа Александр VII посвятил Паллю в сан епископа Гелиопольского, а Ламбера де Ла Мота — в сан епископа Бейрутского и апостолического викария Кохинхины. В августе 1662 г. Ламбер де Ла Мотт прибыл в Аютию, а в январе 1664 г. к нему присоединился Франсуа Паллю в сопровождении нескольких миссионеров.

В Сиаме эпохи короля Нарая (годы правления 1657–1688) существовали все предпосылки для установления тесных связей между французами и сиамцами. В августе 1664 г. между Голландией и Сиамом был заключён первый в истории Королевства неравноправный договор; развивая же дипломатические и торговые отношения с Францией, король Нарай надеялся уменьшить голландскую монополию во внешней морской торговле Сиама и рассчитывал на снижение цен на товары. К тому же проводимая сиамским правителем политика притеснения в отношении местного духовенства лишала того моральной поддержки со стороны буддийской общины Сиама — сангхи, что побуждало Нарая положительно относиться к деятельности французских миссионеров. Те, в свою очередь, не замедлили воспользоваться расположением короля и разногласиями между монархом и сангхой для достижения своих целей. В глазах французов веротерпимость сиамских властей являлась существенным преимуществом. Ламбер де Ла Мотт писал: «Язычники, христиане и магометане различных толков и сект пользуются здесь полной свободой исповедовать свою веру. Португальцы, англичане и голландцы, китайцы, японцы, моны, кхмеры, малайцы, китайцы из Кохинхины, тямы и выходцы из самых разных уголков света обосновались в Сиаме» [4, р. 4]. Когда де Ла Мотт и Паллю прибыли в Аютию, в сиамской столице уже проживало более 2 тыс. христиан [2, с. 121]. Принимая во внимание это обстоятельство, епископы решают, что центром Французской иностранной миссии и базой распространения католичества по Дальнему Востоку должна стать именно Аютия. Людовик XIV выделил на это начинание немалую сумму — 1000 экю в год. Итак, миссионеры приступают к претворению в жизнь французских геополитических планов на сиамской земле.

По первоначальному замыслу все приезжающие в Сиам французы должны были отдавать себе отчёт в том, что являются частью общего процесса, каждый из них занимает определённое место во французской политике на сиамских берегах, выполняя ту или иную необходимую функцию, а их деятельность должна быть направлена не только на личные цели, но на удовлетворение заинтересованности Франции и Римско-католической церкви в Сиаме. Монахи Ордена Иезуитов в совершенстве владели искусством воздействия на человеческую психику и, применяя дар убеждения, красноречие, умение психологически настроить собеседника на нужный лад, порой вызывая у того чувство мистического страха, пробуждали у адепта сознание важности его личного вклада в дело распространения христианства и утверждения идеи величия католической церкви. Как пишет Дж. Райт, «миссионерство представляло собой самый блистательный аспект той особой клятвы, которую каждый иезуит *полного пострига* приносил Богу: “отправиться всюду, куда повелит Его Святейшество, будь то среди верных или среди неверных, не выпрашивая никаких послаблений и не ссылаясь на

трудности и издержки путешествия, ради исполнения деяний, относящихся к почитанию Бога и процветанию христианской веры». Миссионерство в этом смысле было кульминацией игнатианского апостольского идеала: быть миссионером означало, согласно Игнатию³, стать паломником высшего и совершенного рода» [5, с. 107]. Немало восторженных фанатиков почитало за самую высокую честь предложение начать миссионерскую деятельность в далёкой азиатской стране. Среди отъезжающих в Сиа́м французов были и целеустремлённые честолюбцы, захваченные идеей преуспеть в миссионерской работе и осуществить давно задуманные планы, которые в силу тех или иных причин не имели шансов на успех в Европе.

Подготовка будущих проповедников католичества подразумевала не только формирование привычки к бытовым и климатическим переменам: «Каждый миссионер-иезуит должен был в совершенстве знать хотя бы одну точную науку и одно ремесло или искусство, например астрономию и часовое дело, медицину и архитектуру, математику и артиллерийское дело, кораблевождение и живопись. Не богословским красноречием, а полезными знаниями завоевывать к себе доверие — стало делом иезуитов» [6, с. 32]. Прибывшие в Сиа́м французские миссионеры обладали широким научным кругозором и практическими навыками, «что позволяло им внедрить свою идеологию в самые различные слои сиамского общества» [3, с. 153], а также дипломатическими талантами. Именно этими преимуществами во многом был обусловлен начальный успех их деятельности. Как пишет Э. О. Берзин, «во главу угла ставится теперь тщательное изучение страны, в которой должен работать данный миссионер, фундаментальное знание языка, местных нравов и обычаев. Всякие “гастроли”, переезды из одной страны в другую исключаются. Миссионер (если позволяют обстоятельства) должен всю жизнь провести в намеченной стране, “натурализоваться” в ней, жить одной жизнью с коренным населением, ничем по возможности не выделяться» [6, с. 32]. Такой подход не провоцировал открытого противостояния между христианскими и буддийскими ценностями, традициями и обычаями и, будучи внешне неагрессивным, располагал к доверию.

На первых порах деятельность французских миссионеров в Сиаме носила систематический и продуманный характер — и главная заслуга в этом принадлежала иезуитам. Последние понимали: чтобы их деятельность имела успех, необходимо найти общий язык с монархом и его ближайшим окружением, суметь правильно и быстро оценить внутреннюю политическую ситуацию в Сиаме — ведь обращение короля Нарая в католицизм рассматривалось французами в качестве первого шага к христианизации страны, расширению в ней своего идеологического влияния и, в дальнейшем, беспрепятственному использованию сиамских ресурсов на выгодных для Франции началах. В. Н. Колотов в одной из своих статей, посвящённых деятельности католических миссий в Индокитае, отмечает: «При высадке в далёкой азиатской стране миссионеры стояли перед выбором стратегии её евангелизации. В те времена было два метода. Во-первых, вооружённый захват и жесткое силовое обращение в католицизм. Во-вторых, когда не было возможности действовать силой, мирный путь, который подразделялся на два направления: а) обратиться в католицизм местного монарха (Новый Константин), который сам будет обращать своё население; б) пойти по пути массовых проповедей в регионах и так обратиться всю страну» [7, с. 114–115]. Следуя методу, разработанному

³ Игнатий де Лойола (*Ignacio López de Loyola*, 1491–1556) — основатель Ордена Иезуитов.

Александром де Родом, французские миссионеры в Сиаме стремились совместить оба эти направления — и такой подход оказался эффективным. Миссионеры старались установить дружеский контакт с сиамскими властями, да и правитель страны, в свою очередь, не избегал личных встреч с французами. В 1680-е годы во Франции побывало несколько официальных сиамских посольств, самым известным среди которых стало посольство 1686–1687 гг., во главе с талантливым дипломатом и одним из руководителей будущей сиамской оппозиции Пья Висут Сунтон Коса Паном.

Особую роль сыграли просветительские амбиции сиамского короля. Как отмечает историк французско-сиамских отношений Майкл Смитис, «благодаря знаниям иезуитов и привезённым ими научным приборам усиливался интерес короля Нарая к естественным и точным наукам. Это во многом объясняло и подтверждало его очевидное стремление к расширению собственного кругозора и техническому развитию своей страны» [4, р. 3]. Король Нарай оказывал французам существенную поддержку: в 1665 г. он подарил миссионерам большой участок земли для строительства католической церкви; за счёт сиамской казны Франсуа Паллю и Ламбер де Ла Мотт основали семинарию Святого Жозефа, — обучение там сиамских детей всячески поощрялось миссионерами, студенты приезжали также из Гоа, Макао, Тонкина и Кохинхины. В 1669 г. епископы Ламбер де Ла Мотт и Паллю построили в Аютии больницу, которая ежедневно обеспечивала медицинское обслуживание приблизительно 200–300 пациентов. В 1672 г. стараниями французов была основана первая в Сиаме типография. Миссионеры бесплатно обучали сиамских детей ремеслам и наукам, стремясь укрепить свой авторитет и расширить круг последователей среди сиамцев. Французы составили тайский словарь и грамматику таи, перевели на тайский язык Евангелие и жития святых [3, с. 153]. Методы распространения христианской веры были различными, и успех этих методов бывал весьма переменчив. По воспоминаниям английского путешественника Гамильтона, число христиан в Сиаме менялось в зависимости от урожая. В голодные годы миссионеры на деньги, занятые у короля, скупали зерно и распределяли его в небольшом количестве среди крестьян, желающих креститься. Когда же урожай был достаточным, крестьяне возвращались к своей вере [2, с. 122]. Сам король Сиама «обсуждал с миссионерами догматы христианства, но вежливо отклонял попытки обратить его в новую веру» [1, с. 75].

Понемногу помимо Аютии французы начинают проникать и в провинции страны. В 1670 г. были основаны филиалы Общества Парижских иностранных миссий в Питсанулоке⁴ (резиденция наследника сиамского короля), потом в Луво (летняя резиденция королевской семьи), затем в Бангкоке, в Мергуи — портовом городе на Андаманском море. В 1670-х годах врач-миссионер Шербоно завоевал особое расположение короля Нарая и был назначен губернатором о-ва Джанк-Сейлон⁵, одной из наиболее важных в стратегическом отношении точек Сиама.

В 1666 г. епископ Паллю прибыл во Францию с подробным описанием внутриполитической ситуации и экономического положения Сиама. В письме на имя Людовика XIV он отмечал необходимость открытия в Сиаме торговых факторий, что позволило бы Франции установить контроль над торговлей между Кормандельским побережьем Индии и Сиамом, а в перспективе — между Сиамом, Китаем и Японией,

⁴ Питсанулок — провинция и одноимённый город на севере Таиланда, у границы с Лаосом.

⁵ Джанк-Сейлон — остров в Андаманском море, сегодня известен под названием Пхукет.

и укрепило бы позиции Франции в соперничестве с Голландией. Кроме того, вернувшиеся во Францию миссионеры настаивали, что сиамский монарх и его народ готовы принять христианскую веру, «если им её растолкуют надлежащим образом» [3, с. 122]. Разумеется, такие сведения заинтересовали Людовика XIV и французский двор — в то время внутренняя и внешняя политика Франции испытывала на себе влияние тех же иезуитов, сам Людовик выказывал неодобрительное отношение к любой религии, кроме католичества, особенно к протестантству, и уже недалеко была отмена Нантского эдикта. По выражению Э.О. Берзина, французский монарх «чувствовал себя чем-то вроде крестоносца, распространителя “истинной веры” [2, с. 123]. Неудивительно, что когда 16 октября 1673 г. епископы Паллю, Ламбер де Ла Мотт и Лано⁶ были официально приняты королём Нараем в качестве послов Франции, тон переданных сиамскому королю писем от римского папы Клементя IX и Людовика XIV был самым лестным. По всей вероятности, тогда и была достигнута устная договорённость об открытии в Сиаме французской торговой фактории, основанной в 1680 г.

К тому времени король Нарай уже подпал под влияние своего нового ближайшего помощника — Констанция Фалькона (*Constantin Phaulkon*, 1647–1688), авантюриста греческого происхождения, прибывшего в Сиам в 1678 г. с миссией Английской Ост-Индской компании и сумевшего завоевать авторитет в высших сферах сиамской политики. Фалькон предлагал французам посылать в Сиам состоятельных людей, не заинтересованных в жаловании, имеющих возможность бескорыстно служить идее. В этом случае вероятный захват иностранцами всех руководящих постов в сиамском государстве можно было бы представить как дружескую помощь со стороны Франции. Любопытно, что Фалькон, подчёркивая выгоды пребывания французов в Сиаме, намекал, что в этой стране достаточно олова, железа и меди для изготовления всех видов изделий, в том числе и оружия, с откровенной непосредственностью добавляя: «Сиам, конечно, страна небогатая, но нам с вами хватит» [3, с. 181]. Между тем за свои труды Фалькон получил от французского монарха графский титул и орден святого Михаила.

В 1685 г. французы посылают в Сиам новое посольство во главе с Шевалье де Шомоном (*Alexandre Chevalier de Chaumont*, 1640–1710). Примечательно, что французская миссия была экипирована самым серьёзным образом: два военных корабля несли на борту товары Ост-Индской компании и шесть иезуитов во главе с Ги Ташаром⁷. Исследователь французо-сиамских отношений Дёрк Ван дер Крюссе описывает посольскую свиту: «...Шестеро иезуитов-астрономов, оснащённых научными приборами, двенадцать морских офицеров и шестеро искусных ремесленников, которые должны были поступить на службу к королю Нарая» [8, р. 4]. Отъезжающие иезуиты должны были изучать географическое положение Сиамы, следить за особенностями местного климата, составлять карты, наблюдать за морскими течениями и ветрами. В состав французской посольской миссии входил и аббат де Шуази⁸, которому предстояло стать чем-то вроде духовника короля Нарая после предполагаемого обращения сиамского

⁶ В 1679 г. после тяжёлой болезни Ламбер де Ла Мотт умер в Аютии. Луи Лано (*Louis Laneau*, 1637–1696) — с 1674 г. епископ Аютии, с 1669 г. апостолический викарий Сиамы. Свои дни Лано окончил в Аютии.

⁷ Ги Ташар (*Guy Tachard*, 1651–1712). Умер в Чандернагоре (сегодня — город в индийской Западной Бенгалии, тогда — часть французской колонии).

⁸ Франсуа Тимолон де Шуази (*François-Timoléon de Choisy*, 1644–1724). В 1676 г. де Шуази побывал в Риме, в свите кардинала де Буйона. Автор многочисленных исторических и теологических исследований. Книга его «Воспоминаний» (1737 г.) в XVIII и XIX вв. выдержала множество переизданий.

монарха в католичество, что сделало бы аббата одной из самых влиятельных фигур сиамской политики. Вместе с тем французы планировали сохранить видимость государственной независимости Сиама и престижа власти сиамского короля — очевидно, с той целью, чтобы в конечном итоге лучше манипулировать сиамцами и добиваться своих целей, прибегая к помощи соотечественников, внедрённых в различные сферы сиамского общества. Не случайно Констанций Фалькон настаивал на том, чтобы из Франции в обязательном порядке были присланы около ста человек, коим были бы предоставлены места управляющих городов и провинций, комендантов крепостей, начальников военных колониальных поселений и членов Королевского совета. Среди них должны были находиться и иезуиты — однако в светском платье, чтобы никто, даже из пребывающих в Сиаме европейцев, не смог опознать монахов и установить их принадлежность к Ордену.

Прибыв в Сиам, Ташар быстро нашёл общий язык с Констанцием Фальконом, ибо «гибкость и дипломатичность действий Фалькона более соответствовала духу традиционной иезуитской политики» [2, с. 179]. Тем временем предложение французских миссионеров обратить сиамского короля в христианство делалось всё более настойчивым, оборачиваясь неперемным условием всякий раз, когда сиамская сторона пыталась оговорить и свои возможные выгоды. Ведь главной целью сиамского правительства было заключение с Францией оборонительного союза против Голландии — однако французская сторона не спешила идти на уступки в этом вопросе. А королю Нараю, напротив, пришлось пойти на компромисс во многих отношениях: 10 декабря 1685 г. между Францией и Сиамом был заключён договор из 13 статей под названием «Привилегии, дарованные королём Сиама Французской компании». По нему Французская Ост-Индская компания получала право свободной торговли без пошлин на ввоз и вывоз товаров и монопольное право торговли в округе Джанк-Сейлон; в засекреченной статье говорилось о том, что компании отныне принадлежит округ Сингора с правом использования и укрепления этих земель. Отныне в руках французов были сосредоточены богатые оловянные месторождения Сиама. В регионе Сингора под руководством французских инженеров начались фортификационные работы, и в это же время адъютант де Шомона граф Клод де Форбен (*Claude de Forbin*, 1656–1733) получил чин сиамского адмирала и был назначен королём Нараем командующим сиамским флотом и губернатором Бангкока.

Наряду с распространением экономического и административного влияния, французы продолжали упрочивать влияние религиозное. 10 декабря 1685 г. был подписан трактат о предоставлении привилегий апостолическим миссионерам: «В трактате разрешалась проповедь христианства на всей территории королевства; сиамцам, ушедшим в христианский монастырь или обучающимся в христианской школе, предоставлялись привилегии буддийских монахов; сиамцы-христиане объявлялись неподсудными местным сиамским властям, и все дела их должны были решать совместно сиамский чиновник и представитель французского епископа» [1, с. 78]. Сиамские же деньги шли на то, чтобы выкупать у родителей, которые не могли расплатиться с долгами, их детей. Детей крестили и воспитывали в духе служения католической религии. Только в доме у Фалькона таких детей было сто двадцать. Они становились чуть ли не более ревностными поборниками христианства в Сиаме, чем приезжие миссионеры, и были враждебно настроены по отношению к буддийскому духовенству. Так молодые люди теряли свои культурные корни, но при этом отнюдь не становились францу-

зами или — в более общем смысле — европейцами. Как пишет В. Н. Колотов в одной из своих статей, посвящённых схожей проблеме во Вьетнаме, «это лишало их социальной опоры, ставило в зависимость от миссионеров, порождало массу комплексов, стимулировало стремление доказать себе и окружающим свою приверженность высоким идеалам католической церкви» [9]. Этого и добивались французы, понимая, что таким образом они смогут раздробить и ослабить сиамскую нацию изнутри, а значит, сделать более уязвимой и доступной для повсеместного французского засилья. К середине 1680-х годов французские миссионеры проводили свою политику не только в Сиаме, но и в соседних странах — Вьетнаме, Бирме, Камбодже, Индии. Сиам же, как и задумывалось, стал стратегически важной точкой распространения религиозно-идеологического влияния Франции на сопредельные земли.

Подводя итоги, следует особо отметить, что своеобразие геополитической стратегии Франции в Сиаме во времена её успешного воплощения в XVII в. заключалось в деятельности Общества Парижских иностранных миссий — организации, руководившей действиями французов в Сиаме, обуславливавшей их слаженность и подчинённость общим целям, уделявшей пристальное внимание языковой и культурной подготовке отъезжающих в Сиам католических миссионеров, разрабатывавшей стратегию христианизации страны и её правителя и обеспечивавшей обширное развитие дипломатических и торговых контактов. Французская геополитическая стратегия в Сиаме, и в особенности её главная движущая сила — деятельность миссионеров из числа монахов Ордена Иезуитов, потребовала немалых финансовых средств и незаурядных способностей от людей, которые руководили данным процессом или же принимали в нём участие. Это означает, что в рассматриваемую эпоху французская политика на сиамских берегах стала в определённом смысле государственным проектом, соответствующим и внешнеполитическим задачам Римско-католической церкви. Решительный настрой и продуманный характер действий французов в Сиаме на начальном этапе их геополитической стратегии свидетельствуют о том, что попытки Франции закрепиться в Сиаме могли увенчаться успехом, если бы в дальнейшем французы не допустили ряда досадных промахов и продолжали неукоснительно следовать плану, разработанному Александром де Родом и другими основателями Общества Парижских иностранных миссий. Воплощению французских колониальных планов в Сиаме помешало и участие Франции в войне со странами Аугсбургской лиги (1688–1697 гг.), а позднее — в Войне за испанское наследство (1701–1714 гг.).

Литература

1. Мельниченко Б. Н. Буддизм и королевская власть (буддизм в истории сиамского государства XIII — начала XX века). СПб.: Издательство СПбГУ, 1996. 164 с.
2. Берзин Э. О. История Таиланда. Краткий очерк. М.: Наука, 1972. 319 с.
3. Берзин Э. О. Борьба европейских держав за сиамский рынок (30–80-е гг. XVII в.). М.: ИВЛ, 1962. 263 с.
4. *The discourses at Versailles of the first Siamese ambassadors to France 1686–7. Together with the list of their presents to the court. In the original French together with a translation into English / ed., trans. and introd. by M. Smithies.* Bangkok: The Siam Society, 1986. 96 p.
5. Райт Дж. Иезуиты / пер. с англ. С. В. Головой, А. М. Голова. М.: Эксмо, 2006. 464 с.

6. Берзин Э. О. Католическая церковь в Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1966. 320 с.

7. Колотов В. Н. Технология массовых обращений и институт мучеников: деятельность католических миссий во Вьетнаме в XVI–XIX вв. // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб.: Издательство СПбГУ, 2007. Вып. XXV. С. 109–125.

8. *The Diary of Kosa Pan*, Thai ambassador to France, June–July 1686 / Introduction and annotation: Dirk Van der Cruysse; translation of the diary: Visudh Busyakul; editing of the text, translation of the introduction and footnotes: Michael Smithies. Chiang Mai: Silkworm Books, 2002. 88 p.

9. Колотов В. Н. Институты «новых религий» как инструмент управления конфликтом. URL: <http://www.intertrends.ru/sixth/009.htm> (дата обращения: 19.06.2011).

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Яфия Юсиф Джамиль, А. А. Мокрушина

РУКОПИСИ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ГРАММАТИКЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА (ЧЕТЫРЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БИБЛИОТЕКИ ВОСТОЧНОГО ФАКУЛЬТЕТА СПбГУ)

Существование огромного количества рукописной литературы на Ближнем и Среднем Востоке объясняется тем, что единственным средством поддержания письменной традиции в этом регионе долгое время оставалось переписывание книг от руки. Помимо профессиональных переписчиков, этим ремеслом занимались учащиеся, ибо образовательный процесс непременно включал переписывание учебной литературы [1, с. 122].

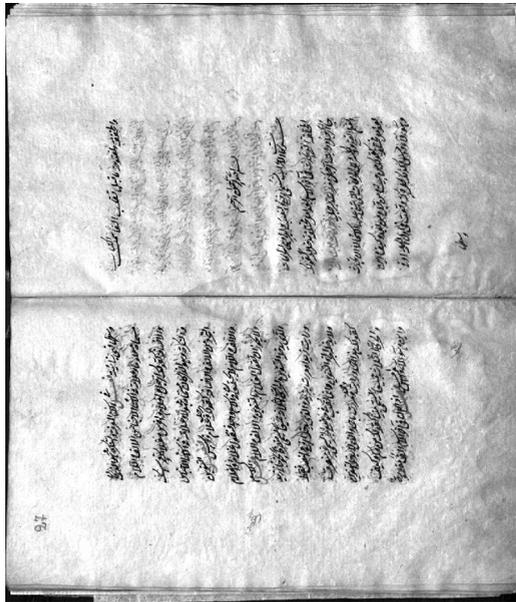
В отличие от большинства работ европейских авторов, восточные сочинения не следуют определенному стандарту. Так, часто не указываются имя автора, название произведения. Нередко ошибки вносили переписчики, искажая имя автора или приписывая сочинение совершенно другому человеку. Лишь в некоторых случаях приведена дата, еще реже — место написания работы [2, с. 3].

Тем не менее традиционное сочинение арабской письменности включает в себя название, предисловие автора, основной текст и заключение. При этом строение основного текста также подчиняется некоторым правилам и зачастую зависит от тематики сочинения.

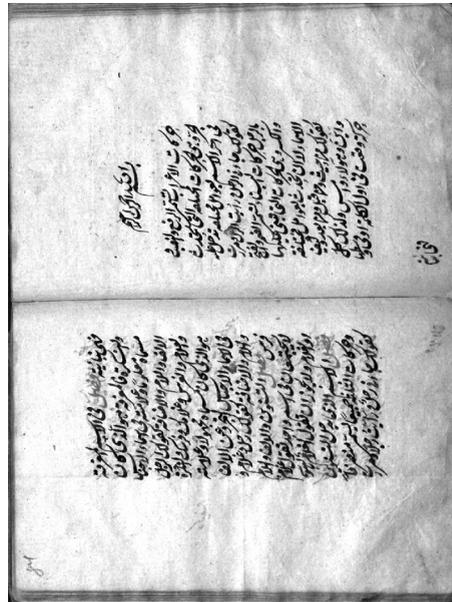
Арабская рукописная коллекция из фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ содержит множество рукописей, касающихся лингвистики и представляющих несомненный интерес для исследователей.

Нами были изучены четыре списка рукописи, посвященной некоторым грамматическим аспектам арабского языка: № 1321, листы 61–69; № 1316, листы 26–31; № 1308, листы 55–59, № 1384, листы 83–88. Оригинал сочинения, с которого сделаны все четыре списка, неизвестен. Ни в одном из них не указан автор, название также отсутствует. В каталоге списки значатся как *حركات الإعراب* (*ḥarakāt al-ʿiʿrāb*), т. е. «Падежные флексии», однако на самом деле это название не отражает всего содержания сочинения, которое также посвящено рассмотрению правил простейшего именного и глагольного предложений, лексическим аспектам языка и т. п.

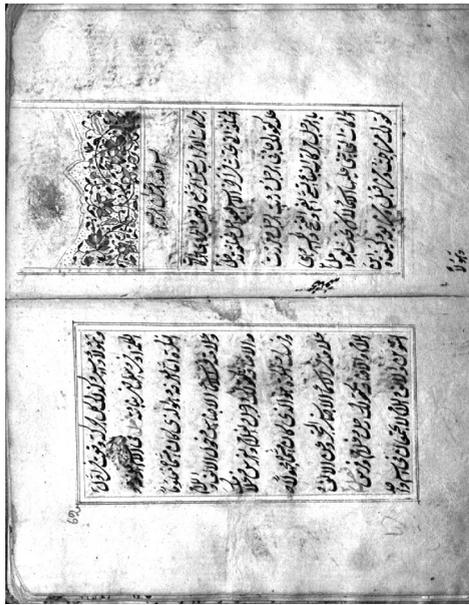
Все рассмотренные нами списки сделаны почерком ар-рук'а, и каждый из них начинается с традиционной басмаллы — формулы *بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ* *bismi llāhi r-raḥmani r-raḥīm* («Во имя Бога милостивого и милосердного»). Далее следует основной текст сочинения, начинающийся словами: ... *تسمى الإعراب حركات* *ḥarakāt al-ʿiʿrāb tusammā*, т. е. «падежными флексиями называется/является...».

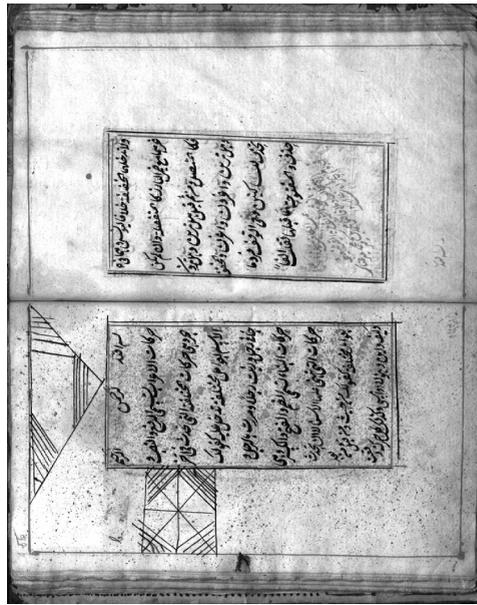
Фрагмент рукописи Ms. O. 1316

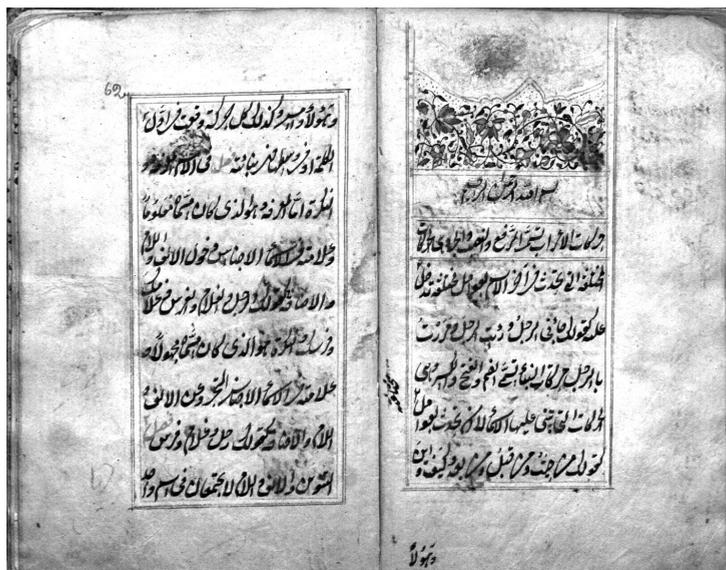
Фрагмент рукописи Ms. O. 1384

Фрагмент рукописи Ms. O. 1321

Фрагмент рукописи Ms. O. 1308

Первая страница списка рукописи Ms.O. 1321

В списке № 1 (рукопись № 1321, л. 61–69) формуле басмалла предшествует простейший орнамент. На полях почти всех листов рукописи присутствуют отдельные слова. Основной текст сочинения касается падежных флексий и слов с неизменяемой формой, например: أين *ayna*, كيف *kayfa*, من قبل *min gablu*, من حيث *min haytu* и т. д. Также описывается основная грамматическая категория имени — определенность и неопределенность (определение имени при помощи артикля, слитного местоимения либо путем постановки его в сопряженное состояние — *status constructus*). Большое внимание автор уделяет описанию возможности употребления танвина в слове, правилам, связанным с приданием имени определенности. Далее следует подробное описание двух- и трехпадежных имен, а также имен с неизменяемой формой, например: هؤلاء *ha'ulā'*, أمس *ams* и т. д. Следующая часть основного текста рукописи посвящена падежным флексиям слова в двойственном числе во всех трех падежах. Рассматриваются также примеры падежных флексий у имен множественного числа (правильного и ломанного), как в мужском, так и в женском роде. Автор рукописи использует термин جمع القلة *ġam' al-qilla*, что подразумевает количество от десяти и менее. В словаре К. Х. Баранова приводится следующее объяснение термина: «*ġam' al-qilla* — множественное число малого количества» [3, с. 653]. На листах 65–66 приведено устаревшее правило грамматики арабского языка: автор описывает случаи употребления слов в двойственном числе (мужского или женского рода) в именительном падеже, а также слов мужского рода правильного множественного числа во всех трех падежах, находящихся на месте первого члена сопряженного состояния (в том случае, если второй член сопряженного состояния определен артиклем). Сохраняющийся гласный после отпадения в данной позиции нуна (*nun*), согласно описанному автором рукописи правилу, должен прописываться, но не произноситься. В современном арабском литературном языке данное правило претерпело изменения, и гласный в этой позиции во избежание путаницы произносится [4, ч. 1, с. 159, 204].

Следующая грамматическая тема, затронутая в рукописи, — согласование имени числительного (от 1 до 19) с исчисляемым. Далее автор рассматривает правила образования порядковых числительных от 1 до 19. Затем он приводит целый список арабских имен существительных женского рода, не имеющих традиционного окончания женского рода — та марбуту: العين *al-‘aynu*, النفس *an-nafsu*, الكأس *al-ka’su*. В сочинении отдельно указан список слов, которые могут относиться к категории имен как женского, так и мужского родов, например: الطريق *aṭ-ṭarīq*, السوق *as-sūq*, السلام *as-salām* [4, ч. 4, с. 586].

Автор обращается к именам единичности и именам собирательным, которые он рассматривает соответственно как формы единственного и множественного числа. Например:

نخلة	<i>nahlatun</i>	نخل	<i>nahlun</i>
تمرة	<i>tamratun</i>	تمر	<i>tamrun</i>

В рукописи также используется модель образования правильного множественного числа мужского рода для слов, образованных от недостаточных корней, например:

قاض	<i>qāḍin</i>	قاضون	<i>qāḍūna</i>	قاضين	<i>qāḍīna</i>	вместо	قضاة	<i>quḍātun</i>
-----	--------------	-------	---------------	-------	---------------	--------	------	----------------

Следует отметить, что большинство из них используется в современном арабском языке в ином значении.

В сочинении присутствует ряд неточностей. Например, на листе 65 ошибочно утверждается, что нун не произносится, вместо того, что алиф пишется, но не произносится. На том же листе 65 повторяется фрагмент текста, касающийся множественного числа, который уже встречался в тексте ранее на листе 64. На листе 68 имеются орфографические ошибки, например:

تمرة	<i>tamrāt</i>	вместо	تمرات
جوزاة	<i>ḡawzāt</i>	вместо	جوزات

Автор сочинения обращается также к рассмотрению правила согласования сказуемого и подлежащего в том случае, когда последнее выражено именем в ломанном множественном числе. Например:

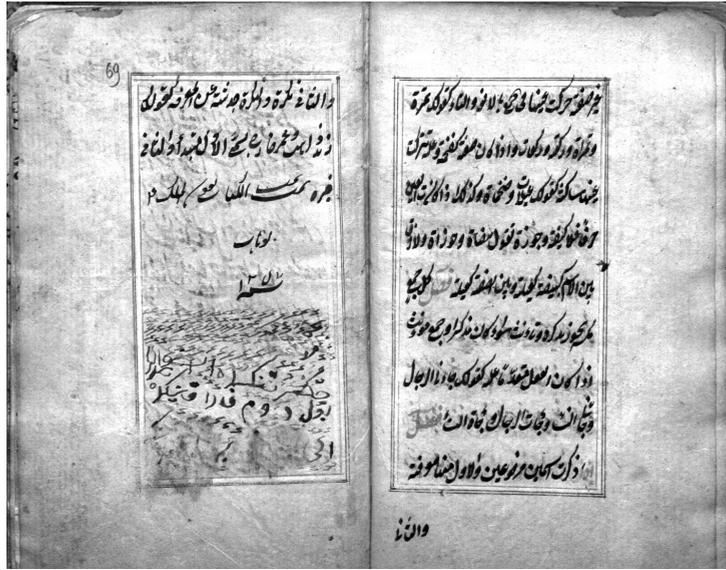
جاءني الرجال	<i>ḡā’ni ar-riḡālu</i>	جاءت الرجال	<i>ḡā’ti ar-riḡālu</i>
جاءني النساء	<i>ḡā’ni an-nisā’u</i>	جاءت النساء	<i>ḡā’ti an-nisā’u</i>

Так, согласно описанному правилу, если в этой ситуации сказуемое предшествует подлежащему, глагол может стоять как в мужском, так и в женском роде. Если же сказуемое находится в постпозиции, то происходит полное согласование.

Далее рассматривается простое нераспространенное именное предложение, где подлежащее определено, а сказуемое находится в неопределенном состоянии.

В конце сочинения присутствует фраза *تم الكتاب tamma l-kitāb* («Книга закончилась»); указан 1257 год по хиджре. Кроме того, в конце списка присутствует небольшой фрагмент неразборчивого текста на персидском языке.

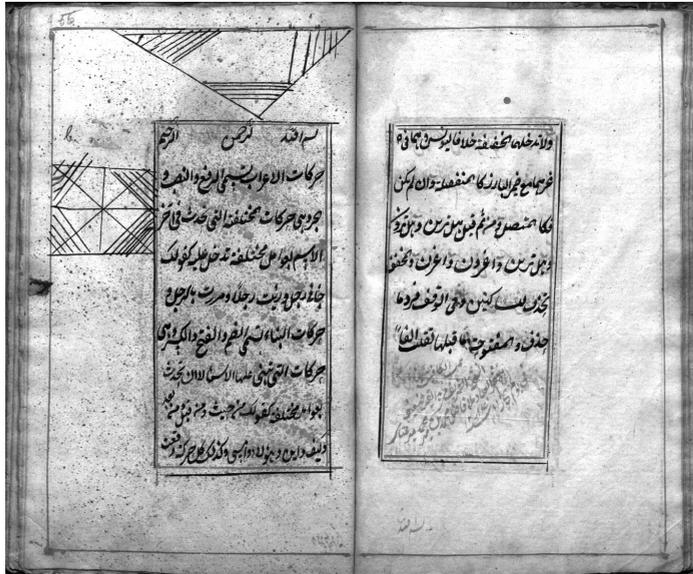
Список № 2 (рукопись № 1308, л. 55–59) является незаконченным сочинением. Последняя описанная в этом списке тема касается правил сопряженного состояния (*status constructus*). Часто встречается замена *та марбуты* на *та мафтуха*, что, по всей види-

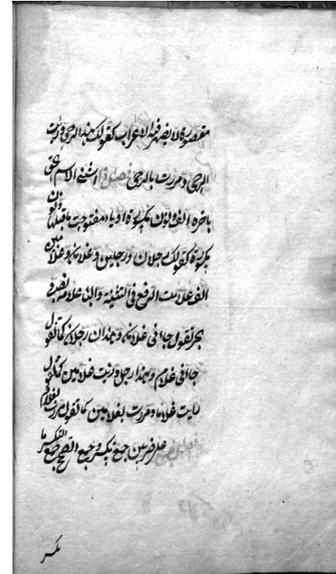
Заключительная страница списка рукописи Ms.O. 1321

мости, произошло из-за влияния персидского языка (листы 55–56), а также по причине недостаточного знания языка переписчиком. Например:

مفتوحة	<i>maftūḥatun</i>	ВМЕСТО	مفتوحة
علامت	<i>‘alāmatun</i>	ВМЕСТО	علامة

Фрагмент текста из списка рукописи Ms.O. 1308, лист № 55

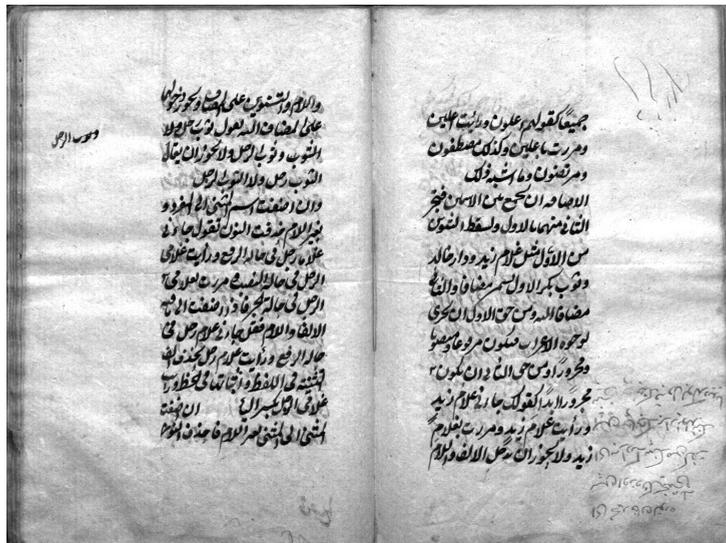
Фрагмент текста из списка рукописи Ms.O. 1308, лист № 56

Список № 2 не датирован, однако в каталоге указан 1284 год по хиджре (1867–1868 гг.) [5, с. 67].

Список № 3 (рукопись № 1384, л. 83–88) также не является законченным сочинением; он охватывает тему количественных числительных от 11 до 19. В списке вновь присутствует ряд орфографических и грамматических ошибок. Например, на листе 84:

حركات الثلاثة вместо الحركات الثلاثة *al-ḥarakāt aṭ-talāṭa*

На полях листа 86 имеется надпись на персидском языке, не связанная с основным текстом. На листе 87 неточно описано правило произношения двойственного и множественного числа в сопряженном состоянии. Рукопись не датирована, но в каталоге указан 1285 год по хиджре (1868 г.) [5, с. 92].

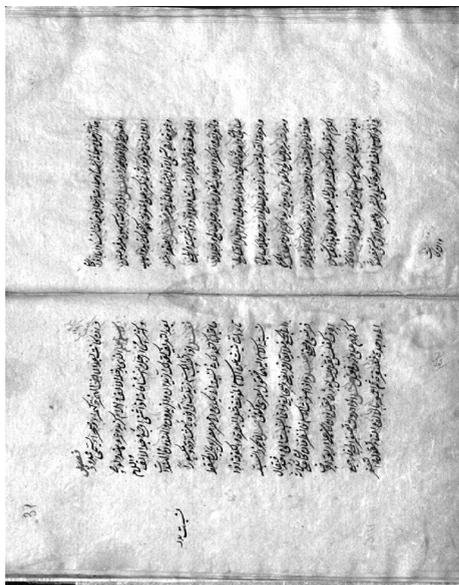

Фрагмент текста из списка рукописи Ms.O. 1384

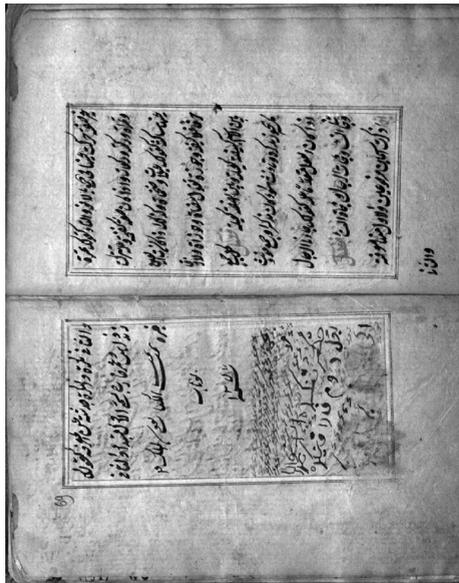
В списке № 4 (рукопись № 1316), помимо затронутых в списке № 1 тем, также рассматриваются качественные и относительные прилагательные, уменьшительно-ласкательные формы имен. Далее автор обращается к правилам, связанным с употреблением частицы *إن* (*'in*) в условном предложении. Наконец, в сочинении кратко описаны варианты употребления клятвенной частицы *و* (*waw*) и оборот *أما... ف...* (*'amma... fa...*), глагольное окончание в прошедшем времени женского рода третьего лица, а также легкий нун, после чего рукопись обрывается. На полях некоторых листов встречаются отдельные слова, написанные на арабском языке. В каталоге рукопись датируется 1265 годом по хиджре (1849 г.), но в самом тексте год не указан [5, с. 67].

Ниже представлены последние страницы списков. Можно наглядно убедиться в том, что три из четырех списков рукописи не датированы.

Рассмотренные нами списки № 1 и № 3 в каталоге названы термином *رسالة* (*risāla*), который, с одной стороны, может употребляться по отношению к литературному сочинению эпистолярного жанра, а с другой — широко применяется к научным или

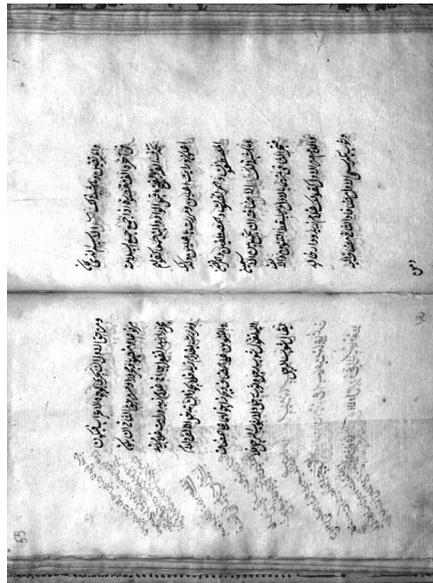
Ms.O.1316

Ms.O.1321

Ms.O.1384

Ms.O.1308

Заключительные страницы списков рукописей

богословским трудам в значении «трактат». Тем не менее в самих сочинениях данный термин не фигурирует.

Литература

1. Халидов А. Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М.: Наука, 1985. 302 с.
2. Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. 512 с.
3. Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 942 с.
4. عباس حسن. النحو الوافي. الجزء الرابع، القاهرة، دار المعارف، 1998، ص. 803. Abbas Hasan. An-nahw al-wafi. Part 4. Al-Qahira: Dar al-maarif, 1998. 803 p.
5. Фролова О. Б., Дерягина Т. П. Арабские рукописи восточного отдела научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 268 с.

Рукописи

(из собрания библиотеки Восточного факультета)

1. *ḥarakāt l-ʿirāb*, рукопись № 1321, листы 61–69.
2. *ḥarakāt l-ʿirāb*, рукопись № 1316, листы 26–31.
3. *ḥarakāt l-ʿirāb*, рукопись № 1308, листы 55–59.
4. *ḥarakāt l-ʿirāb*, рукопись № 1384, листы 83–88.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-1/-9

У.О. Максудов

АРАБСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В истории арабской литературы пословицы и поговорки прошли долгий исторический путь становления и развития. Возникновение пословиц и поговорок относится к глубокой древности. Издавна человек заботился не только о пропитании, жилище, близких людях — он стремился понять окружающий мир, сравнивал различные явления, создавал новое в природе и в своем воображении. Плоды многовековых наблюдений и раздумий арабского народа, его мечты и надежды воплощались в пословицах и поговорках. Так народ создавал свое искусство, свою поэзию.

Трудно перечислить все художественные определения, которые языковеды дают пословице. Ее называют народной мудростью, практической философией, устной школой, сводом правил жизни, исторической памятью народа. Ученые вывели выразительные умозаключения о развитии пословиц и поговорок. Например, профессор университета Ярмука (Иордания) доктор Салим Мар'и Хидаруси отметил, что «первые пословицы и поговорки появились в краткой форме словесности и представляют собой устное творчество народа. Они полностью отражают мышление, чувства, традиции и мировоззрение арабского народа» [1, с. 3]. Подобную мысль высказывали многие известные литературоведы, такие как немецкий учёный З. Рудольф [2, с. 7–11], арабские исследователи Шауки Дайф [3, с. 16] и Мухаммад Абуали [1, с. 7]. А по словам известного русского паремииолога В. И. Даля, пословица — это «свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [4, т. 1, с. 13].

Пословицы и поговорки относятся к фольклорному жанру. Пословица — народное изречение, в котором выражаются не мнение отдельных людей, а народная оценка, народный ум. Она отражает духовный облик народа, стремления и идеалы, суждения о самых разных сторонах жизни. За долгое время бытования в народной среде пословица утрачивает все случайное (как в форме, так и в содержании), остается лишь глубокий смысл, собранный в предельно краткую запоминающуюся формулу. Фольклористы справедливо отмечают, что пословица всегда имеет предельно отшлифованную форму.

Созданные в веках и переходящие от поколения к поколению, пословицы и поговорки поддерживали уклад народной жизни, крепили духовный и нравственный облик народа. Они подобны заповедям народа, регламентирующим жизнь каждого простого человека. Это выражение мыслей, к которым пришел народ через вековой опыт. Пословица всегда поучительна, но не всегда назидательна. Однако из каждой следует вывод, который полезно принять к сведению.

Итак, пословица — это вошедшее в речевой оборот и имеющее поучительный смысл краткое, ритмически организованное изречение, в котором народ на протяжении веков обобщал свой социально-исторический опыт.

Пословицы и поговорки имеют много общих и схожих свойств, поэтому их всегда рассматривали совместно, а вопрос о разграничении пословиц и поговорок был и остается предметом споров.

Поговорка — образное выражение, оборот речи, служащий для эмоционально-экспрессивных оценок, метко определяющий какое-либо явление (например: *«надоел, как горькая редька»* — выражение досады). В отличие от пословиц, поговорки лишены прямого обобщенного поучительного смысла и ограничиваются образным, часто индизобразительным выражением: *«легко на помине»*, *«как снег на голову»*, *«бить баклуши»* — все это типичные поговорки, лишённые характера законченного суждения.

Важнейшим разграничительным признаком пословиц и поговорок является их предназначение. Говорящий чаще всего использует пословицы как аргумент, как неоспоримое доказательство своей правоты. Поговорка же, не являясь законченным самостоятельным суждением, не может использоваться с этой целью. Её главное предназначение — украшение речи. В речи пословица часто становится поговоркой, и наоборот. Например, пословица *«Легко чужими руками жар загребать»* часто употребляется как поговорка *«чужими руками жар загребать»*, т. е. образное изображение любителя чужого труда.

Поговорки, будучи образными выражениями, чаще, чем пословицы, сближаются с языковыми явлениями. В поговорках больше национального, общенародного значения, чем в пословицах. Поговоркам часто присущи все свойства языковых явлений.

Пословицы и поговорки характеризуются как единицы языка, предназначенные для выполнения определенных задач. Разные авторы указывают на такие функции пословиц и поговорок, как:

1) информативная функция — позволяет пословицам и поговоркам передать в речи то или иное содержание;

2) аргументационная функция — позволяет доверять мудрости пословиц. В пословицах выражена «народная мудрость», и это делает пословицу незаменимым аргументационным средством в речевом общении, заставляя подчиняться её приговору;

3) эстетическая функция — украшение речи;

4) накопительная функция — в пословицах народ фиксирует наиболее ценный опыт и сохраняет его в своей памяти, передавая последующим поколениям.

В арабских странах отношение людей к пословицам и поговоркам трепетное, полное интереса и уважения. Так, современный египетский литератор Ханна аль-Фахури пишет в книге *«Мудрые изречения и пословицы»*, посвященной арабским афоризмам и пословицам: «Арабы, как и другие восточные народы вообще и семитские в частности, наиболее склонны к мудрым изречениям и пословицам, которые постоянно у них на языке. Они подкрепляют ими свои слова, объясняют свои дела, расплескивают их

в горе и радости, приводят их по поводу всех событий своей жизни... так что пословицы и поговорки становятся своего рода резервом житейского опыта, законом жизни, украшением старости, руководством в организации домашних дел, дел племени и всего народа» [5, с. 10]. Как ранее в прошлом столетии заметил Х. Р. П. Диксон, «арабы всегда цитируют пословицы и изречения поэтов и других “людей слова”, и, кажется, они этим наслаждаются почти так же, как и рассказыванием историй» [6, р. 336].

Пословицы и поговорки являются неотъемлемыми частями литературного наследия, которые можно встретить в художественных произведениях, трудах по грамматике и морфологии арабского языка, философии, в Коране и преданиях пророка Мухаммада (с). Среди многочисленных устойчивых форм в арабском языке, пожалуй, самой распространенной является арабская пословица.

Литературоведы употребляют арабское слово «масаль» (пословица). Его используют в разных формах: «матла», «метала», «месль», «масала» или «мессале», «меслум» и др. В словарях можно найти такие лексические значения этих слов, как «образец», «сходство», «подобие», «аналогия», «пословица», «поговорка», «изречение», «басня», «притча» и др. Большинство арабских литературоведов исследовали и изучали арабские пословицы и поговорки. Например, Рагиб Исфакхани (ум. ок. 1108) даёт к пословицам и поговоркам такие комментарии: «В некоторых случаях слово “масаль” выражает “сходство или подобие” в сущности, состоянии, количестве и могуществе» [7, с. 462]. Ибн Мандур (ум. ок. 1312) толковал слово «масаль» как «равный, одинаковый, сходный, подобный и т. д.». Другой учёный — Ибн Араби (ум. ок. 1241) отмечает: «المثلُّ عبارةٌ عن شِبْهِ المحسوسِ», т. е. *пословицы и поговорки означают чувственное сходство*. Слово «масаль» (пословица) произошло от корня «мисль», который означает «пословица, поговорка, изречение, притча» и др. [1, с. 5].

Исследователи Абуамр ибн Аля (ум. ок. 771) и Юнус ибн Хабиб (ум. ок. 799–800), а также известный летописец Са’алиби (ум. ок. 1038) писали, что пословицы и поговорки излагают качественную мысль. Ряд арабских литераторов полагали, что пословицы и поговорки использовались в выражениях поучения, доказательства, стихах Корана или преданиях священного Пророка (с). Любовь к словесному выражению длительное время характеризовала арабскую культуру. Устная поэзия процветала среди кочевых, так и оседлых арабов; с рождением и быстрым распространением ислама арабская поэзия, как священная, так и светская, сохраняла равную популярность среди завоевателей и завоеванных. Устойчивые выражения являются неотъемлемой частью словесного искусства арабов. Это особенно актуально среди арабов-мусульман, у которых очень распространено заучивание отрывков из Корана.

Учёные подтверждают, что пословицы и поговорки влияют на поведение, манеры, поступки одного человека по отношению к другому. Арабский поэт Кааб ибн Зухейр пишет:

كانت مواعيد عرقوب لها مثلاً
ما مواعيدها إلا الأباطيل

*Обещания Аркуб подобны изречению,
У неё нет обещаний, кроме лжи.*

Арабский — один из самых выразительных, изысканных и прекрасных языков, его богатство и сила выражения не имеют аналогов. Искусный оратор или поэт, любитель

вести беседы, политик или человек, использующий пословицы, завоевывают уважение с помощью лингвистического мастерства; форма и способ подачи сообщения очень важны, как и их смысл.

Уважение к языковому мастерству издавна характеризует арабское общество. В до-современной Аравии поэзия признавалась мощным оружием для укрепления репутации собственной группы и ослабления репутации соперника; по сути, поэзия до сих пор рассматривается как действенный инструмент социальных и политических комментариев. Арабы испытывают «бескрайнее чувство гордости, имея возможность применять пословицы, когда возникает такая необходимость», и очень уважают «всякого, кто способен использовать эти высказывания правильно» [8, vol. 1, p. 7]. Оценка «правильного» использования основана на двух критериях: достаточном знакомстве с пословицами, так чтобы человек мог при необходимости вспомнить подходящую фразу, и навыках спонтанного и корректного применения пословицы к ситуации. Требуются как обширный репертуар готовых, доступных для памяти пословиц, так и чувство уместности.

Литературоведы разделили арабские пословицы и поговорки на три группы:

- а) древние пословицы и поговорки доисламского и раннеисламского периода;
- б) смешанные или новые — совокупность пословиц и поговорок IV в. хиджры, поэзия Мутанабби, «Калила и Димна» и т. п.;
- в) современные пословицы и поговорки.

Арабские пословицы и поговорки включают в себя изречения и мудрость других народов, и потому могут становиться объектом сравнительного изучения. Сопоставление пословиц и поговорок нескольких народов осуществил, например, Салим ар-Раси Лубнани. Известный арабский исследователь Фарих Лубнани сопоставил арабские пословицы и поговорки с французскими пословицами. То же самое сделал Ахмед Тимур, попутно дав объяснение каждой пословице и поговорке, что составляет большую ценность для литературы. Некоторые учёные, такие как Саид Убуд, Али Халили, Иса Атауллах и Салим Арафат, собрали палестинские пословицы и поговорки на основе абджадского алфавита.

История изучения арабских пословиц и поговорок начинается со II века хиджры. Об этом писал знаменитый немецкий исследователь Карл Броккельман: «Пословицы и поговорки побуждали интерес ученых с самого возникновения арабской литературы; историки и филологи соревновались друг с другом, собирая и объясняя их» [8, vol. 1, p. 408]. Активная школа арабских филологов стремилась сохранить словесное наследие, защитить язык от неарабского влияния, записывая все древние образцы языка, какие они могли отыскать, включая пословицы. Почти все указанные филологи посвящали работы пословицам [8, vol. 1, p. 408]. В результате появилась исчерпывающая литература по теме классических арабских пословиц, переходящая в сотни томов и содержащая много важной информации.

Старейшим сохранившимся филологическим трактатом об арабских пословицах является книга иракского (Куфа) филолога и крупного специалиста по доисламской поэзии аль-Муфаддала ад-Даби (ум. ок. 786) «Амсал аль-араб» («Арабские пословицы»), написанная в VIII в. и напечатанная в Аль-Аситана (Стамбул) в 1882 г. Эта работа — одна из самых известных коллекций арабских классических пословиц.

Немецкие исследователи Илсе Лихтенштадтер [8, vol. 1, p. 489] и Игнац Гольдциер [9, p. 35] отметили, что все произведения аль-Муфаддала ад-Даби посвящены пословицам и поговоркам. Известный современный профессор Ярмукского университета доктор Салим Мар'и Хидаруси по поводу первой книги пословиц и поговорок замечает,

что знаменитый арабский литератор Убейд ибн Шаррия адж-Джурхуми (ум. ок. VIII в.) написал первую книгу «Китаб аль-амсаль» в начале VIII столетия [1, с. 7]. Исследователи упоминают ещё одно ценное сочинение — «Книгу пословиц и поговорок» Му'риджа ибн Амр ас-Сидусы, сохранившуюся до наших дней. Это было второе произведение после книги аль-Муфаддала ад-Даби. Аляка ибн Куршум аль-Каляби, Саххар ибн 'Ияш аль-Абди также собирали арабские пословицы и поговорки до аль-Муфаддала ад-Даби, но, к сожалению, их работы до нас не дошли. Названных авторов — составителей сборников пословиц и поговорок до аль-Муфаддала ад-Даби — упоминает Абу Убейд аль-Бакри в книге «Фасль аль-макаль фи шархи китаб аль-амсаль».

Абу Абид аль-Касим ибн Саллам аль-Гарави аль-Багдади (ум. ок. 838) известен как автор «Китаб аль-амсаль», 2-я и 17-я части которой переведены на латинский язык и напечатаны в 1836 г. профессором Петро Гута. Полностью книга вышла в сборнике «Ат-тухфат аль-бахия ва турфат ад-дахия» («Блистательные сокровища и пленительные редкости») в Стамбуле.

После Касима аль-Багдади сохранилась первая книга «Аль-Фахир», принадлежащая Муфаддалю ибн Саляма, который собирал только литературные пословицы той эпохи. «Таким образом, — пишет знаменитый русский учёный И. Ю. Крачковский, — он даёт не только обычный сборник пословиц, известных нам и из других источников, но и целый ряд метких выражений, приветствий, ходких стихов и пр.» [10, с. 193]. И. Ю. Крачковский добавляет: «Несомненно, что работа аль-Муфаддала станет настольной справочной книгой у всякого арабиста филолога; для исследователя арабских пословиц и ходячих выражений по богатству материала она должна быть поставлена наряду с известным сборником аль-Майдани» [10, с. 196].

Хамза аль-Исфгани (ум. после 961) — персидский учёный и литератор, много путешествовал, жил в Багдаде и Исфгане, занимался изучением персидского языка и сравнивал его с арабским. Его книга «Дуррат аль-фахира» остаётся в рукописи и хранится в Мюнхенской библиотеке.

Часть сборника аль-Исфгани включил в свой «Маджма аль-амсаль» знаменитый Абу аль-Фадл (Ахмед ибн Мухаммед ибн Ахмед ибн Ибрагим) аль-Майдани ан-Нисабури (ум. 1124), перс по происхождению. Аль-Майдани, который родился и умер в Нишапуре, прославился изучением арабов и их пословиц. Европейский востоковед Шайла Вебстер считает, что «Маджма аль-амсаль» аль-Майдани является лучшим из произведений, посвящённых арабским пословицам и поговоркам. По её словам, автор стремился объединить с своим сборнике содержание всех книг, содержащих арабские пословицы и поговорки. «Подлинник этой книги и её перевод сохраняется во всех библиотеках мира», — писали К. Броккельман и И. Гольдциер [8, vol. 1, p. 409]. Сборник, состоящий из двух томов, насчитывает более 6000 пословиц и поговорок и отражает историю жизни арабов доисламского и исламского периодов. «Маджма аль-амсаль» был напечатан в Бонне в 1838 г. в 3 частях с латинским переводом каждой пословицы, в 1869 г. издан в Булаке (Каир) при содействии Мухаммеда Ас-Сабага и Мухаммеда Кыттата аль-Адавия, а в 1892 г. выпущен в Египте издательством «Аль-мактаба аль-хайрийа» в 2 частях в сопровождении «Джамхарат аль-амсаль» Абу Хияля аль-Аскари (ум. ок. 1005) — одного из лучших арабоязычных филологов X в.

Замахшари (ум. 1144) при составлении своей книги «Аль-мустакса мин амсаль аль-араб» использовал поэмы разных периодов, а также отрывки из книги «Калила и Димна».

О пословицах и поговорках в арабской литературе можно сказать следующее.

1. Пословицы и поговорки представляют историческую ценность, так как в паремнологических словарях и историко-культурных памятниках приводятся исторические предания и примеры их использования. Например:

اليوم خمر و غداً أمر [11, т. 2, с. 334]

Переводы:

Сегодня вино (горько), а завтра приказание.

Вслед за ночью приходит рассвет.

За тьмой идет свет.

За каждым горем приходит радость [12, с. 95].

В отчаянии есть надежда.

Конец черной ночи светел (Низами) [12, с. 95].

Горе и радость вместе (Саади) [12, с. 95].

2. Пословицы и поговорки имеют социальную ценность, так как отражают культуру, традиции, быт арабского народа, взаимоотношения между людьми:

إنّ البغاث بأرضنا يستتسر [11, т. 1, с. 188]

Даже мелкие птички становятся орлами! [13, с. 8].

3. Пословицы и поговорки представляют литературную ценность, так как широко используются в арабской поэзии и художественной прозе:

انصر أخك ظالمًا أو مظلومًا

لا في العير ولا في النفير

Помоги своему другу, будь он тиран или угнетённый,

Глуп или слаб.

Х. К. Баранов переводил эту поговорку следующим образом:

Ни богу свечка, ни черту кочерга [14, с. 707].

4. Пословицы и поговорки выражают этические нормы, страстность мысли, веру в прекрасное будущее:

إنّ في الشّرّ خييراً [11, т. 1, с. 59]

В плохом много хорошего [13, с. 7].

Ср. русскую пословицу: *Нет худа без добра*. Смысл этого изречения перекликается также со словами:

Одно зло меньше, незначительнее другого.

После грозы ведро, после горя радость.

¹ البغاث (Аль-бугас) — вид птиц. Над первой коренной согласной разрешено использовать три огласовки: фатху, дамму и касру. Множественное число — «бигсан». Говорят, что это птица размером поменьше стервятника. Пословица о том, кто после слабости и унижения стал сильным и уважаемым.

*Сегодняшний день не без завтрашнего.
Темна ноченька, да белу свету покорлива.
Темна ночь не навек [12, с. 97].*

Но если прислушаться к следующим пословицам и поговоркам, выясняется, что после радости может наступить горе:

إن في الحسن شقوة [13, с. 7]

*В хорошем много плохого.
За добро злом отплатить.
Я ему услужил, а он меня проучил [12, с. 189].*

به داء ظبي [11, т. 1, с. 175]

У него болезнь антилопы² [13, с. 23].

Пословицы и поговорки в средние века отражали ценности и этику исламской религии и призывали к единобожию, благочестию и праведности. Например:

رأس الدين التقوى

Основа религии — праведность.

مَنْ صَدَّقَ اللَّهَ نَجَا

Тот, кто предан своему Богу, спасётся.

Исследование, сбор и изучение пословиц и поговорок продолжают и в наши дни. Здесь можно упомянуть труды Музхира ад-Дури «Иракские пословицы и поговорки морально-этического характера», Абд ал-Латыфа ад-Дилейши «Народные пословицы в Басре», Абд Ал-Халика ад-Даббаг «Сборник пословиц Мосуля», «Энциклопедию арабских пословиц», которую составили Махмуд Исмаил Сыний, Насыф Мустафа Абд аль-Азиз, Мустафа Ахмед Сулейман.

Ханна аль-Фахури в своем сборнике [5] связал пословицы и поговорки с наиболее важными периодами истории арабов: доисламским периодом «джахилия», аббасидским периодом и т. д. Кроме того, в каждом разделе пословицы приведены в соответствии с их авторством. Представлено много примеров того, как стихотворные или прозаические высказывания известных людей, поэтов обрели самостоятельную жизнь.

Изучению сходств и различий арабских пословиц и поговорок посвящена работа иорданского литератора д-ра Хани аль-Амда под названием «Пословицы арабской нации». На примере широко известных не только в арабских странах пословиц он исследует то общее, что является их основой, несмотря на некоторые расхождения между регионально-диалектальными вариантами, наблюдаемые на уровне лексических и иногда грамматических изменений. Его же перу принадлежит сборник «Иорданские народные пословицы», который вышел в Аммане в январе 1978 г. В этом труде в алфавитном порядке и под номерами приведено более 1800 пословиц и поговорок на

² То есть он ничем не болен, так как у антилопы не бывает болезней. Говорят, что антилопа заболевает только перед смертью. Считается также, что когда антилопа болеет, то неизвестно, в каком месте у нее болезнь. И этим как бы хотят сказать, что у него неизвестная болезнь.

иорданском разговорном языке, бытующих в иорданской среде. Для простоты поиска книга снабжена также тематическим и предметным указателями.

Вопросы, касающиеся исследования и первой классификации арабских пословиц и поговорок, затронуты в труде иракского ученого Абд ар-Рахмана ат-Тикрити «Похожие багдадские пословицы» (Багдад, 1966–1969. Т. 1–4). Здесь рассматриваются с точки зрения происхождения и первичного, исходного значения пословицы и поговорки, как взятые из древней поэзии периода «джахилии» или поэтических произведений других эпох, так и бытовавшие в обществе до и после ислама. Ат-Тикрити был первым исследователем пословиц и поговорок, вышедшим за пределы региона на более широкое общенациональное поле [5, с. 5].

Еще одной попыткой исследования в этой области можно считать книгу египтянина Мухаммеда Кандиля аль-Бакли «Единство народных пословиц в арабских странах» (Каир, 1968). В своей работе аль-Бакли не только объясняет египетские пословицы и поговорки, но и сравнивает их с паремиями других арабских народов. Такое сравнение дает автору возможность, с одной стороны, выявить факт единого духовного, психологического начала, а с другой — показать, что в этом начале неизменно и восходит к древним истокам, а что подверглось и может подвергнуться дальнейшему изменению [5, с. 5].

Итак, мы видим, что изучение пословиц и поговорок и иной афористической мудрости необходимо для расширения знаний об арабском народе, понимания его культуры. Пословицы, поговорки и мудрые изречения — один из предметов гордости арабов, так как они представляют собой «свидетельства здравого смысла и пронизательности... они — глаза арабской души, отражение происходящего в ней, прямой путь к идеалу» [5, с. 11]. Они отражают мир арабского народа, призывают молодое поколение к благородству, великодушию, щедрости, храбрости, чести и достоинству, уважению родителей, преданности другу и т. д.

Литература

1. *Hidarousi Salim Mar'i*. al-Mathal wa ma yajri majrahu min al-ashkal al-'arabi fi kutub al-amthal al-qadima 'ind al-'arab. Urdun: Qism al-lughat al-'arabiya bi jamiat al-ayrmuk, 2008. 350 с.
2. *Rudolph Zilhoim*. al-Amthal al-'arabiya al-qadima. Bayrut: Dar al-Ma'arif, 1984. 380 с.
3. *Daif Shauqi*. al-fannu wa mazohibuhu fi an-nasri. Qahira: Dairat al-ma'arif, 1992. 400 с.
4. *Даль В. И.* Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: в 2 т. М.: Худ. лит., 1984. Т. 1. 383 с.; Т. 2. 399 с.
5. *al-Fakhuri Khanna*. Amthal wa hikam. Qahira: Dar al-ma'arif, 1951. 430 с.
6. *Dickson H. R. P.* The Arab of the Deserts. London: George Allen&Unwin, 1949. 286 p.
7. *Raghib al-Isfahani*. Mufradat al-alfaz al-Qur'an. Qahira: Dar al-ma'arif, 2008. 720 с.
8. The Encyclopaedia of Islam. Vol. 1–4. Leyden: E. J. Brill, 1913–1936.
9. The Encyclopaedia of Islam. Vol. 3. Leyden: E. J. Brill, 1971.
10. *Крачковский И. Ю.* Избранные сочинения: в 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 2. 702 с.
11. *Askari Abu Hilal*. Jamharat al-amthal. Bairut: Dar al-ma'arif, 1988. Т. 1–2.
12. *Калонтаров Я. И.* Мудрости трёх народов. Душанбе: Адиб, 1989. 550 с.
13. Арабские пословицы и поговорки / сост. Абу аль-Фадль аль-Майдани; пер. с араб. И. Сарбулатова. URL: <http://nuruliman.ru/archives/535> (дата обращения: 10.06.2010).
14. *Баранов Х. К.* Арабско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. 1250 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

А. В. Филочкина

ВСТУПЛЕНИЕ В БРАК ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОГО ЭПОСА С ДРУГИМИ ЭПОСАМИ МИРА

Сватовство и вступление в брак эпического героя или героини связаны с одним из важнейших мотивов, который проходит через всю мировую эпическую поэзию [1, с. 259]¹. Однако, ввиду культурных, исторических и ментальных особенностей народов мира, в каждом отдельно взятом эпическом памятнике этот мотив приобретает особые, неповторимые черты. Задача сравнительной типологии — выявить эти черты, а также отметить общие тенденции формирования эпосов и развития в них тех или иных мотивов.

В древнеиндийском эпосе описаны наиболее распространенные в Индии типы браков, к которым обращались представители воинского сословия. Это *сваямвара* (соствязание женихов за руку девушки), брак *гандхарва* (любвенный союз без родительского вмешательства), *ракшаса* (похищение девушки с последующей женитьбой на ней) и *асура* (брак с предоставлением выкупа родителям невесты). В памятниках мирового эпоса можно обнаружить похожие типы браков, которые были популярны в определенной среде или сословии.

Для эпических героинь знатных царских родов в древнеиндийском эпосе характерен «самостоятельный выбор» невестой жениха — сваямвара. Яркие примеры здесь — брачные обряды Драупади, Ситы, Дамаянти, Кунти. Все эти женщины по праву называются героическими женами, ибо героизм свой они доказывают поступками. Особый статус они получают уже при своем «чудесном» рождении, дальнейшая же судьба героинь лишь подтверждает их высокое предназначение. Брак женских персонажей также выступает показателем их статуса и роли в эпосе. Любопытно проследить, так ли обстоит дело с героинями других эпических памятников.

Соревновательный характер имеют сватовство Сигурда к Брюнхильд («Старшая Эдда») и в аналогичном сюжете сватовство Зигфрида к Брюнхильде («Песнь о Нибелунгах»). Если оставить в стороне тот факт, что Сигурд/Зигфрид в сватовстве не преследует собственные интересы, а помогает Гуннару/Гунтеру обманном путем получить деву в жены, то формально все этапы сватовства он проходит как жених, добывающий руки прекрасной девы. В «Старшей Эдде» герою необходимо преодолеть огненный вал, окружающий чертог Брюнхильд, — таково условие, чтобы получить ее в жены. И несмотря на то что Сигурду не противостоят многочисленные претенденты на руку Брюнхильд, это довольно тяжелое испытание. Преодолев препятствие, Сигурд обретает право стать мужем девушки. Подобный способ женитьбы был распространен во многих культурах, что говорит об общности традиций и обрядового сознания у различных народов. Впервые мотив соревновательного сватовства в европейской культуре встречается в волшебной сказке и развивается в героическом эпосе и рыцарской литературе.

¹ Е. М. Мелетинский приходит к выводу, что героическое сватовство — универсальная тема в древнейших эпосах.

© А. В. Филочкина, 2012

Сюжет о Сигурде и Брюнхильд содержит мотив, который обнаруживается и в индийской традиции: Сигурд, покидая Брюнхильд, клянется ей в верности, но выпивает напиток забвения и забывает о ней. Лишь после того как он завоевывает ее для Гуннара, к нему возвращается память, но изменить уже ничего нельзя. Драма великого поэта Индии Калидасы «Шакунтала», литературное произведение классической эпохи, содержит сходные нити повествования. Царь Душьянта клянется в вечной любви Шакунтале и, подарив ей на память перстень, возвращается в свое царство и забывает ее (сбывается проклятие отшельника Дурвасаса). Только когда Шакунтала с маленьким сыном приходит ко двору супруга и показывает ему перстень, он вспоминает ее и терзается муками совести. Так, в двух текстах, появившихся в разное время и на территориях, далеко отстоящих друг от друга, прослеживаются сходные мотивы, что, с точки зрения сравнительной типологии, говорит о наличии общих закономерностей их появления и, может быть, об общности художественного сознания народов.

В «Песни о Нибелунгах» мотив забывания жены и, в конечном итоге, ее узнавания отсутствует, но эпизод с замужеством Брюнхильды обретает несколько иные подробности. Зигфрид сражается не с соперниками, а с самой девой-богатыркой, королевой далекой северной страны. Победив ее в брачном поединке (в бросании копья и камня и в дальности прыжка), он становится ее супругом («Песнь о Нибелунгах», авентюра VII).

«Брачный поединок богатыря-жениха с богатырской девой составляет популярнейшую тему героического эпоса народов Востока и Запада» [2, с. 87]. Б. Н. Путилов отмечает, что образ богатырской девы унаследован от первобытной мифологической традиции, и раскрывает суть брачного поединка на примере якутских олонхо: «В олонхо встречаются женщины-богатырки, обладающие невероятной силой, не уступающие любому сильнейшему герою... Брак их становится завершением боевого подвига, результатом боевой дружбы героя и героини. Это брак равных» [2, с. 87]. Сказанное можно отнести не только к олонхо, но и к другим эпосам мира: таковы восточнороманские песни «Новак, Груя и дикая дева-богатырка», «Шаина-робина и Марко», русская «Былина об Иване Годиновиче», «Дунай», «Илья ездил с Добрыней» и многие другие. В богатырских сказках тюркоязычных народов (огузские сказания цикла Коркута, «Алпамыш», «Манас», якутская сказка «Нюргун Боотур Стремительный», хакасская сказка «Алтын-Пырман», некоторые былины казахско-ногайского цикла, как «Кобланды-батыр», казахские сказки «Джелкилдек» и «Таласпай-Мерген» и т. д.) сюжет брачных состязаний между женихом и невестой встречается гораздо реже. Герой шорской сказки Чеек со своим другом Аймангысом сватается к богатырской деве Кан-Кыс. Условие брака — победить девушку в единоборстве: «Если ты одолеешь меня, то я пойду за тебя, а если я одолею, то убью». После десяти лет борьбы Чеек наконец побеждает и женится на этой деве [3, с. 292].

В таких эпосах героиня крепка не только телом, но и духом. Она сама ставит условия для замужества и испытывает жениха. Б. Н. Путилов ссылается на исследователя М. О. Косвена, высказавшего предположение, что, наряду с представлениями о женщинах-воительницах, в фольклоре разных народов отразились также представления о «народе женщин», о «женщинах, живущих отдельно от мужчин» [2, с. 89].

Несмотря на популярность образа героини-«амазонки» в мировом эпосе, в древнеиндийском эпосе он не встречается. Это связано, конечно же, с традиционным укладом общества, где женщина, хотя и почитается как мать и супруга, все же играет вто-

ростепенную роль по отношению к мужчине. В индийском обществе издревле доминировали представления о покорности, скромности, услужливости женщины. Даже одна из героических жен — Сита всецело подчинилась своему супругу и не мыслила себя самостоятельной личностью (что, впрочем, отражено и в «Законах Ману»).

В. М. Жирмунский отмечает, что брачные состязания между девушкой и юношей: «кыз-качар» (скачка за девушкой), реже — «кыз-быры» (девушка-волк) или «кыз-кову» (охота за девушкой) — вплоть до недавнего времени были широко распространены у казахов и киргизов [3, с. 267]. Неудивительно, что подобные брачные состязания особенно популярны среди кочевых народов Средней Азии, ибо образ жизни народа и география формируют сознание народа, его традиции и обычаи, которые находят отражение в литературе.

С типологической точки зрения, согласно В. М. Жирмунскому, такие брачные состязания, когда борьба происходит между женихом и самой невестой, более архаичны, нежели те, где жених соперничает с другими женихами [3, с. 265]. Такие сказания восходят, вероятно, к бытовым отношениям эпохи матриархата. В патриархально-родовом обществе сюжет брачной поездки принимает героический характер, в связи с чем широкое распространение получают брачные состязания между женихами или жениха с отцом невесты [3, с. 264]. И в античных мифах, и в эпических сказаниях наиболее популярными формами состязания были бег, стрельба из лука и борьба: «...Одиссей добывает Пенелопу состязанием в беге с другими женихами; Пелопс, чтобы получить руку Гипподамии, состязается с отцом ее Эномаем в беге на колесницах... Состязание в стрельбе из лука встречается, например, в сказании о Геракле: Эврит обещает дочь свою Иолу тому из женихов, кто победит его в стрельбе из лука. Геракл также борется с Ахелоем за Деяниру» [3, с. 265]. В восточном эпосе подобные состязания представлены в третьем огузнаме «Юсуф и Ахмет», турецкой сказке «Бол-Берёк», узбекском эпосе «Алпамыш» и т. д.

В «Махабхарате» и «Рамаяне» брачный поединок между женихами представлен в форме сваямвары (сваямвара Драупади, Ситы, Дамаянти). Женихи Драупади должны натянуть огромный лук и пять раз попасть в цель, стреляя в нее через спицы вращающегося колеса. Дхриштадьюмна, брат Драупади, объявляет условия состязания [4, I. 176.34–35]². Герой Рама демонстрирует свою физическую мощь в сцене с натягиванием лука, который не выдерживает его силы и ломается пополам [5, I. 66.16–17]³.

Дамаянти, героиня «Сказания о Нале», также выбирает жениха на сваямваре, однако в описании нет сцены состязания женихов, зато представлен эпизод с узнаванием Наля. Благодаря своему уму и сообразительности, вспомнив приметы богов и царей, девушка узнает любимого среди пяти одинаково выглядящих женихов, четверо из которых — боги [6, III. 54.23–24]⁴.

² «Вот лук, цель и стрелы. Все цари, слушайте: через отверстие в мишени поразите цель пятью летящими по небу (стрелами). Тот, кто обладая высоким происхождением, красотой и силой, выполнит эту крайне трудную задачу, сегодня получит в супруги сестру мою Кришну — истинны (эти) мои слова» (пер. автора статьи). — римская цифра означает номер книги, арабские — номер главы и стиха.

³ «На глазах у многих тысяч царей радость рода Рагху, верный дхарме, поднял тот лук, словно играючи, и когда могучий и лучший из мужей натянул тетиву, тот прославленный лук разломился надвое» (пер. автора статьи).

⁴ «И увидела она всех премудрых: не было (на их челах ни капли) пота, (они глядели) немигающим взором и, облаченные в свежие цветочные венки, стояли перед ней незапыленные, не касаясь (ногами) земли. Нишадха же стоял прямо на земле, в увядшем венке, вспотевший, запыленный, удаиваясь тенью, выдавая себя миганием взора» (пер. Я. В. Василькова).

Этот эпизод достоин упоминания, поскольку служит отражением популярного в ряде культур свадебного обычая узнавания невесты или жениха. В казахской стихотворной повести «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» этот мотив несколько видоизменен: невеста узнает жениха, переодетого пастухом, по золотому чубу, спрятанному под шапкой [3, с. 202]. В древнегреческом эпосе мотив узнавания сочетается с мотивом «муж на свадьбе своей жены», который отсутствует в индийском эпосе. Одиссей возвращается домой после долгих странствий и узнает, что многочисленные женихи добиваются руки его жены Пенелопы. Он остается неузнанным вплоть до брачного состязания женихов, которое предстает здесь как вариант темы героического сватовства [3, с. 311]. Пенелопа соглашается стать женой того, кто натянет богатырский лук Одиссея и пронзит стрелой кольца на рукоятках двенадцати боевых топоров, закопанных в землю в ряд острием вниз. Только Одиссей, принявший облик старого нищего, выполняет ее условие. Мотив узнавания раскрывается в сцене признания Одиссея, где он напоминает Пенелопе о тайне устройства их брачного ложа, известной только им двоим. Мотив узнавания может присутствовать в сценах героического сватовства, но чаще рассматривается в рамках мотива «возвращения мужа» («мужа на свадьбе своей жены»).

Иногда сюжет сватовства рисует соревнование героя с женихом, наделенным сверхсильными способностями и чудовищной внешностью (великаном, драконом, змеем и т. д.) В подобных сюжетах змей (как универсальный эпический образ) не выступает претендентом на руку девушки, а пытается обойти правила сватовства и похитить ее. В юнакском эпосе о Марко Кралевиче герой спасает дочь султана, которую требует в жены змей Арапин, обладающий скорее чертами человека, нежели чудовища: «Рот у него, как небольшие ворота, глаза у него, как два небольших окна, ноги у него — солунские столбы, руки у него, как два столба» [2, с. 46].

Однако уродливые формы «не мешают Арапину быть мощным воином: он сидит на коне; вооружен палицей или саблей и считает себя первым среди юнаков. Он живет в собственной усадьбе, иногда — строит дворец, ищет себе жену и т. д.» [2, с. 47]. Изображение Арапина находит близкие параллели с образом Тугарина и Идолища в русском эпосе: «Вышину-де как Идолище-то трех сажень, он-де трех сажень да он печатных; ширину-де Идолище коса сажень; и коса где сажень да и печатная; голова-то у ёго сильёй пивной котел, кабы ушица у его как сильни чашища, кабы ручища у его как будто граблища, уж бы ножища у его сильни кичинища. Подымался рассобака злой Тугарин-змей; на коне-то сидит собака ровно сенная копна, голова-то у рассобаки с медовой большой котел, а глаза-то у собаки ровно чаши золоты» [2, с. 47].

Образы чудовищ — похитителей невест имеют сходство с образом Раваны в древнеиндийском эпосе. Ему, как змеям и драконам, свойственно умение летать: похищая Ситу, он переносит ее на Ланку на летучей колеснице. У Раваны десять голов, и Рама тщетно отсекает одну голову за другой — они каждый раз появляются снова [5, VI. 110]; только когда Рама поражает его в сердце оружием Брахмы, Равана погибает [5, VI. 111].

Стоит напомнить, что, согласно малайской «Сери-Раме», Равана, участвуя в сваямваре Ситы, прострелил божественным луком 38 из 40 пальмовых листьев. Однако состязание выиграл Рама, пронзивший все 40 листьев [7, с. 186]. Таким образом, согласно этому более позднему переложению «Рамаяны», конфликт между Рамой и Раваной возникает еще на сваямваре Ситы и приводит в дальнейшем к кровопролитной битве.

Равана в Рамаяне — глава демонов, царствующий на Ланке. С одной стороны, он воплощает злые силы потустороннего мира (Ланка находится на юге, который счи-

тается обиталищем Ямы, бога смерти) и выглядит как чудовище. Но в ряде эпизодов он принимает вполне антропоморфные черты, как и змеи Тугарин и Арапин. В первую очередь Равана описывается как могучий герой, «лучший из носивших оружие» [5, VI. 112.7–10]. Когда он погибает, Рама с почтением отзывается о нем как о «светоче мужества», «не ведающем страха герое» [5, VI. 112.15–26].

На основе сходных характеристик внешности персонажей Б. Н. Путилов выдвигает предположение об их типологическом родстве и принадлежности к одному эпическому ряду. Змеи, лишённые признаков чудовища, могут трактоваться как чужеземные враги-богатыри, а их внешние характеристики, возможно, указывают на их этническую принадлежность [2, с. 47–48]. Равана, к примеру, иногда понимается исследователями традиционного направления как вполне реальный правитель далекой Ланки, представитель враждебного индоариям южного племени.

Наряду с рассмотренным типом брака, которому предшествуют соревнования женихов, в мировой эпической традиции имеют место и другие типы, как, например, аналог древнеиндийского брака *ракишаса*, когда жених насильно похищает желанную девушку. В «Калевале» Лемминкяйнен сватается к Кюлликке, но получает отказ. Не желая признавать своего поражения, герой похищает девушку и женится на ней [8, руна 11]. Другой герой карело-финского эпоса, Ильмаринен, также едет свататься к младшей сестре бывшей жены, но не получив согласия, похищает ее. Все же брак не удаётся заключить, поскольку невеста не хочет мириться со своей участью, осыпает героя ругательствами, за что он превращает ее в чайку [8, руна 38].

В восточнороманском эпосе брак посредством похищения невесты упоминается в ряде песен, причем эпическое похищение невесты происходит либо с помощью обмана (жених называется купцом, заманивает девушку на корабль посмотреть заморские товары и отчаливает, увозя с собой невесту), либо путем насилия (жених сажает ее на коня и увозит). В южнославянском эпосе популярен мотив добывания жены из далекой страны. В песне «Юный воиник Роман» братья добывают себе жен «с помощью сабли». Это дочери государя, обитающего далеко за лесами, но чаще они похищены из самой турецкой столицы. В. М. Гацак пишет: «Традиционный мотив добывания невесты представлен здесь в конкретном историческом осмыслении... Он служит героической идеализации воинов, смело противодействующих самим властителям враждебных государств» [9, с. 107]. Добывание невесты из чужого и враждебного рода типично для эпоса народов Сибири и Крайнего Севера: хантов, манси, ненцев, селькупов, эвенков.

В древнеиндийском эпосе брак через похищение невесты весьма распространен среди кшатрийского сословия. В «Махабхарате» таким образом Арджуна получает в жены Субхадру, Кришна — Рукмини, а Бхишма похищает трех сестер для Вичитравирьи [4, I.96]. Во всех случаях невесты происходят из царств, далеких от страны героев. Здесь вновь просматривается мотив женитьбы на девушке из «дальней» страны. Однако к этому мотиву добавляются и традиционные социальные установки древней Индии: в дхармашастрах, соционормативных трактатах, подобный тип брака предписывается для царей. Таким образом, в древнеиндийском эпосе не только обнаруживается типологическое сходство с другими эпосами мира, но и отражаются свойственные именно Индии культурные и социальные нормы.

Следующим типом брака является брак *асура*, который подразумевал своего рода продажу девушки в семью будущего мужа за выкуп. Если обратиться к мировому эпосу, то сразу вспоминается похожий обычай у тюркоязычных народов, где важную роль

играл калым — выкуп за невесту, включающий скот, деньги, украшения, ткани, хозяйственные и бытовые предметы. Этот обычай находит отражение и в эпических памятниках. Так, например, в «Манасе» герой уплачивает огромный калым за прекрасную Каныкей [10, с. 584]. Понятие выкупа за невесту было знакомо и европейским народам. Герой «Калевалы» Ильмаринен, прося руки девушки, обещает ее матери выковать Сампо, чудесную мельницу [8, руна 10]. Возможно, в карело-финском эпосе мы имеем дело с архаическим обрядом обмена — потлачем. Коми и славяне также были знакомы с обычаем выкупа, что отразилось в сказаниях и свадебных причитаниях этих народов.

Часто родители, не желавшие отдавать свою дочь тому ли иному жениху, требовали за нее несметные богатства, зная, что жених не сможет уплатить выкуп. Дели Карчар в огузском эпосе «Книга моего деда Коркута» хочет избавиться от нежеланных сватов сестры и требует такой выкуп: «Доставьте тысячу верблюдов, никогда не выдавших самки; доставьте тысячу жеребцов, никогда не поднимавшихся на кобылу; доставьте тысячу баранов, никогда не видевших овцы, доставьте тысячу псов без хвостов и ушей, еще доставьте мне тысячу блох» [3, с. 156]. Несмотря на кажущуюся невозможность добыть все это, сваты выполняют требование и получают девушку.

Выкуп может быть и символическим, не материальным. Своеобразным выкупом, или, скорее, «откупом», является предложение Ёукахайнена отдать свою сестру Айно выигравшему схватку Вяйнямйнену [8, руна 3]. Подобный обычай (*тартуу*) существовал у киргизов и нашел отражение в эпосе «Манас»: Манас получает в жены Акылай в подарок от ее побежденного отца. В «Махабхарате» представлен сюжет о том, как царь Шарьяти откупается от отшельника Чьяваны, которому царская дочь случайно проколола глаза: она становится супругой риши взамен того, что он не наложит проклятие на род царя [4, III. 122]. Важно, что в древнеиндийском эпосе подобный сюжет приобретает ритуальную окраску, поскольку связан с характерными только для Индии отношениями между представителями различных сословий, в частности между брахманами и кшатриями. В таком случае брак объясняется тем, что кшатрий не вправе отказать в даре брахману, что бы тот ни попросил. В страхе перед его подвижническим пылом, силой которого он может испепелить всю землю, цари готовы даже отдать свою юную дочь в жены старцу-риши.

В индийском эпосе представлен также тип брака *гандхарва*, при котором влюбленные заключают тайный союз без согласия родителей. При исследовании сюжетов мирового эпоса аналогичный тип брака выявлен не был. Однако в некоторых сюжетах все же встречается что-то подобное. К примеру, в «Речах Альвиса» («Старшая Эдда») карлик Альвис сватается к дочери Тора, когда того нет дома. Сюжетные линии здесь несколько напоминают сюжет о Шакунтале в Махабхарате [4, I.65–69]. Царь Душьянта сватается к лесной деве, пока ее отец Канва отсутствует. В обоих случаях отец героини находится в отлучке, что дает герою возможность беспрепятственно добиться своей цели.

Мотив брака, брачного сватовства значим для любого эпического памятника, с чем связана важная линия в развитии сюжета: герой с трудом добывает невесту, соревнуясь с другими женихами, или «покупает» ее. Мотив женитьбы героя в индийском эпосе приобретает особые, отражающие индийские реалии черты. Эпическое воплощение этого мотива отсылает к архаике, нередко в нем слышны отголоски древних земледельческих культов и мифологии.

Как для героических жен древнеиндийского эпоса предписан брачный обряд сваямвара (доказательства распространенности этого обряда широко представлены

в «Махабхарате» и «Рамаяне»), так и в других мировых эпосах существует некоторое соответствие между типом брака и социальным статусом героини. Царских дочерей, как правило, выдают замуж за жениха, выигравшего брачное состязание. Для тюркоязычных народов, ввиду особенностей их культуры и образа жизни, типично предоставление выкупа за невесту, калыма. В то же время выкуп в индийской традиции отрицался: «Разумному отцу не следует брать даже самого незначительного вознаграждения за дочь; ибо человек, берущий по жадности вознаграждение, является продавцом потомства» [11, III. 51].

Брак по обоюдному согласию более характерен для девушки незнатного происхождения. В древней Индии такой вид брака считался приемлемым для царя, который мог взять в жены полюбившуюся ему девушку без лишних «формальностей». Шакунтала имеет чудесное происхождение — она дочь небесной апсары Менаки и могущественного отшельника, однако с царем Душьянтой она вступает в союз как простая девушка, лесная подвижница.

В мировой эпической традиции любовный союз между героем и понравившейся ему девушкой не носит характер брака, девушка может быть просто возлюбленной героя (Херкья и Атли в «Старшей Эдде»). Иногда между земным героем и небесной девой (апсара Менака и риши Вишвамित्रа в «Махабхарате») или, наоборот, между мужским божеством (или великим отшельником, по мощи равным богам) и земной женщиной (бог Сурья и Кунти, риши Парашара и дочь рыбака Сатьявати) заключается символический брак. В южнославянском эпосе существуют сюжеты о браках земных героев с фантастическими существами в облике молодых женщин — вилами и зынами-русалками (Марко и вила Наданойла, Джюра Смедеровац и вила Ана, Груя и зына Магдалина). В русских былинах известен брак Михайло Потыка и Марьи Лебеди белой. Особое значение в мировом эпосе имеет тема брачного поединка героя с девой-богатыркой. В. М. Жирмунский высказывает мысль о том, что предпосылкой эпического образа девы-воина могло стать реальное независимое положение женщин у ряда народов Запада и Востока [12, с. 55]. Этот образ отсутствует в древнеиндийском эпосе из-за эстетических различий между традициями. Кроме того, женщины в древней Индии не обладали широкими правами, хотя и пользовались большим уважением в качестве супруг и матерей.

Тема сватовства, как начальное основание брака и семьи, сплетается с темой национально-государственной и в героическом эпосе становится предметом эпической героизации [12, с. 49]. Важен вывод В. М. Жирмунского о том, что сюжеты о сватовстве отражают последовательные изменения брачных и семейных отношений в обществе. В них можно обнаружить «пережитки обычаев материнского рода, и брака-умыкания (с согласия и без согласия невесты), и брака-купли» [12, с. 46].

Итак, эпосы, созданные в разное время, отличающиеся по характеру повествования (героический, исторический) и принадлежащие регионам, которые не имели исторически засвидетельствованных контактов, обнаруживают многочисленные сходства в воплощении мотива вступления эпической героини в брак. Прежде всего, в эпических памятниках встречаются схожие формы брака (похищение, выкуп невесты). Согласно индийскому эпосу, способ выдачи девушки замуж определяется в зависимости от ее статуса по рождению. Героини, чье рождение отмечено в «Махабхарате» и «Рамаяне» как чудесное или божественное, обретают мужа на *сваямваре* (состязании женихов). Прочие героини, и крупные фигуры, и менее важные, выступают как предмет

обмена между будущим супругом и отцом девушки, или их похищают с целью последующего заключения брака.

Брак девушки с победившим на состязании женихом распространен во многих эпосах Востока и Запада, а наиболее архаичным, присущим древнейшим пластам героической эпики является мотив героического поединка героя с невестой-богатыркой. Однако именно этот мотив отсутствует в индийском эпосе, вероятно ввиду издревле бытующих в Индии представлений о предназначении женщины, ее роли как матери и хозяйки очага, а не воительницы. Кроме того, женщина является выразительницей определенных религиозно-философских взглядов и представлений, что подтверждается многочисленными эпитетами: *благонравная/благочестивая* — *dharmīṇī, dharmajñā, dharmasāṇīṇī, satī, dharmabhṛcchreṣṭhā* (чудо добродетели), *śīlasaṃmatā* (отмеченная высокой добродетелью), *puṇyākīrtī* (знаменитая благочестием), *śīlavṛttānvitā* (отличающаяся благочестием); *преданная/верная долгу* — *svratā, yatavratā* (верная обету), *соблюдающая установления и обеты* — *niyamavratasaṃsiddhā*; *преданная подвижничеству* — *tapasvīṇī*. Эти качества обуславливают специфику воплощения мотива вступления героини в брак в древнеиндийском эпосе.

Литература

1. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература, 2004. 462 с.
2. Путилов Б. Н. Русский и южнославянский героический эпос. Сравнительно-типологическое исследование. М.: Наука, 1971. 315 с.
3. Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Избр. труды. Л.: Наука, 1974. 727 с.
4. *The Mahābhārata*. Electronic text derived from the files created by Prof. Muneo Tokunaga of Kyoto, ed. by John D. Smith. With parallel Devanagari and Romanization. Poona, 1999. URL: <http://www.sacred-texts.com/hin/rys/index.htm> (дата обращения: 01.03.2011).
5. *The Rāmāyaṇa of Vālmīki*. Electronic text derived from the files created by Prof. Muneo Tokunaga of Kyoto, ed. by John D. Smith. With parallel Devanagari and Romanization. URL: <http://www.sacred-texts.com/hin/rys/index.htm> (дата обращения: 01.03.2011).
6. *Махабхарата*. Книга третья: Лесная (Араньякапарва) / пер. с санскр., предисл. и коммент. Я. В. Василькова и С. Л. Невелевой. М.: Наука, 1987. 799 с. (Памятники письменности Востока. Вып. 80).
7. Гринцер П. А. Древнеиндийский эпос. Генезис и типология. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1974. 418 с.
8. *Калевала*. Карело-финский эпос / пер. с финск. Л. Бельского; вступ. ст. М. Шагинян. М.: Художественная литература, 1977. 573 с.
9. Гацак В. М. Восточнороманский эпос. Исследования и тексты. М.: Наука, 1967. 470 с.
10. Мелетинский Е. М. Киргизский эпос о Манасе // История всемирной литературы: в 8 т. / АН СССР; Институт мировой литературы им. А. М. Горького. М.: Наука, 1985. Т. 3. С. 583–584.
11. *Законы Ману* / пер. с санскр. С. Д. Эльмановича; пров. и исправ. Г. Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992. 236 с.
12. Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М.: Издательство АН СССР, 1958. 145 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 94(=411.21)“19”

Джамиль Абу-Аджадж

РАЗВИТИЕ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ У БЕДУИНОВ ИЗРАИЛЯ

С конца 1960-х годов интенсифицировался процесс перехода бедуинов пустыни Неgev, что на юге Израиля, от полукочевого образа жизни к оседлости. Сегодня бедуины Негева делятся на три основные группы: полукочевники (считанные семьи), жители непризнанных поселений и жители официальных бедуинских населенных пунктов.

В 1970-е — 1980-е годы по инициативе израильских властей в пустыне было основано семь официальных поселений для бедуинов: Тель-Шева (1967), Рахат (1972), Сегев-Шалом (1979), Арара-в-Негеве (1982), Ксейфа (1982), Хура (1989) и Лакийя (1990). Рахат уже получил статус города. Непризнанные же властями поселения стали результатом того, что бедуины завладели инициативой и процесс перехода к оседлости вышел из-под контроля государства. В пустыне постоянно появляются и разрастаются поселки, застроенные каменными двухэтажными (подчас роскошными) домами.

Когда палатки из козьей шерсти уступили место коттеджам, кочевое хозяйство — заработкам в городах, а традиционная медицина — современной системе здравоохранения, начались перемены и в системе образования. Традиционное воспитание предстояло совместить с многоуровневой системой просвещения, обязательной для всех граждан Израиля. Процесс проходил непросто, особенно когда дело касалось девочек. Этому процессу и посвящена статья.

По данным на 1998 г. численность бедуинов в Негеве оценивалась в 130 тыс. человек. Среди них 44% проживали в поселках [1, с. 126–127]. В начале XXI в. речь идет уже о 180 тыс. человек. Примерно половина из них проживает в упомянутых семи официальных поселениях [2, р. 32]. Уже в конце XX в. значительная часть израильских бедуинов предпочитала работу в городах натуральному хозяйству. Так, в 1998 г. 2,5% работников, занятых в промышленности Негева, были выходцами из бедуинской среды [3, р. 26].

Лишь в 1967 г. (когда был основан первый бедуинский поселок Тель-Шева) министерство просвещения Израиля распорядилось создать в бедуинском секторе Негева полноценную систему образования [1, с. 372]. В 2005 г. среди израильских бедуи-

нов — выпускников школ 26,6% имели право получить аттестат зрелости. Общеизраильский уровень (учитывающий израильских палестинцев и ультраортодоксальных евреев, в среде которых данный показатель также невысок) в том году был оценен в 44,9%.

Когда у бедуинов Негева появилась возможность дать среднее образование малолетним дочерям, поначалу это не вызвало у них энтузиазма. Традиционно в кочевом обществе девочки воспринимались прежде всего как рабочая сила. Последнее объясняется социальным положением женщины. По традиции мужчины участвуют в решении общественных вопросов, отвечают за землю и пастбища, а женщины ведают всеми делами в домашнем хозяйстве, включая воду в шатре и мелкий скот. Бедуины верят, что такое распределение обязанностей соответствует наклонностям мужчин и женщин: считается, что мужчина по своей природе щедр и беззаботен, а женщина — бережлива и трудолюбива. Задача хозяйки шатра — поддерживать огонь и хранить имущество семьи. Девочек готовят к этой роли с самых ранних лет. Учитывая многодетность бедуинских семей и трудности кочевого быта, легко понять, что до начала перехода к оседлости семьи всегда испытывали потребность в рабочих руках, и девочки по мере сил становились помощницами в доме. По достижении зрелости девушку выдавали замуж, и уже в доме мужа она должна была вести хозяйство и рожать детей. Такое видение женской судьбы объясняет, почему родители не видели никакой необходимости давать образование девочкам.

В 1960-е — 1980-е годы в Негеве было всего несколько школ для бедуинов. Большинство племен не могли похвастаться наличием образовательного учреждения на своей территории. Это крайне важный факт, поскольку бедуины отрицательно относятся к выходу девочек за пределы дома, не говоря уже о выходе за пределы территории племени. В традиционном обществе отрицательно относятся и к смешанному обучению девочек и мальчиков, особенно когда это касается девочек-подростков. Эти два обстоятельства долгое время (до начала 1990-х годов) были для большинства семей причиной не отправлять девочек в школу [4, с. 46].

Еще в 1960-е годы бедуинские девочки в Негеве вообще не учились в школах [5, с. 76]. В 1978 г. в восьмом классе школы «Аль-Азазм» училась всего одна девочка, а в школе «Ал-А'асем» — всего три [6, с. 84].

По словам инспектора в сфере арабского образования Ахмеда Ал-Файоми, в 1965/1966 учебном году в начальных школах всего Негева учились лишь 7 бедуинских девочек [7, с. 89]. Школу «Ал-А'асем», к примеру, посещали всего 2 девочки и около 70 мальчиков. Такое положение было неприемлемым, и инспектор решил убедить родителей отправлять девочек в школы. Он часто появлялся в бедуинских поселениях, подходил к мальчикам и девочкам, пасшим овец недалеко от школы вместо того, чтобы учиться, заходил в палатки и объяснял родителям необходимость дать детям образование — и ему удалось уговорить немало родителей отправить своих детей в школу. Проводя личные беседы с родителями в палатках, он рассказывал им, что сам учился в городе Яффо и в арабских деревнях на севере страны, где процент девочек в школах очень высок. Он рассказал изумленным родителям, что в Тель-Авиве женщины водят автобусы, что не так далеко от них работают женщины-врачи, учительницы и даже женщины-судьи, и все это благодаря тому, что они учились в школе. Инспектор объяснял и то, что обучение девочек не противоречит нормам ислама, поскольку Коран предписывает родителям обучать детей.

Ал-Файоми удалось в течение одного полугодия увеличить число девочек в школе «Ал-А'асем» с 2 до 50, а число мальчиков — с 70 до 200, и с каждым учебным годом число классов росло. Пример Ал-Файоми показателен. Увеличением числа детей в школах бедуины во многом обязаны миссионерам, подобным ему. Что касается конфликта между прогрессом и традициями, возникшего в 1960-е — 1970-е годы в бедуинском обществе, он не решен полностью и по сей день.

Переселение в каменные дома с водопроводом и бытовой техникой способствовало приходу девочек в школы, поскольку в домашних хозяйствах отпала необходимость в былом объеме женской рабочей силы. Уже в конце 1970-х — начале 1980-х годов в начальных классах всех бедуинских школ было довольно много девочек. Но тогда же возникла другая проблема. Многие родители забирали девочек после 3-го, а то и после 2-го класса. Лишь малая часть заканчивала 6-й класс [8, с. 67].

Снова потребовались немалые усилия, чтобы убедить родителей позволить девочкам закончить хотя бы 8-й класс. Миссионерской работой добровольно занимались учителя из числа бедуинов и палестинских арабов. Обходя палатки и каменные дома, они объясняли родителям преимущества образования для девочек и упрашивали их вернуть дочерей в школы. Это была трудная миссия, но убедить часть родителей удалось. В 1979/1980 учебном году восьмой класс в каждой школе закончили примерно 5–6 девочек. В 1980/1981 учебном году число девочек, закончивших восьмой класс, выросло до 10–12 в каждой школе [9; 8, с. 90].

По словам Атвы ал-Карема, бывшего директора школы в бедуинском поселке Ара-ра, к концу 1980-х годов обучение девочек уже не составляло проблемы. В школах была полная посещаемость, потому что родители поняли необходимость дать дочерям образование.

Важным фактором, способствовавшим росту числа девочек в школах, стало появление образовательных учреждений во всех бедуинских поселках, на территории каждого племени. Девочек уже не нужно было вывозить к иноплеменникам, что в значительной степени успокоило протестовавших родителей. Бедуины не должны были теперь отпускать дочерей с водителем-мужчиной в далекую поездку. Школа была близко, и родители не беспокоились.

Многие девочки, поступившие в первый класс в 1980-е годы, закончили среднюю школу и продолжали учиться в университетах или колледжах. К концу 1990-х годов многие из них завершили академическое образование и стали школьными учительницами или заняли другие должности. Сегодня бедуинский сектор израильского общества полностью обеспечен учительницами из местной среды [10, с. 78].

В последние годы немало бедуинских девушек поехали учиться за границу, в основном в Европу и Иорданию [5, с. 110].

С начала 2000-х годов число бедуинских девушек в педагогических колледжах на юге Израиля и на педагогическом отделении Беэр-Шевского университета превышает число юношей. Согласно отчетам, подаваемым средними школами, число учениц превышает число учащихся юношей, и их успехи в учебе выше. Процент получивших аттестат зрелости среди девушек выше, чем среди юношей. В результате того что девочки получили доступ к начальному и среднему образованию, в бедуинском обществе Израиля произошел настоящий переворот. В сфере образования, а вслед за этим и в общественной деятельности женщины сделались полноправными партнерами мужчин. Они стали занимать места в местных органах власти. В некоторых школах работают

директора-женщины, которым с большим трудом, в результате нелегкой борьбы удалось получить руководящую должность, до сих пор считающуюся у бедуинов мужской. Место директора школы, в понимании бедуинов, — очень почетное, статусное и наделяющее общественной властью.

В период с 1986 по 1990 г. лишь 31 студент из бедуинской среды (включая 1 девушку) получил первую академическую степень в Университете им. Бен-Гуриона в Негеве. В период с 2001 по 2006 г. степень бакалавра получили 162 молодых человека и 112 девушек; степень магистра — 86 студентов и 25 студенток [11].

Отдельного внимания заслуживает изменившееся отношение к образованию для девочек со специальными потребностями.

В бедуинском обществе люди со специальными потребностями традиционно были позором для семьи. В консервативном обществе с вековыми традициями, где жизнь подчинена жестким правилам и распорядку, отрицательно воспринималось любое отклонение от нормы. Детей с физическими ограничениями и дефектами психики обычно скрывали в доме, и они становились объектами презрения и унижений. Уровень смертности среди них был гораздо выше, чем среди обычных детей. Не было и речи не только о том, чтобы ввести специальное образование и воспитание, — отсутствовал даже элементарный медицинский уход, в котором эти дети нуждались [12, с. 22].

Когда дело касалось девочек, описанное отношение проявлялось еще сильнее. Помимо издевательств и унижений, были случаи, когда девочек-инвалидов просто морили голодом, что приводило к смертельному исходу. Для родителей это было предпочтительнее, поскольку от девочки с отклонениями нельзя было ожидать помощи в домашнем хозяйстве, а в будущем ее невозможно было выдать замуж.

Отношение к детям со специальными потребностями начало постепенно меняться по мере перехода бедуинского общества к оседлому образу жизни, когда бедуинское население стало неотъемлемой частью израильского общества и приобщилось к современным системам здравоохранения и образования.

И здесь поначалу дело касалось лишь мальчиков. Автор статьи, будучи одним из первых в бедуинском секторе педагогов в сфере специального образования, знает по собственному опыту, каких трудов стоило уговорить родителей отправить девочку со специальными потребностями в особую школу. Для родителей это означало выставить ее напоказ. Если в бедуинском поселке, где все знакомы друг с другом, видели отличную от остальных девочку — все понимали, чья именно это дочь.

В 1988 г. в Израиле был принят Закон о специальном образовании, регулирующий обучение детей со специальными потребностями и уход за ними. Закон обязывает родителей отдавать особых детей в специальные учебные заведения. Это облегчило задачу работников системы специального образования, которым прежде было крайне тяжело убедить родителей отдавать девочек с отклонениями и инвалидностью в спецшколы.

В таблицах, приведенных ниже, — данные о специальном образовании в бедуинском секторе Израиля в начале XXI в.

По сведениям автора, занимающегося подготовкой учителей для системы специальной педагогики, на сегодняшний день в бедуинском секторе Негева практически все девочки со специальными потребностями посещают учебные заведения, выбранные в соответствии с состоянием их здоровья и развития.

Таблица 1. Структура специального образования
в бедуинском секторе израильского общества в период 2002–2004 гг.

	2002	2003	2004
Число специальных классов в обычных школах	43	47	54
Часы смешанного обучения с детьми из обычных классов	3737	2637	1161
Часы занятий с детьми со специальными потребностями в возрасте 3–4 лет	–	–	819
Число специальных школ	2	2	3
Число детских садов	13	19	23
Часы обучения глухих и слабослышащих детей в общих школах	108	157	167
Число классов для глухих и слабослышащих детей	6	7	15
Часы занятий со слабовидящими и слепыми детьми, включенными в обычные классы	76	86	106

Таблица 2. Состояние системы специального образования в бедуинском секторе израильского общества в Негеве в 2005 г. в семи официальных бедуинских поселениях

Поселение	Число часов совместного обучения с остальными детьми в обычных школах	Часы занятий с детьми дошкольного возраста	Число начальных классов спец. обучения в обычных школах	Число средних классов спец. обучения в обычных школах	Число спец. школ	Число спец. детских садов
Арара	219	60	2	1	–	–
Хура	189	52	2	2	1	3
Тель-Шева	278	60	12	1	–	5
Сегев-Шалом	203	60	6	1	–	5
Рахат	1534	270	15	3	1	4
Ксейфа	295	65	5	1	1	3
Лакия	204	52	–	1	–	2
Центральное управление просвещения бедуинов	815	200	6	–	–	1
Всего	3737 часов	819 часов	48 классов	10 классов	3 школы	23 детских сада
4556 часов			58 классов			

Литература и устные источники

1. *Ben-David Y.* Ha-bedwim be-Israel, heybetim khevratim ve-qarqaiim. Yerushalaim: Ha-Makhon le-Kheqer Israel, 2004. 533 p. (иврит).
2. *Henkin R.* Negev Arabic. Dialectical, Sociolinguistic, and Stylistic Variation. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2010. 406 p.
3. *Lithwick H.* An Urban Development Strategy for the Negev's Bedouin Community / The Center for Bedouin Studies and Development, Ben-Gurion University. Beer-Sheva, 2000. 141 p.
4. *Abu-Ajaj S., Ben-David Y.* Ha-Khinukh ha-masorti etzel ha-bedwim ba-Negev / Universitat Ben-Gurion ba-Negev. Beer-Sheva, 1988. 138 p. (иврит).

5. *Lanzman M.* Ha-Psiholog ha-rishon ba-migzar ha-bedwi ba-Negev, Martze be-mikhlelet «Key». Beer-Sheva, 2009. 113 p. (иврит).
6. .2008, *القرم عطوة*, مدير مدرسة متقاعد, عرعره النقب, اسرائيل, مقابلة شخصية مسجلة, *Al-Karam 'Atwa*, mudir Madrasa mutaqa'id, Ar'ara Al-Naqab, Israel. Личное сообщение, 2008.
7. .2008, *الفيومي احمد*, معلم متقاعد, مدرسة الاعسم, عشيرة الاعسم, اسرائيل, مقابلة شخصية مسجلة, *Al-Fayumi Ahmad*, mu'allim mutaqa'id, Madrasa al-A'sam, 'Ashira al-A'sam. Israel. Личное сообщение, 2008.
8. .2008, *أبو عجاج موسى محمد*, مدير مدرسة متقاعد, اكسيفا, اسرائيل, مقابلة شخصية مسجلة, *Abu 'Agag Musa Muhammad*, mudir Madrasa mutaqa'id, Aksayfa, Israel. Личное сообщение, 2008.
9. *Abu-Sharaf M.* Tmurot be-yakhas ha-qehila ha-bedwit la-khinukh ha-moderni. Midreshet Sde-Boqer, 2002. 187 p. (иврит).
10. *Mar'I S., Reiter Sh., Rosenberg Y.* Gishot horim aravim la-yeladim baaley nakhut hipatkhutit. Hashvaa Beyn-Datit: Muslemim, Notzrim, Druzim // Sugiyot be-khinukh meyukhad ve-shiqum. 1986. No. 1. P.75–83 (иврит).
11. *Abu-Saad I.* How far have we come? A history of Bedouin Arab graduation from Ben-Gurion University of the Negev / The Center for Bedouin Studies and Development, Ben-Gurion University. Beer-Sheva, 2007. 169 p.
12. *Melitz A.* Tmura ba-khinukh ha-bedwi ba-Negev / Misrad ha-khinukh ve-ha-tarbut, Mkhhoz ha-darom. Beer-Sheva, 1995. 116 p. (иврит).

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Ю. С. Мыльникова

ПРАВОВОЙ СТАТУС МАТЕРИ И МАЧЕХИ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННЫХ ОТНОШЕНИЙ ТАНСКОГО КИТАЯ

Образ матери и представления о материнском долге. Статус матери в китайской семье высок и достоин уважения. Как верно отметил знаменитый китайский писатель Линь Юй-тан (1895–1976), «среди всех прав женщины самым важным является право стать матерью. Конфуций указывал, что в идеальном обществе нет “неженатых мужчин и незамужних женщин”, в идеальном обществе все состоят в браке» [1, с. 147–148]. Действительно, для женщины императорского Китая самым важным был собственный статус внутри семьи, потому что именно там, во «внутренних покоях», проходили все ее существование, общение и самореализация.

Прежде всего следует хотя бы кратко остановиться на представлениях танского времени о материнском долге. От воззрений предшествующей эпохи эти взгляды отличает ряд черт, среди которых можно выделить три основные: *воспитание дочерей, обучение сыновей, ведение домашнего хозяйства*. Анализ танских надгробий и других исторических документов свидетельствует, что танское общество уделяло огромное внимание этим трем обязанностям матерей.

Среди четырнадцати «Жизнеописаний образцовых матерей» из произведения Лю Сяна (77–6 до н. э.) «Ленюй чжуань» лишь одно затрагивает тему воспитания и наставления дочерей (сюжет под названием *цинюй фуму* 齐女傅母) [2, с. 15]. Однако если обратиться к содержанию эпитафий танского времени, становится ясно, что участие матерей в обучении дочерей и в обучении сыновей представлялось одинаково важным.

Одним из доказательств особого внимания к воспитанию дочерей является то, что именно в танское время, при императоре Дэ-цзуне (780–805), был написан «Нюй Лунь юй» 女论语 («Суждения и беседы для женщин»). Автор — танская женщина-ученый Сун Жо-синь [3, с. 372]. В минское время «Лунь юй для женщин» вошел в так называемое «Четверокнижие для женщин» («Нюй сы шу» 女四书), которое стало основой классического женского конфуцианского образования¹.

Матери разъясняли дочерям (а в некоторых случаях и невесткам) нормы должного поведения и добродетели «истинного пути женщины» (*фудао* 妇道), которыми женщины руководствовались в повседневной жизни. Сама методология женского образования в императорском Китае была построена на четырех добродетелях *сы дэ* 四德 (добродетель, искусство речи, прекрасная наружность и трудолюбие) и трех устоях *сань ган* 三纲 (отношения между отцом и сыном, правителем и сановником, мужем и женой). Высшей целью образования было воспитание мудрых жен и милосердных матерей.

¹ Помимо «Нюй Лунь юй» в сборник вошли «Нюйце» 女诫 («Заповеди для женщин»), автор — Бань Чжао (ок. 49 — ок. 120), сестра историка Бань Гу (32–92); «Нэйсюнь» 内训 («Наставления для внутренних покоев»), автор — императрица Сюй (1362–1407), жена императора Чжу Ди (1403–1424); «Нюйфань цзелу» 女范捷录 («Краткие записи об образцах для женщин»), автор — Лю Ши, мать позднеминского конфуцианского ученого Ван Сяна.

© Ю. С. Мыльникова, 2012

Профессор калифорнийского университета Яо Пин приходит к выводу, что важнейшей составляющей материнского долга по представлениям той эпохи было не только воспитание дочери, но и выстраивание теплых и сердечных отношений между матерью и дочерью². Причем успешность должного воспитания оценивалась после замужества дочери, т. е. по тому, удалось ли ей добиться любви и привязанности мужа.

Вторым аспектом материнского долга является обучение сыновей. По сравнению с хрестоматийными сюжетами из «Ленюй чжуань», в танское время подчеркивалось *личное* участие матери в обучении сыновей. Начиная с танского периода матери активно занимались подготовкой сыновей к государственным экзаменам, а в дальнейшем направляли и руководили ими в деле карьеры. Таким образом, при Тан существенно изменилась роль матери в судьбе сына.

Нельзя вновь не процитировать здесь Линь Юй-тана: «Когда появляется на свет ребенок, она, проявляя материнскую мудрость, ведет его и руководит им, пока он не станет взрослым. Каждое здравомыслящее общество признает, что такая работа не проста. Крайне трудно объяснить, почему женщину все равно считают зависимой в социальном или экономическом отношении от мужчины, если она, выполняя столь высокую миссию, делает это лучше мужчины» [1, с. 147].

В танском обществе большим почетом и уважением пользовались матери, которые умело вели домашнее хозяйство, успешно справлялись со всеми бытовыми трудностями и неурядицами — особенно после смерти мужа. С этим была связана третья сторона материнских обязанностей.

Особенности положения матерей при династии Тан. В танское время общественное положение матери и ее статус внутри семьи были чрезвычайно высоки по сравнению с дотанской эпохой и временем правления последующих династий. Наиболее очевидным проявлением изменения правового статуса матери стало в 674 году «критическое замечание» (*ицзянь* 意见), а фактически указ, императрицы У Цзы-тянь. Замечание гласило: «Следует носить траур по матери в течение трех лет при здравствующем отце» [4, с. 269]. В прежние времена траур по матери, в случае если был жив отец, составлял один год, если же отца уже не было в живых — три года. Вне зависимости от того, была ли жива мать или скончалась, сын носил трехлетний траур по отцу.

«Критическое замечание» императрицы У-хоу немедленно получило официальное одобрение императора Гао-цзуна и было приведено в исполнение. Профессор Национального университета Тайваня Чэнь Жо-шуй предположил, что удлинение срока траура по матери явилось действием, повышающим статус женщин и подчеркивающим уважение и почитание к слабому полу. Эта мера, с одной стороны, «ясно подразумевала повышенное положение матерей», с другой — «отразила некий существовавший при Тан феминистический импульс» [5, с. 690].

Если правление императрицы У Цзы-тянь привело к существенному укреплению правового и церемониального статуса матерей, то буддизм танского времени, влиявший на чувства и эмоции китайцев, подчеркивал любовь к матери. Здесь отразилась причастность буддизма к формированию нормативных концепций, имеющих отношение к роли женщины. Можно с уверенностью сказать, что это было одной из важнейших отличительных особенностей китайского буддизма.

² Есть свидетельства из Дуньхуана о том, что зачастую между уже замужними дочерьми и матерями существовала переписка.

Вспомним буддийскую историю о том, как Мулянь³ спас из подземной темницы свою грешную мать. Эта история стала необычайно популярной в Китае, так как затрагивала принципы, на которых строятся семья и общество.

В середине 7-й луны в Китае отмечают праздник поминовения усопших, больше известный под его даосским наименованием *чжунъюань* 中元, но имевший явный буддийский колорит. Происхождение праздника связано с буддийской легендой о святом Муляне, изложенной в сутре «Юйланыпэнь», от чего происходит второе название праздника — *юйланыпэнь цзе* 盂兰盆节. Мать Муляня, большая грешница, после смерти стала голодным демоном. Движимый сыновней почтительностью, Мулянь отправился в ад и хотел накормить мать, но пища в ее руках тотчас же превращалась в огонь. По совету Будды Мулянь в 15-й день 7-го месяца преподнес монашеской общине щедрые дары, и общими усилиями всех монашествующих его мать была избавлена от мучений в аду. Будда призвал своих последователей каждый год совершать такой обряд, названный им *Юйланыпэнь*. Этот праздник стал неизменным дополнением китайских семейных обрядов. «В глазах китайцев он был, таким образом, наглядным выражением единства буддийской идеи всеобщего сострадания и конфуцианской сыновней почтительности» [6, с. 205].

Профессор Принстонского университета С. Тэйзер, исследовав танский *бяньвэнь*⁴ «Мулянь спасает свою мать» («Мулянь цюму» 目连救母) и праздник *юйланыпэнь цзе*, пришел к выводу, что чрезвычайная популярность буддийского праздника обусловлена тем особым значением, которое он отводил сыновнему статусу монаха Муляня — в раннем буддизме подобные акценты отсутствовали [4, с. 270].

Под материнским влиянием сыновья нередко принимали буддизм или даосизм. А уж примеров того, как дочери избирали религию своей матери, бесчисленное множество. Религиозное влияние матерей, исповадовавших буддизм, на своих детей отразило весьма примечательный феномен буддизма танской эпохи: женщины активно участвовали в распространении и пропаганде учения Будды. Стоит вспомнить и о том, что в VII–VIII столетиях в Китае возникает женская ипостась Авалокитешвары, получившая имя Гуань-инь 观音 (Внимающая звукам). Это произошло не без влияния китайских народных культов, в которых «идеи материнского сочувствия и сострадания, покровительства роженицам и детям воплощались в женских божествах» [7, с. 267].

Как известно, особое значение буддизм обрел в Китае при императрице У Цзэ-тянь. До начала VIII в. буддизм прочно доминирует в религиозной жизни страны. Можно сказать, что при Тан процесс китаизации буддизма в Китае проходил одновременно в двух сферах: в общественной — с этим связано появление самобытных китайских направлений буддийской мысли и практики — школ *тяньтай* 天台, *хуаянь* 华严, *цзиньту* 净土, *чань* 禅 и др.; и в семейной — в народной культуре переплетение буддийской традиции и конфуцианства привело к реинтерпретации таких духовных ценностей, как женские добродетели (妇德), материнский долг (母义), целомудрие (贞节, в том числе образ целомудренной вдовы), сыновья почтительность (孝道). Профессор Яо Пин на основе литературных источников из Дуньхуана делает вывод о том, что в танскую эпоху буддизм стал «важнейшей движущей силой почитания материнства» [4, с. 271].

³ Сокращенная китайская транскрипция «Маудгальяна» — имени одного из десяти первых учеников Будды.

⁴ Бяньвэнь (变文) — жанр буддийской проповеди эпохи Тан и Пяти династий (IX–X вв.).

Еще одной отличительной чертой изменившегося общественного положения матери при династии Тан является ослабление роли конфуцианского принципа «после смерти мужа слушаться сына» (*фу сы цун цзы* 夫死从子). В концепции «трех установлений» для женщины (*сань цун* 三从), а именно: «в молодости слушаться отца и мать, выйдя замуж, слушаться мужа, а после его смерти — сына», ядром является жизнеописание матери Мэн-цзы⁵. Мать Мэн-цзы трижды переезжала с места на место ради лучшего образования для сына. Она сумела привить ему тягу к знаниям поучительным примером: на глазах сына, сидя за ткацким станком, она перерезала основу работы, сказав, что пренебрегать учением — то же самое, что перерезать основу тканья. В танское время в этом сюжете акцент делался именно на том, что мать Мэн-цзы на протяжении всей жизни давала мудрые советы сыну. Из источников танского времени видно: взаимоотношения между матерью и сыном строились так, что сын руководствовался наставлениями матери [4, с. 272].

Как уже было отмечено, положение матери в танское время имеет свои особенности. Начиная с середины правления династии Тан подчеркивается роль и личное участие матери в обучении сыновей, а впоследствии матери побуждали и подталкивали сыновей к сдаче государственных экзаменов. В качестве примера можно привести биографию крупнейшего поэта Китая Бо Цзюй-и. Его отец, Бо Ли-гэн, скончался в 794 г., когда Бо Цзюй-и было 22 года, а его младшему брату Бо Син-цзяню — 18 лет. После смерти мужа мать рьяно взялась за воспитание сыновей, ночи напролет заставляя их изучать конфуцианские каноны [4, с. 280]. Результат оправдал усилия: как известно, в 800 году Бо Цзюй-и преуспел на государственном экзамене на звание *цзиньши* [8, с. 221].

Статус мачехи в танское время. С правовой точки зрения положение мачехи при Тан также было выше, чем прежде или впоследствии. Причина заключалась в основном в том, что в танское время наложницу нельзя было возводить в ранг законной жены. Это гарантировало достаточно высокий статус мачех (*цзиму* 继母), входивших в категорию *цзиши* 继室 — женщин, на которых женились после смерти законной супруги (*дици* 嫡妻) либо после развода с ней.

В 19-м цзюане «Тан хуй яо» 唐会要 («Изборник важнейших материалов [династии] Тан») сказано: «В древности *цзиши* во всех случаях приравнивались к наложницам категории *ин* и *це*. Сейчас они равны законным женам» [9, с. 281]. То есть фактически, выйдя замуж за разведенного мужчину или вдовца, *цзиши* обретала статус законной жены.

В уголовном кодексе династии Тан «Тан люй шу и» дается следующее определение мачехи: «Приемная главная мать — имеется в виду, что главная мать либо скончалась, либо [отец с нею] развелся. [Затем] отец женился снова, и [новая главная жена для его детей] есть приемная главная мать» [4, с. 273]. Кроме того, Кодекс устанавливал, что сын главной жены (*дицзы* 嫡子) должен носить траур по членам рода мачехи, в случае если отец развелся с его родной матерью. Тем самым положение мачехи уравнивалось со статусом родной матери. Если родная мать скончалась, то сыну следовало носить траур по членам рода родной матери.

В сунское время подобное высокое положение *цзиши* по сравнению с наложницами, общественный и семейный статус которых всегда был маргинальным, пошат-

⁵ История 邹孟轲母 («Цзоу Мэнкэ му») содержится в произведении Лю Сяна «Жизнеописания знаменитых женщин» в разделе «Жизнеописания образцовых матерей».

нулось, поскольку в быту нередко случалось так, что наложницы становились *цзиши*. А при Мин и Цин это явление стало повсеместным.

В надгробных надписях танской эпохи восхваляются мачехи, которые проявляли материнскую любовь и милосердие к детям мужа как к своим собственным [4, с. 282]. Эти и другие источники танского времени свидетельствуют о том, что *цзиши* не подвергались дискриминации внутри семьи. Учитывая высокий уровень смертности среди женщин в юном возрасте, а также сами представления о семье и браке, можно говорить о том, что *цзиши* стали необходимым средством поддержания уже сформировавшегося института семьи в средневековом Китае.

Неслучайно в конфуцианской системе принципов поведения и этических качеств «три устоя и пять постоянств» (*сань ган у чан* 三纲五常) упоминается именно мать, которая должна руководствоваться милосердием. При этом рождение сына выдвигало женщину из ряда жен и наложниц, делало сопричастной власти главы семьи. Еще более укреплялось положение женщины, когда она становилась свекровью и начинала самовластно распоряжаться всей женской половиной дома.

В целом можно заключить, что начиная с раннетанского периода семейное и общественное положение матери и мачехи было весьма высоким, что неразрывно связано с упомянутым указом императрицы У-хоу. С этого же времени в сферу обязанностей матери входит непосредственное участие в подготовке сыновей к государственным экзаменам. В этом отразилось влияние изменившейся политической культуры государства на положение и обязанности матерей.

Литература

1. *Линь Юй-тан*. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и пред. Н. А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 336 с.
2. 刘向(汉). 列女传. Liu Xiang. Lienü Zhuan = Жизнеописания знаменитых женщин. Nanjing: Jiangsu guji chubanshe, 2003.
3. Wang Robin R. Images of women in Chinese thought and culture: writings from the pre-Qin period through the Song dynasty. Indianapolis: Hackett Pub. Co., 2003. 449 p.
4. 姚平. 唐代妇女的生命历程. Yao Ping. Tangdai funü de shengming licheng = Жизненный путь женщин династии Тан. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2004. 367 с.
5. 陈弱水. 初唐政治中的女性意识. Chen Ruoshui. Chu Tang zhengzhi zhong de nüxing yishi = Отношение к слабому полу в политике ранней Тан // 唐宋女性与社会. Tang-Song nüxing yu shehui = Женщины и общество династий Тан и Сун / под ред. 邓小南 Deng Xiaonan: в 2 т. Shanghai: Cishu chubanshe, 2003. Т. 2. С. 659–694.
6. Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века. М.: Наука, 1984. 335 с.
7. *Духовная культура Китая*: энциклопедия: в 6 т. / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2007. Т. 2. Мифология. Религия 869 с.
8. *Духовная культура Китая*: энциклопедия: в 6 т. / под ред. М. Л. Титаренко. М.: Вост. лит., 2008. Т. 3. Литература. Язык и письменность 855 с.
9. *Уголовные установления Тан* с разъяснениями («Тан люй шу и»). Цзюани 1–8 / введ., пер. с кит. и комм. В. М. Рыбакова. СПб: Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

В. М. Рыбаков

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ БЕСКОНТАКТНЫХ ПОКУШЕНИЙ НА ЛИЧНОСТЬ ПО ЗАКОНАМ ДИНАСТИИ ТАН. ЧАСТЬ 1

Общие замечания

Ни в одной сфере деятельности люди не проявляют такой интеллектуальной мощи, как в сфере истребления или, по крайней мере, подавления друг друга.

Ни изобретение колеса, ни прочтение древних письмен, ни общая теория относительности, ни расшифровка генома не идут ни в какое сравнение с тем статистически подавляющим потоком поразительного массового хитроумия, что вращает жернова человеческого самоперемалывания. Отчего так — не тема данной статьи; можно лишь напомнить, что основной функцией так называемого разума в первую очередь является не что иное, как обеспечение индивидуальных преимуществ в межвидовой и внутривидовой конкурентной борьбе. А вот так называемое познание или, тем паче, некие поиски истины являются лишь его побочной функцией, реализуемой от случая к случаю исключительно особями с девиантными мотивациями, да и то главным образом лишь по остаточному принципу: ведь и этим особям есть-пить-выживать тоже хочется.

Можно предположить, что когда и если демократия окончательно восторжествует, девиантные мотивации подобного рода под напором секуляризованного массового сознания окончательно лишатся престижного ореола «благородства», «устремленности ко всеобщему благу» и даже некоторой «святости». Тогда все продукты побочных проявлений человеческого гения будут наконец в открытую и уже безо всякого жеманства поставлены на службу его основному проявлению и предназначены лишь для того, чтобы повышать качество жизни и степень свободы тех, кто оказался способен этими продуктами так или иначе завладеть, в то же время ограничивая свободу и ухудшая жизнь тех, кто завладеть ими оказался не способен. Ведь тот, кто завладел — уже тем самым успешен, и оттого ему аморально ставить препоны. А кто не завладел — уже тем самым неудачник, и оттого заботиться о нем аморально, ведь такая забота ставит препоны успешным.

Правовая защита того, кто не может и не обладает, от того, кто может и обладает, являлась во всех традиционных обществах одним из технических проявлений концепции равенства людей перед Богом (каким бы в той или иной культуре этот Бог ни был). При всем ее реальном несовершенстве она была пусть и недостижимым, но однозначно ориентирующим идеалом. Однако похоже, что станет она просто нелепым анахронизмом, рудиментом побежденного мракобесия. Принципиальное правовое преимущество того, кто при помощи каких-либо ухищрений (появившихся в том числе и как результат процесса познания) в состоянии безнаказанно преступать закон, перед тем, кто этого сделать не в состоянии, раньше или позже трансформирует и мораль, и сам

закон. Сейчас уже видно, что свободно выраженная воля эффективного большинства окажется именно такой. Ждать от подобного мира юридического равенства тех, кого, изъясняясь порожденным этим миром языком, можно определить как виннеров и лузеров, будет столь же противоестественно и даже курьезно, как искать в демократических Афинах Перикла равенства рабовладельцев и рабов.

Китайскому обществу времен правления династии Тан (618–907 гг.) было до этого положения еще очень далеко. Идея справедливости, пусть порой и понимаемой довольно специфически, доминировала в китайской правовой мысли, особенно когда речь заходила о противодействии преступлениям против личности. Так или иначе вызревающая внутри всех культур на определенном этапе их развития доктрина равенства перед Богом вообще-то совсем не равных людей проявилась в традиционном Китае, например, в виде равно требовавшегося от всех максимально добросовестного выполнения обязанностей по отношению к сакрализованной семейственности-государственности. Люди были неравными. И обязанности были неравными. Равной была необходимость их исполнять — причем не абы как, а надлежащим, узаконенным образом. И эта необходимость не декларировалась голословно, а была подкреплена системой карательных мер.

Характеризуя танские уголовные законы самым общим образом, надлежит сказать следующее.

Смирно ощущать, что он значит для вселенной ровно столько же, сколько любое другое животное, человек с его амбициями просто неспособен, особенно — на ранних стадиях цивилизации, когда никаких реальных доказательств его скромной роли наука дать не могла. Человек видел себя гипертрофированно значимым в космосе; ощущая и понимая всю свою зависимость от космоса, всю значимость космоса для себя, он просто не мог и себя видеть иначе, нежели значимым для космоса. Воображать мир по-другому было бы просто невыносимо, а потому — и в голову не приходило¹.

Но поскольку человек естественным образом ощущал гармонию между миром и собой как гармонию более или менее равных элементов целого, а вдобавок еще и рассчитывал на благожелательность мира², он взамен вполне всерьез повышал требования к самому себе.

Представление о том, что поведение людей может по каналам неких соответствий, отражений, откликов вызывать реакцию мироздания, присуще всем ранним культурам. И в традиционном Китае, как это часто бывало и порой бывает до сих пор, субъективные иллюзии культуры вели к объективному социальному благу. Понимая себя, свою культуру и мораль как органичное продолжение природного мира, а природный мир — как столь же органичное продолжение своей культуры и морали, человек уже хотя бы в силу абсолютного могущества природы наделял ее абсолютной моральностью, которой потом всерьез старался соответствовать. Уверовав в существование обоюдной резонансной связи, он неизбежно должен был начать оберегать гармонич-

¹ Вполне современным рудиментом такой убежденности, возможно, является нынешняя уверенность в том, что глобальное потепление вызывается всего-то лишь нашей экологической неряшливостью. Да, мол, мы ведем себя неправильно, небрежно, нерачительно — но ведь все равно нам прежде всего *лестно* сознавать, будто наша неряшливость может иметь планетарную мощь. Из этого однозначно следует, что стоит нам стать заботливыми, как это тоже почувствует сразу вся планета — и неприятные для нас *глобальные* явления разом прекратятся.

² Нельзя не упомянуть, что в наше время эта архаичная надежда на заботливость вселенной к человеку парадоксальным образом подтверждается антропным принципом астрофизики.

ную моральную вселенную от собственной аморальности, которая могла через дисгармонизацию природы больно ударить рикошетом по самому же человеку. Мания человеческого величия в традиционных культурах оборачивалась манией не безответственности, но — ответственности.

Такая ответственность не могла осуществляться иначе, нежели через тщательное соблюдение моральных норм, являвшихся порождениями данной культуры со всей ее спецификой. Приписывая природе моральность, человек неизбежно приписывал ей моральность именно своей культуры, той, внутри которой находился он сам и которую полагал единственной.

Возвращаясь к анализу китайского традиционного уголовного права, в частности танского, можно сказать, что главной непосредственной задачей применяемого уголовного закона было устранение искажений из гармонично функционирующего триединого континуума Небо — Земля — Человек.

Чем более высокое положение занимал индивидум, тем больше была его роль в этом функционировании. Наивысшая ответственность, разумеется, падала на императора: считалось, что от его правильных или неправильных действий напрямую зависит природный баланс. Проступки и преступления менее значительных персон тоже воздействовали на природу негативно. Следовательно, они должны были компенсироваться наказанием, равным преступлению по силе воздействия на природу. Такое равенство являлось обязательным условием применения наказаний, поскольку в противном случае они не восстанавливали бы нарушенную преступлением гармонию, понимаемую как вселенская справедливость³, а лишь еще сильнее вредили бы ей. Наказания, принадлежащие к женской, темной стихии *инь*, при чрезмерно частом употреблении или несоразмерной суровости могли привести к непропорциональному распуханию *инь* в мире, вполне способному вызвать стихийные бедствия — наводнения, эпидемии, засухи, нашествия саранчи. И когда подобные явления начинали превышать средненормальный уровень, это воспринималось как реакция со стороны мироздания — бесстрастного, но вынужденного на определенный раздражитель отвечать вынужденно суровым образом. И тогда императору, услышавшему неодобрительный окрик Неба, приходилось смягчать законы, объявлять амнистии и пр.

Эта вера явилась существеннейшей причиной, обусловившей стремление танских законодателей с максимальной тщательностью и однозначностью устанавливать со-ответствие наказаний не только разнообразным преступлениям, но и разнообразным обстоятельствам, при которых данные преступления могли совершаться. Дотошность тогдашних правотворцев просто удивительна. Но не менее удивительна и точность, с которой назначалось явившееся результатом многоступенчатых уточнений конечное наказание.

Каждую из специальных статей танского Кодекса можно уподобить математической формуле по типу «а, умноженное на бэ, возведенное в степень цэ и деленное на дэ, равно е». Скажем, «а» — это конкретный субъект преступления (дееспособный или нет, чиновник или простолюдин, лично свободный или лично зависимый и пр.), «бэ» — это конкретная стоимость присвоенного им имущества, «цэ» — способ присвоения (например, с применением или без применения насилия) и «дэ» — наличие или отсутствие

³ Которая, правда, мыслилась отнюдь не как учет неким субъектом действия неких неотъемлемых прав объектов его воздействия, но просто как совершение всеми всех их действий надлежащим образом, не по прихоти своей, а согласно великим неизменным нормам.

между субъектом и объектом преступления каких-либо родственных или субординативных связей (например, кража состоялась внутри семьи, или украденное было введено данному чиновнику-вору по службе). Понятно, что «е» в этой ситуации не могло быть расплывчатым, как в современных уголовных законах; танское право не допускало никаких «от трех лет каторги до пяти». Формула всегда давала однозначный результат.

Ничто не могло быть оставлено на произвол судьи. Ведь если бы он ненароком принял неправильное, не выверенное заранее лучшими умами Империи решение, реки, чего доброго, вышли бы из берегов и погубили урожай.

То, что в процессе конфуцианизации уголовные законы в Китае были поставлены на стражу норм традиционной этики, с одной стороны, и однозначность их предписаний, с другой, дает исследователю танского права уникальную возможность численного сопоставления этических норм того времени, выстраивания их четкой иерархии, как бы их взвешивания. Количество назначаемых лет каторги или ударов палками может, применительно к требованиям традиционной конфуцианской морали, рассматриваться даже как некий аналог атомного веса в химии или, скажем, в физике — длины электромагнитной волны.

Танские уголовные законы были, в частности, крайне озабочены идеей соразмерности возмездия проступку — что, впрочем, и является одной из важнейших ипостасей справедливости. И потому при их формулировании законодатели старались всемерно учитывать равенство возможностей субъекта и объекта преступления, точнее равенство способности жертвы противостоять преступлению и способности преступника данное преступление совершить. Нагляднее всего это видно по наказаниям за нанесение телесных повреждений в обоюдных драках: если оба дрались на равных, просто руками и ногами, наказание было довольно легким. Но стоило одному взять в руки хотя бы палку, равенство возможностей нарушалось, и вооружившийся драчун нес уже гораздо большую ответственность. Нанесение одной и той же травмы просто руками и ногами (принципиально как бы одинаковыми у всех уже совершеннолетних, но еще не перешедших рубеж старости и не числящихся инвалидами мужчин)⁴ либо с применением постороннего предмета (явившегося фактором нарушения справедливости при драке) наказывалось весьма различно.

Например:

Всякий, кто нанес человеку побои в драке, наказывается 40 ударами легкими палками. Имеется в виду нанесение человеку ударов руками и ногами... Если человеку [при избивании руками и ногами] было нанесено телесное повреждение, или же побои человеку были нанесены с использованием постороннего предмета, наказание — 60 ударов тяжелыми палками... Все остальное, помимо рук и ног, рассматривается как посторонние предметы. Руки и ноги взяты в качестве примера. Нанесение ударов головой и [частями тела] такого рода тоже является таковым... Если же [с использованием постороннего предмета] было нанесено телесное повреждение... наказание — 80 ударов тяжелыми палками ([1, ст. 302]; см. также: [2, с. 148–150]).

⁴ Согласно танскому праву, определенные льготы по возрасту полагались мужчинам уже с 70 лет; по достижении 80 лет количество и весомость льгот росли, а старики возрастом 90 лет и более (как, впрочем, и дети 7 лет или младше) могли даже просто убить кого-то — ответственность им не грозила. В Кодексе прямо сказано: «Смысл этого в любви к малолетним и в заботе о старых» ([1, ст. 30]; см. также: [3, с. 187]). Существовали также три группы инвалидности, и для каждой из них предусматривались свои льготы. Но если старик, ребенок или инвалид совершал преступление по чьему-то наущению, подстрекатель наказывался по всей строгости, как если бы совершил преступление сам.

И далее:

...Если же колющим или режущим [орудием] нанес телесное повреждение... наказан — 2 года каторги ([1, ст. 304]; см. также: [2, с. 152–153]).

При этом если, скажем, за палки брались оба драчуна, обратным выравниванием возможностей это уже не считалось и уменьшения наказания до минимального, которое следовало бы при обоюдном использовании исключительно рук и ног, не предполагало. Дело, видимо, в том, что применение постороннего орудия демонстрировало большую преступную волю, большее стремление нанести противнику физический ущерб, нежели простое мордобитие кулаками; и чем более был приспособлен для повреждения человеческого тела использованный предмет, тем, понятно, большую степень озлобления и утраты человечности демонстрировало его применение. Взятый за кинжал явно сильнее жаждал навредить сопернику, чем взявшийся за хворостину, и потому всяко уж был более виновен. Если за кинжалы брались оба, все равно степень их озлобленности, аморальности и потому виновности не шла ни в какое сравнение с виновностью тех, кто по-житейски обменялся зуботычинами.

Но уже в то время танские законодатели вполне сознавали, что такие грубые, примитивные методы воздействия на человеческий организм, как, например, палка, копьё или удар мотыгой по затылку, отнюдь не исчерпывают широчайшей палитры методик, которыми может воспользоваться искушенный злоумышленник. Более того, в силу своей простоты и наглядности, в силу того, что все подобные посягательства связаны с непосредственным контактным воздействием, они относительно легко доказуемы. Да и объекту преступления от них относительно легко защититься, если он дееспособен и не увечен: к тебе бежит разозленный сосед с дубинкой — так не зевай, только и всего. И вообще, подобные действия — удел нехитрых и понятных злодеев, с которыми относительно просто иметь дело. Конечно, зарубить мечом несимпатичного односельчанина — это высшая степень преступной воли, это предельное бытовое злодейство. Ничем иным, кроме смертной казни, тогдашнее право не могло на это ответить. Но это — понятное, очевидное, одномоментное злодейство.

Куда большую социальную опасность представляли высокотехнологичные методы воздействия на человеческий организм, не требовавшие непосредственного контакта или, даже при необходимости такого контакта, не демонстрировавшие явным образом вредоносного влияния и потому оказывавшиеся как бы по ту сторону наблюдаемого мира. Помимо прочего, они в силу своей незаметности могли оставаться не выявленными много лет, вести от рецидива к рецидиву — а злые навыки тем временем могли распространяться от учителя к ученикам. Словом, не просто одномоментный преступный срыв, но сам образ жизни подобных негодяев представлял высочайшую социальную опасность.

Поэтому законы старались блокировать агрессию подданных против подданных, сколь бы хитроумна она ни была, и уделяли особенное внимание использованию в неблагоприятных целях достижений тогдашнего научно-технического прогресса.

Танское право старалось держаться на уровне науки того времени и не могло оставить вне рассмотрения и без надлежащей кары скрытые, тайные, далеко не всем доступные методы воздействия. Ведь перед ними несведущий человек был совершенно беззащитен. Неравенство субъекта и объекта преступления (не в пример, скажем, нормальной бытовой потасовке) проявлялось тут особенно наглядно, а потому совершаю-

щаяся несправедливость оказывалась особенно велика. Восстановить справедливость в подобных ситуациях можно было лишь самыми суровыми мерами ответного воздействия.

Яды гу

Изготовление наиболее опасных снадобий, определяемых в самом общем виде как яды гу 蠱, относилось танским правом к одним из наиболее общественно опасных действий и даже было включено в Десять зол (ши э 十惡) — список абсолютно недопустимых с точки зрения морали и потому абсолютно непростительных действий. Спектр их был весьма широк — от государственной измены и покушения на особу государя до сексуальных связей с наложницей отца или деда по мужской линии ([1, ст. 6]; см. также: [3, с. 80–99]). Дело было даже не в том, что все преступления из списка Десяти зол карались смертью — этого как раз не было, но в том, что наказание этих преступлений не могло быть отменено или уменьшено ни привилегиями, ни амнистиями, и лишь личная недееспособность давала какой-то шанс; правда, в таком случае абсолютно неотменяемому полному наказанию подвергался дееспособный подстрекатель. Изготовление и хранение ядов гу входило в пятое из зол, которое называлось бу дао 不道, что, на мой взгляд, лучше всего переводить словом «извращение».

В Кодексе сказано:

Пятое [зло] называется бу дао. Имеется в виду убийство трех человек в одной семье, ни один из которых не совершил наказуемого смертью преступления, а также расчленение людей, изготовление и хранение ядов гу, ворожба или колдовство.

Разъяснение. Хладнокровная жестокость и кощунственное изуверство, идущие наперекор правильному Пути⁵, называются бу дао... ([1, ст. 6]; см. также: [3, с. 87]).

Обычно термин бу дао переводят на русский язык словами вроде «бесчеловечность» (напр.: [7, с. 309]) или «несправедливость» (напр.: [4, с. 47]). У Джонсон передает его по-английски как *depravity*, т. е. «порочность, безнравственность, развращенность, моральное разложение, извращенность» [8, р. 68]. Мне кажется, основная мысль, содержащаяся в том определении, которое дает Кодекс термину бу дао, — это то, что все действия подобного рода «идут наперекор правильному Пути». В поступках, относимых к бу дао, не то чтобы просто не хватает человечности или справедливости — поступки бу дао представляют собою извращение самой человеческой природы. Так не поступают люди нормальные. К примеру, в изготовлении гу самом по себе, в отличие от изнасилования или нанесения увечья, нет особой жестокости — но есть явная патология, противоестественность, извращенность по сравнению с нормальным, пусть даже нормально преступным, поведением. Это же относится и к ворожбе или колдов-

⁵ В оригинале: *чжэн дао* 正道. Е. И. Кычанов переводит это выражение как «естественный порядок вещей» [4, с. 47]. В словаре Ошанина для этого выражения, в частности, дается перевод «основной путь; правильный (истинный) путь» [5, т. 2, с. 227]. М. Гранэ, завершая свои рассуждения о «Дао», в связи с этим понятием пишет о китайской мысли: «Самое большое ее достоинство состоит в том, что она никогда не отделяла человеческое от природного и всегда осмысляла человеческое, размышляя над общественным» [6, с. 234]. Надо думать, у китайцев понятия естественности, правильности и оптимальной социальной моральности были в огромной степени синонимичны. Правильный путь — это то, как должны себя вести природа, общество и каждый конкретный человек; именно так они в нормальном своем состоянии себя и ведут, пока не возникают неправильности, нарушения долга, извращения.

ству, и уж подавно — к убийству трех человек в одной семье, этакому микрогеноциду на бытовом уровне.

Само понятие практик группы *гу* определяется в Кодексе следующим образом:

Имеется множество видов *гу*, и мало есть возможностей досконально в них разобраться. Дело это связано с несправедливыми тайными практиками⁶, о которых нельзя знать сполна. Например, собирают ядовитых тварей, помещают в один сосуд и, пока они едят друг друга, ждут, когда все твари кончатся. Если уцелела змея, тогда это будет змеиный *гу* ([1, ст. 262]; см. также: [2, с. 47]).

Вот эта-то змея, впитавшая злое могущество всех сожранных ею гадов, и перерабатывалась потом тем или иным образом в средство против недругов.

Понятно, что подобного рода действия представляли собою колоссальную, предельную общественную опасность, ставя с ног на голову все представления о силе, власти, влиянии и возможностях воздействия людей друг на друга. Если даже палка в руках одного из явно дерущихся была нарушающей баланс несправедливостью, что уж говорить о змеином *гу* в руках изощренного злодея против мирно живущего, ни о чем не подозревающего человека!

И право отвечало равной мерой.

Всякий, кто изготовлял или хранил яды *гу*, а также кто подучил или побудил [делать это], наказывается удушением. Проживающие вместе с тем [человеком], кто изготовлял или хранил яды *гу*, члены его семьи, хотя бы они и не знали об обстоятельствах, равно как и [местные] сельские исправники (*личжэн* 里正), квартальные исправники (*фанчжэн* 坊正) и деревенские исправники (*цуньчжэн* 村正), знавшие [о происходящем] и не избличившие [преступника], все наказываются ссылкой на 3000 *ли* ([1, ст. 262]; см. также: [2, с. 47])⁷.

Таким образом, вышвыривались на окраины страны все подданные, связанные с непосредственным изготовлением *гу*. Причем для столь суровых санкций отнюдь не требовалось, чтобы яд уже был применен. Достаточно было самого изготовления или хранения. Более того, все находившиеся близ преступника, т. е. члены его семьи, даже если они знать не знали о преступной деятельности родственника, подлежали наказанию практически предельному; выше была только смертная казнь, полагавшаяся самому негодяю. Члены непосредственной низовой администрации подлежали такому же наказанию, но лишь в случаях сознательного попустительства.

Даже если провозглашались амнистии — причем любой степени, хоть великие (*да шэ* 大赦), — все те, кто изготовлял и хранил яды *гу*, совокупно с людьми, которые подучили или побудили их этим заняться, а также и с членами семей, все равно наказывались ссылкой на 3000 *ли*. Именно в этом был смысл внесения данного преступления в список Десяти зол. Смертная казнь преступникам, правда, отменялась амнистией, но оставить их жить как прежде, будто ничего не произошло, закон не мог. Доморощенных биохимиков все равно следовало отправить подальше от населенных

⁶ В тексте здесь сказано: *цзо дао* (左道), дословно — «левыми путями». В словаре Ошанина для этого бинама дается, в частности, перевод «колдовство, ересь» [5, т. 2, с. 75]. У Джонсон переводит это выражение как «черная магия» [8, р. 263].

⁷ Ссылка на 3000 *ли* практически была максимально возможным не убийственным наказанием по танским законам; тяжелее была лишь очень редко применявшаяся специфическая ссылка на 3000 *ли*, утяжеленная двумя дополнительными (вдобавок к одному обязательному при любой обычной ссылке году каторжных работ по месту нового поселения) годами принудительных работ, а дальше шли уже удушение и обезглавливание.

нормальными подданными мест. Социальная опасность их поведения была слишком велика, а приобретенные навыки, от которых их уже никак нельзя было избавить — совершенно нетерпимы в мирном краю трудолюбивых земледельцев, с их упорядоченной жизнью, изо дня в день идущей «по колее», из которой столь фатально выбились изготовители отравляющих веществ. Кроме того, хотя в тексте самой статьи нет об этом ни слова, законодатели не могли не понимать, что дистанционному воздействию могли быть подвергнуты не только равные с отравителем по статусу лично свободные жители, но и должностные лица, от которых зависело локальное этическое и социальное упорядочение — а это уже совсем никуда не годилось. Это был бы вызов всему миропорядку⁸.

Парадоксальным образом в Кодексе вообще нет предписаний на тот случай, когда бы средство *гу* было применено и возымело какое-то действие на того или иного постороннего преступной семье человека, будь то простолюдин или кто-то повыше статусом. Предельное наказание полагалось уже за само изготовление или хранение *гу*, его последующее применение не могло увеличить тяжесть наказания, а потому, надо полагать, и выпадало за рамки рассмотрения. Чувство ли такта тому причиной, или несколько суеверное нежелание накликасть беду, а может, завуалированное предупреждение преступной семье: случись среди вас такое, вы же первые и пострадаете, так что следите друг за другом в оба, — но, если следовать букве Кодекса, *гу* мог быть применен только внутри той семьи, в которой был произведен или приобретен. Авторам статьи о *гу* этот момент представляется настолько самоочевидным, что они не на него даже обращают внимание, а исключительно на то, какие отношения — в том числе и соотношения виновности и наказуемости — должны поддерживаться внутри семьи в случае, если *гу* был применен.

В Кодексе сказано:

Если ядом *гу* был отравлен [кто-либо] живущий вместе [с преступником], отец и мать отравленного человека, его жена, наложницы, сыновья и внуки по мужской линии, если они не знали об обстоятельствах изготовления *гу*, не подлежат ответственности ([1, ст. 262]; см. также: [2, с. 49]).

Надо снова отдать должное последовательно проводимому в жизнь стремлению танских законодателей всюду, где только можно, проявлять максимум человеколюбия — в рамках тогдашних о человеколюбии представлений, конечно. Если в группе живущих вместе родственников кто-то изготовлял, от кого-либо получил или хранил *гу*, в случае раскрытия преступления вся эта группа подвергалась наказанию — самой далекой из возможных ссылок. Но если *гу* был применен внутри самой же группы, т. е. она и так пострадала, прямые предки и прямые потомки отравленного человека, равно как и его жена и возможные наложницы, хотя они заведомо являлись живущими вместе с отравителем членами его семьи, не подлежали ответственности при усло-

⁸ Умысел убить рангового чиновника или, тем более, собственного имеющего ранг начальника наказывался суровее умысла убить равного по социальному статусу и выполняемой социальной функции человека. «Всякий, кто умыслил убить человека, наказывается 3 годами каторги» ([1, ст. 256]; см. также: [2, с. 31]). «Всякий, кто умыслил убить... своего главу учреждения (*фучжу* 府主), своего начальника округа (*цзыши* 刺史), своего начальника уезда (*сяньлин* 縣令)... наказывается ссылкой на 2000 *ли*» ([1, ст. 252]; см. также: [2, с. 23–24]). Чужие начальники в счет не шли — ровно так же, как преступления против своего отца карались куда строже, чем против чужого равного по положению простолюдина, пусть бы он и был чьим-то сколь угодно многодетным отцом.

вии, что о факте изготовления или хранения гу они не знали. Их закон, как и без того уже пострадавших от гу, напротив, оберегал.

Литература

1. 唐律疏議 T'ang lü shu yi = Уголовные установления Тан с разъяснениями // Congshu jicheng = Библиотека-серия. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.
2. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17–25. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 376 с.
3. Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 376 с.
4. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М.: Наука, 1986. 261 с.
5. Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М., 1983–1984.
6. Гранэ М. Китайская мысль. М.: Республика, 2004. 524 с.
7. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / пер. с кит., иссл., прим. и прил. Н. П. Свистуновой: в 2 ч. М.: Восточная литература, 1997. Ч. 2. 573 с.
8. The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / transl. with an introd. by W. Johnson. Princeton: Princeton University Press, 1979. 317 p.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ, ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

УДК 33

Б. Т. Балаян

АРМЕНИЯ: РЫНОК ЛИЗИНГОВЫХ УСЛУГ

В условиях становления в Армении рыночных отношений и ускоренной реконструкции устаревшей материально-технической базы экономики особое значение приобретает лизинг как форма предпринимательской деятельности, отвечающая требованиям инновационной политики и сочетания частных, корпоративных и общественных интересов.

Лизинг открывает широкие возможности для инициативы и предприимчивости, рационального использования материальных, финансовых и трудовых ресурсов. Эффективность многостороннего воздействия лизинга на экономику определяется тем, что он одновременно активизирует инвестиции частного капитала в сферу производства, улучшает финансовое состояние непосредственных товаропроизводителей и повышает конкурентоспособность малого и среднего бизнеса.

Экономическая сущность лизинга в течение длительного времени остается спорной. В теории и практике встречаются различные трактовки его содержания и роли, зачастую противоречащие друг другу. Одни рассматривают лизинг как своеобразный способ кредитования предпринимательской деятельности, другие полностью отождествляют его с долгосрочной арендой или с одной из ее форм, третьи считают завуалированным способом купли-продажи средств производства или права пользования чужим имуществом, четвертые интерпретируют как действие за чужой счет, т. е. управление чужим имуществом по поручению доверителя [1, с. 16].

Лизинг в Республике Армения осуществляется в основном коммерческими банками и кредитными организациями, на лицензионной основе. В настоящее время лизинговым бизнесом занимаются в Республике немногочисленные организации, деятельность которых играет скромную по масштабу, в сравнении с кредитными операциями, роль на финансовом рынке. Лидирующей организацией в сфере финансовой аренды выступает *АСВА Leasing Agricol* — кредитная компания, осуществляющая около 70% лизинговых сделок на финансовом рынке Армении. На втором месте находится «Агролизинг» — организация, которая осуществляет около 15% финансовой аренды в Ре-

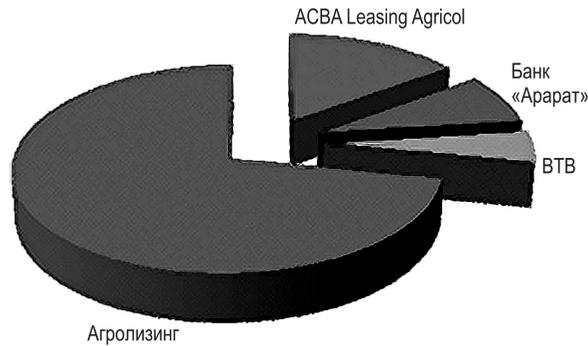

Рис. 1. Объем деятельности лизинговых организаций на рынке финансовой аренды Республики Армения¹

спублике. В последние два года намечается активизация в области лизинговой деятельности со стороны коммерческого банка «Арагат» и лизинговой компании ВТВ (см. рис. 1).

Лизинг в Армении получил наибольшее развитие в промышленной и транспортной отраслях (см. рис. 2). Вместе с тем в последние годы в Республике намечается тенденция развития лизинга в агропромышленном комплексе, особенно в среде фермерских хозяйств, нацеленная на активизацию приобретения сельскохозяйственной техники.

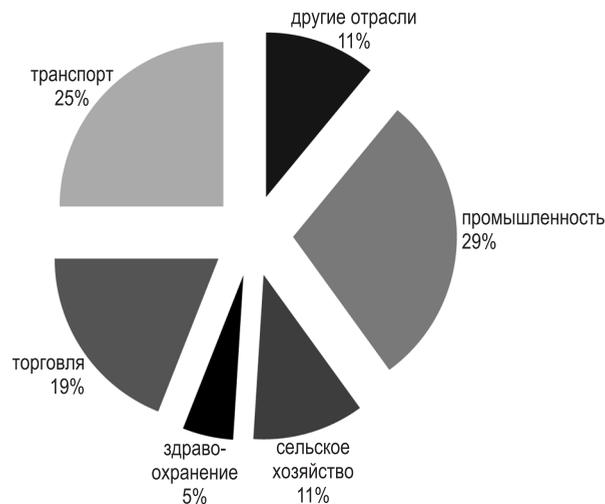

Рис. 2. Сегментация рынка лизинга в Республике Армения²

¹ Источник — финансовые отчеты лизинговых организаций Республики Армения за 2010 г.

² Схема составлена на основе финансовых отчетов лизинговых организаций Республики Армения за 2010 г.

Финансовая аренда по своей экономической сущности имеет сходство с кредитованием, поскольку действует по принципам возвратности, срочности, целенаправленности. Однако вовлекая относительно большой круг участников, а также сложную рыночную инфраструктуру, финансовая аренда отличается некоторыми преимуществами по сравнению с кредитованием. С организационной точки зрения, обращаясь к лизингодателю, лизингополучатель тратит сравнительно меньше времени и ресурсов, чем при приобретении кредитов. Лизингодатели более профессионально ведут переговоры с поставщиками или производителями оборудования, что приводит к приобретению основных средств по сравнительно выгодным условиям. То же самое касается и процессов вовлечения финансовых ресурсов для организации лизинга, поскольку лизинговые компании получают относительно «дешевое» кредитование, особенно если они являются дочерними организациями банков [2, с. 169].

Кроме того, при финансовой аренде юридическое оформление сделки, составление страховых полисов, монтаж основных средств, обеспечение стартовых условий эксплуатации активов в основном осуществляются со стороны лизинговых компаний, вследствие чего лизингополучатель экономит организационные ресурсы. Лизинговыми операциям предоставляются налоговые льготы, что и с экономической точки зрения делает финансовую аренду более выгодной по сравнению с приобретением кредитов. Более того, лизингополучатель экономит некоторые статьи расходов по эксплуатации и содержанию оборудования, которые по условиям договора выполняются со стороны лизингодателя.

Лизингу присущи также широкий формат и гибкость разнообразных организационных схем. Лизинг дает возможность применить различные способы расчета арендных платежей и графиков взаиморасчетов, что с трудом осуществимо при кредитовании.

Убытки от финансовых рисков распределяются среди участников лизинговых сделок более равномерно, чем в случае кредитования. Более того, залоговые условия при этом косвенно влияют на финансовые отношения, поскольку лизингодатель, соблюдая право на собственность, передает лизингополучателю только право на использование актива. Следовательно, при срыве финансовой аренды риск банкротства для лизингополучателя меньше, поскольку актив, как залоговое имущество, возвращается лизингодателю без каких-либо крупных финансовых оттоков.

Эффективность лизинга по сравнению с кредитованием проявляется также в сфере внедрения нововведений в производство. Как правило, объектами финансовой аренды являются новое оборудование, модернизированные активы, эксплуатация которых сопровождается сокращением производственных затрат, повышением качества производства, улучшением экологических условий. В то же время денежные ресурсы, полученные путем кредитования, чаще используются для поддержания непрерывного производственного процесса (финансовая устойчивость, платежеспособность, пополнение оборотных средств и т. д.), а не для расширения новых технологий и производства на основе научно-технического прогресса.

Решение по использованию лизингового механизма зачастую бывает продиктовано также следующими преимуществами:

- Исключается риск нецелевого использования кредитных ресурсов заемщиком, так как лизингополучатель, по сути, получает кредит не в виде «живых» денег, а в виде оборудования.

- Оборудование остается в собственности лизингодателя до момента его выкупа по условиям финансового лизинга, т. е. актив может быть реализован лизингодателем в случае нарушения лизингополучателем условий договора. При этом третья сторона не может наложить арест на оборудование в случае финансовых затруднений на предприятии лизингополучателя.
- Увеличивается вероятность возврата кредитных средств. Это обусловлено экономическими преимуществами лизинга для лизингополучателя. Следовательно, если для заемщика лизинг оказывается экономически выгоднее кредитования, то для банка (как минимум при сохранении доходности) это означает устойчивость финансовой ситуации.

Немаловажным преимуществом лизинга является возможность использовать его как компромисс при «вмешательстве» банковского капитала в управление реальной промышленностью. Банкиры могут наладить управление финансовыми потоками, но не управление всем предприятием.

Можно привести и другие соображения о преимуществах и достоинствах лизинга, но яснее всего в пользу этого финансового механизма говорят цифры. В начале XXI в. на 50 крупнейших лизинговых рынках мира в течение одного года были заключены новые договоры более чем на 500 млрд долларов [3, с. 8].

Казалось бы, вышеуказанные преимущества лизинга должны способствовать активизации рынка финансовой аренды, однако этому в большой мере препятствует сложность инфраструктуры рынка лизинга. Рынок, как экономическая категория, есть совокупность конкретных отношений и связей между покупателями и продавцами, а также торговыми посредниками, отражающая интересы субъектов рыночных отношений и обеспечивающая обмен продуктами труда [4, с. 100]. Инфраструктура рынка — это совокупность организационно-правовых форм, опосредствующих движение товаров и услуг, акты купли-продажи, или совокупность институтов, систем, служб, предприятий, обслуживающих рынок и выполняющих определенные функции по обеспечению нормального режима его функционирования.

Основными участниками рынка выступают лизингодатели, лизингополучатели и поставщики (производители) активов, т. е. «ключевые игроки» финансовой сделки. Однако органическая структура сделок аренды включает в себя как финансовый рынок, где внедряются ресурсы со стороны банков и кредитных организаций, так и рынок потребления конечных результатов лизинговой деятельности. В связи с этим первоочередной ролью инфраструктуры рынка сделок финансовой аренды является обеспечение непрерывного осуществления лизинга и повышения эффективности экономическо-правовых отношений. Следовательно, функции инфраструктуры лизинга носят юридический, консалтинговый, посреднический, организационный характер (см. рис. 3).

Дистрибьюторы, как независимые организации, выступают посредниками между лизингополучателем и производителем оборудования, обследуя рынок, выполняя оптовые сделки, выступая со своими ценовыми предложениями и политикой в сфере рынка финансовой аренды. Дилеры на рынке лизинговых сделок осуществляют относительно малые закупки и сотрудничают с лизингодателем в сфере маркетинговой деятельности, а с лизингополучателем — в сфере покупки и дальнейшего обслуживания арендованного актива. Выступая посредниками в цепочке «поставщик актива — лизингодатель — лизингополучатель» и получая доходы от этой деятельности, брокеры не несут ответственности по возмещению ущерба от экономических рисков.

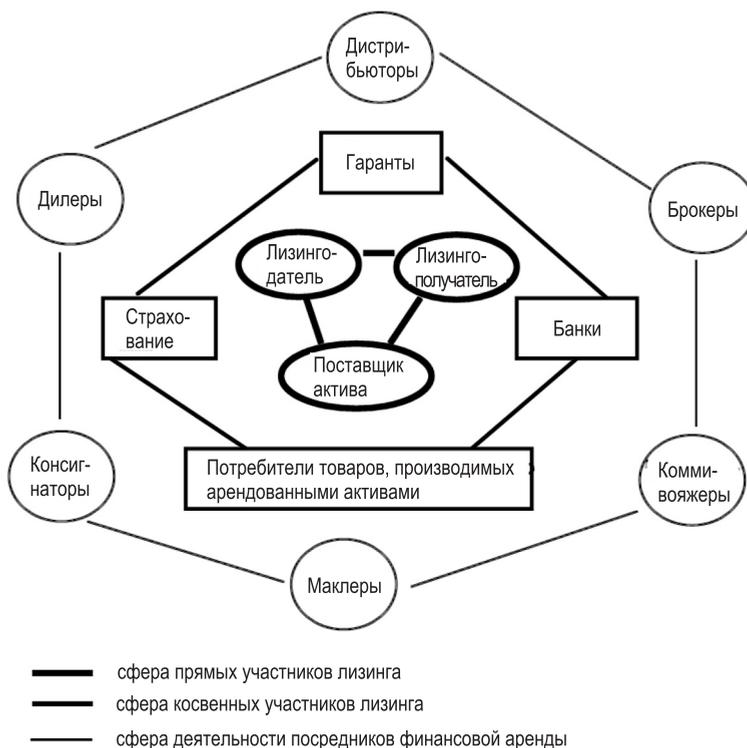

Рис. 3. Механизм деятельности инфраструктуры рынка финансовой аренды

При активизации рынка лизинговых сделок определенную роль играют консигнаторы, которые приобретают у производителей оборудование на консигнационной основе (без права передачи права собственности) и в дальнейшем, после окончательных переговоров с лизингополучателем, оформляют куплю-продажу, получая комиссионные. Коммивояжеры, дополняя функции консигнаторов, выполняют для лизингополучателя работы по монтажу, запуску оборудования, а также осуществляют профилактическую деятельность в сфере эксплуатации активов [5, р. 320].

Исследования показывают, что рынок лизинговых сделок в Армении отличается слабым развитием инфраструктуры, что, в свою очередь, не способствует развитию в Республике финансовой аренды. Стремление к сокращению арендных платежей и удешевлению финансовой аренды приводит к тому, что в Армении лизинговые компании в значительной мере избегают консалтинговых, посреднических и даже брокерских услуг, тем самым уменьшая удельный вес накладных расходов в ценообразовании лизинга (см. рис. 4). Однако посреднические и страховые расходы имеют в ценообразовании лизинговых услуг значительный удельный вес по сравнению с кредитованием, а конкурентоспособность цены лизинга на финансовом рынке достигается в основном за счет поддержки лизинговых сделок сравнительно низкопроцентным кредитованием со стороны банков, поскольку в Армении лизинговые компании в основном представляют собой дочерние предприятия коммерческих банков.

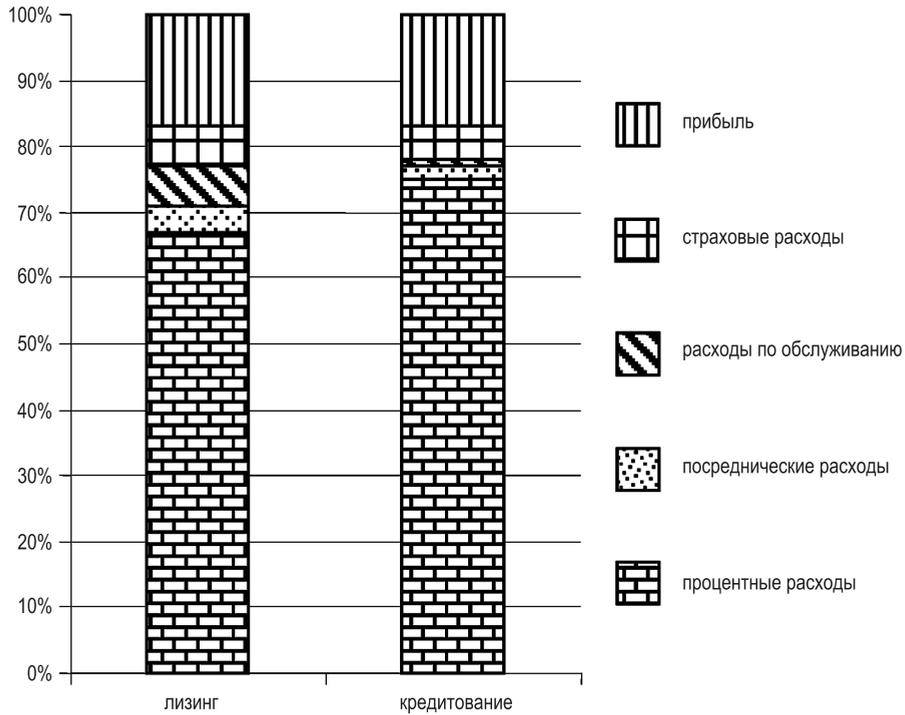

Рис. 4. Структура ценообразования лизинга по сравнению с кредитованием в Республике Армения [6]

Важным элементом формирования цены лизинга на финансовом рынке является эластичность спроса лизинговых услуг, поскольку лизинг и кредитование выступают как взаимодополняющие финансовые услуги. На состоявшемся рынке объем лизинговых услуг (Q) и цена (P) прямо воздействуют на спрос финансовой аренды (D). Следовательно, при неизменном предложении лизинговых услуг (S) и с повышением спроса аренды (D_1) одновременно растет цена лизинговых услуг (ΔP), и наоборот (см. рис. 5).

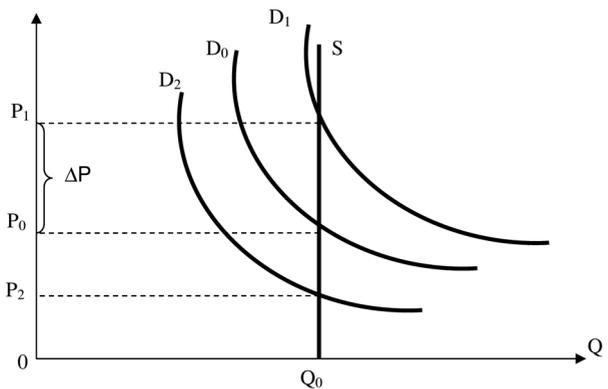

Рис. 5. Взаимосвязь спроса и предложения при неизменном объеме лизинговых услуг

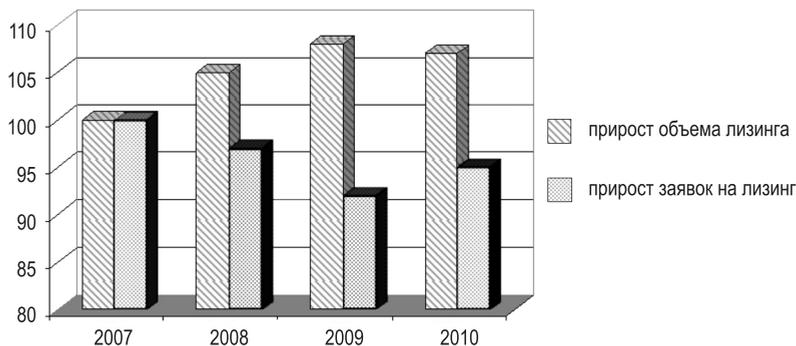

Рис. 6. Динамика объема финансовой аренды и лизинговых сделок на финансовом рынке Армении (в процентах)³

Однако на финансовом рынке Армении не наблюдается такой экономической закономерности (см. рис. 6), поскольку ценообразование лизинговых услуг формируется не на основе рыночных условий, а под воздействием субъективных факторов. Так, исследования демонстрируют, что за последние годы, несмотря на снижение спроса на лизинг со стороны предпринимателей, цена лизинга не стремится к уменьшению, поскольку малочисленные лизинговые компании Армении занимают на финансовом рынке доминирующие позиции и влияют на рыночную цену.

Вместе с тем международный опыт показывает, что предложение лизинга на финансовом рынке не остается стабильным и имеет тенденцию к росту вследствие морального износа оборудования и ужесточения рыночной конкуренции. При реализации крупномасштабных инновационных программ, требующих существенных финансовых вложений, предприниматели больше всего прибегают к приобретению активов путем лизинга, тем самым обновляя технический парк активов и вызывая существенный спрос финансовой аренды (D_1) на финансовом рынке. С повышением спроса

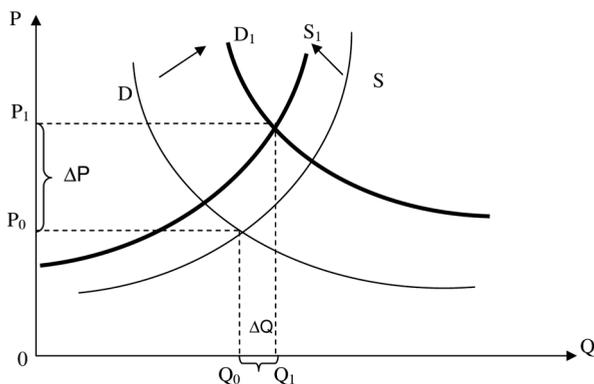

Рис 7. Формирование цены лизинга при уравновешении спроса и предложения финансовой аренды

³ Источник — финансовые отчеты лизинговых организаций Республики Армения за 2010 г.

аренды и объема финансовой аренды (см. рис. 7) растет предложение лизинговых услуг (S_1), что приводит к формированию новой уравновешенной рыночной цены (P_1).

При этом эластичность цены лизинговых услуг (E), определяемая как

$$E = \frac{\Delta Q/Q}{\Delta P/P},$$

показывает процент изменения объема лизинговых услуг вследствие 1%-го роста цены финансовой аренды. С целью укрепления конкурентных позиций на финансовом рынке лизингодатели стремятся к повышению коэффициента эластичности цены лизинговых услуг ($E > 1$), тем самым предлагая обоснованную цену аренды по сравнению с долгосрочным кредитованием. Подобной тенденции не наблюдается на финансовом рынке Армении, поскольку лизинг не играет здесь доминирующей роли в финансовых инвестициях предпринимательской сферы и, не выступая существенным конкурентом долгосрочного кредитования, не поддается классическому рыночному урегулированию.

Таким образом, анализ развития рынка лизинговых услуг Республики Армения показывает:

1. Рынок лизинговых услуг еще находится в состоянии формирования и, следовательно, не действует по классическим законам экономики, вследствие чего на финансовом рынке при долгосрочных инвестициях доминирует долгосрочное кредитование.

2. С низкой эффективностью действуют мотивационные стимулы развития лизинговых отношений как в государственном, так и в частном секторе экономики, что приводит к неосведомленности о преимуществах лизинга среди предпринимателей.

3. Практически отсутствует полноценная инфраструктура рынка лизинговых услуг, что затрудняет долгосрочный процесс установления бессрывных лизинговых программ, создавая тем самым значительные рискованные факторы при организации финансовой аренды.

Литература

1. Горемыкин В. А. Лизинг. М.: Дашков и К^о, 2003. 923 с.
2. Хачатрян Н. Н. Проблемы организации лизинга в агробизнесе Армении // Известия Государственного аграрного университета Армении. 2009. № 3.
3. Газман В. Д. Финансовый лизинг. М.: ГУ ВШЭ, 2003. 690 с.
4. Экономическая теория (политэкономия) / под ред. В. И. Видяпина, Г. П. Журавлевой. М.: Рос. экон. акад., 2000. 588 с.
5. Downes J. Finance and Investment Handbook. 5th ed. N. Y.: Barons Educational Series, 1999. 1396 p.
6. Официальный сайт Центрального Банка Республики Армения. URL: http://www.cba.am/AM/panalyticalmaterialsresearches/Banks_%20Strategy_2011-2013.pdf (дата обращения: 31.08.2011).

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

Е. В. Пугачева

АНАЛИЗ ПРИЧИН ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ТАИЛАНДЕ: ТАКСИН ЧИНАВАТ И ТАИЛАНДСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Политическое устройство наиболее развитых стран Юго-Восточной Азии, в том числе и Таиланда, называют «азиатской демократией», потому что слишком своенравны их политические лидеры, слишком коррумпированы правительства, слишком сильна власть одной партии. Но даже для «самобытного» в этом отношении Таиланда события последнего десятилетия, связанные с приходом к власти телекоммуникационного магната Таксина Чинавата (2001 г.) и его свержением (2006 г.) в результате военного переворота, оказались чрезвычайно насыщенными. Таксин Чинават и его политика разделили тайское общество на тех, кто видит в нем будущее Таиланда и выдающегося популистского лидера, и тех, кто верит, что именно этот беспринципный лидер погубил демократическое будущее страны. Безразличных нет, потому что последствия правления Таксина Чинавата и долгой кампании за отстранение его от власти отразились на каждой тайской семье. Как пишет Пасук Понгпайчит, один из ведущих исследователей процесса политического развития в Таиланде, сегодня сам по себе вопрос любви и ненависти к Таксину уже не так актуален, ибо он обнажил «важнейшие вопросы о перспективах демократии в развивающихся обществах, которые стараются справиться с воздействием глобализации» [1].

Таксин и «порочный круг тайской политики». Таксин стал первым премьер-министром в Таиланде, чья партия «Тайцы любят тайцев» («Тхай рак тхай») получила большинство голосов на всеобщих выборах в 2001 г. Он также стал первым выбранным главой правительства в истории Таиланда, который сумел удержать власть в течение полного 4-летнего срока [2, р. 8]. Он был первым представителем богатой бизнес-элиты, который привлек к открытой политической деятельности других влиятельных бизнесменов через кабинет министров, позаботившись о росте прибыли их компаний. Помимо этого, Таксин первым из премьер-министров Таиланда стал лоббировать интересы сельского хозяйства, завоевав доверие широких народных масс, а именно провинциального крестьянского населения, которое видело в нем лидера нового типа, способного услышать их требования в Бангкоке. Таксин был первым во многом. Однако он был далеко не первым главой правительства, свергнутым в результате военного переворота, хоть и «неожиданного» после 15-летнего перерыва. Этот переворот стал восемнадцатым по счету в истории Таиланда, вновь подтвердив невозможность для страны избежать «порочного круга тайской политики» [3, р. 1]. Такой термин еще в 1982 г. ввел Ч. Самудаваия в книге «Тайские младотурки», где он представил диаграмму повторяющегося с 1932 г. цикла: военный переворот → новая конституция → создание новых политических партий → всеобщие выборы → законотворчество → период «медового месяца» → кризис интересов в сформированном правительстве → военный переворот [3, р. 2]. С 1932 г., когда в результате переворота Таиланд стал конституционной монархией,

армейские генералы, всегда «верные королевской власти», стали принимать, пожалуй, слишком активное участие в политической жизни страны, используя военную силу для смещения очередного неугодного правительства «во имя тайской демократии» и чести монархии, распуская парламент и назначая законодательную власть в угоду своим интересам, которые часто не совпадали с интересами других группировок и приводили к новому конфликту. «В Таиланде военные перевороты совершаются с упоением. В них как будто нет ничего позорного. Такое ощущение, что их принимают за неотъемлемую часть политического процесса» [4, р. 20]. И все же последний переворот оказался слишком горьким для многих тайцев — не только из-за любви или ненависти к Таксину, а потому что это событие ознаменовало горький конец периода демократических надежд и преобразований в Таиланде, начавшегося в XX в.

Считается, что студенческое восстание 1973 г. «надломило хребет военной диктатуры и положило начало процессу отстранения военных от власти и создания новых институтов представительной демократии» [5, р. 130]. К 1990-м годам в Таиланде сформировалось гражданское общество, куда входили представители разных слоев населения — от академиков и интеллектуалов до провинциальных активистов, которые были готовы бороться с военной диктатурой за полностью суверенную парламентскую систему, за права человека, децентрализацию власти, свободу СМИ и более справедливую экономическую политику. Последний военный переворот в XX в. сместил правительство отставного генерала Чатчая Чунхавана, который был обвинен в коррупции, мошенничестве на государственном уровне и назван «угрозой королевскому трону» [6, р. 28]. В критический момент 1992 г., когда военная верхушка, по обыкновению следуя отработанному механизму «порочного круга тайской политики», собиралась назначить нового генерала Сучинду Крапрайюна на пост премьер-министра, гражданское общество сумело организовать демонстрацию на улицах Бангкока. Майская демонстрация 1992 г. была подавлена, но вызвала реакцию самого короля и международного сообщества, а также повлекла за собой период демократических реформ и формирования первого гражданского правительства. Кульминацией гражданского движения за демократизацию стала «народная» Конституция 1997 г., в которой были зафиксированы права человека, заложены основы децентрализации власти, созданы новые институты, контролирующие злоупотребление властью, такие как Национальный комитет против коррупции (*National Counter-Corruption Commission*), Офис по контролю за отмыванием денег (*Anti-Money Laundering Office*), Национальный комитет по правам человека (*National Human Rights Commission*). «Судьба Конституции 1997 г. трагична оттого, что поначалу она действительно работала. Люди ждали этой конституции. Заголовки газет возвещали новую эру тайской политики» [6, р. 31].

Таксин и конституция 1997 г. Уже в августе 2001 г., после прихода Таксина к власти, новая конституция была подвергнута испытанию, которого не выдержала. В декабре 2000 г. Национальный комитет против коррупции проголосовал 8:1 в пользу предъявления Таксину официального обвинения в сокрытии многомиллионных семейных активов (под именами своего шофера и горничной) во время пребывания на министерском посту в 1990-х годах. Однако триумф коалиции Таксина на выборах в январе 2001 г. оказал большое давление на Конституционный суд, который, в случае признания Таксина виновным в сознательном сокрытии своего имущества, должен был бы отстранить его от политической деятельности на пять лет. Сделав ставку на Таксина, широкая коалиция приняла все меры, чтобы убедить Конституционный суд в том, что Таксин

заслужил шанс продолжить пребывание на посту премьер-министра, так как только он, обещавший править страной как бизнесмен в интересах бизнеса, мог вывести Таиланд из затянувшегося после 1997 г. экономического кризиса. В кругу тех, кто поддерживал тогда Таксина «за кулисами» Конституционного суда, был и Сонди Лимтхонгкун — позднее ярый его противник и лидер «желтых рубашек», и даже, по некоторым слухам, как утверждает Т. Понгсутхирак, глава королевского Тайного совета, бывший премьер-министр генерал Прем. Неудивительно, что Таксин был оправдан решением 8:7 в августе 2001 г. [6, р. 34]. Таким образом, сам момент прихода Таксина к власти был критичен для развития Таиланда, ибо последовавшее решение о его оправдании привело к упадку значения «народной» Конституции и духа демократических реформ. Это решение положило путь к политизации конституции и позволило Таксину установить свой контроль над избирательной комиссией, Конституционным судом, Национальным комитетом против коррупции. Его правительство позднее было обвинено в авторитаризме и диктатуре, манипулировании средствами массовой информации, нарушении прав человека. И его же правительство было непреклонно в исполнении обещания смягчить долговое бремя для мелких предпринимателей, предоставить дешевые медицинские услуги малоимущему населению (схема «30 батов в день») и дотации для развития сел.

Таксин как народный лидер. Таксин был привлекателен в роли лидера страны благодаря новизне его партийной программы, популистской по содержанию, а также благодаря умению преодолеть партийное деление на фракции и установить прямой контакт с избирателями. В своей программе он соединил популистские и националистические идеи, обозначив стремление сделать Таиланд развитой страной, входящей в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), апеллируя к чувству незащищенности населения страны «третьего мира», столкнувшейся с глобализацией. Его популярность росла в период с 2001 по 2004 гг. [6, р. 36].

Казалось, что Таиланд при Таксине равнялся на «политическую модель материковой Юго-Восточной Азии» [5, р. 130], беря пример с Сингапура и Малайзии, где четко прослеживалось правление одного харизматичного лидера и одной партии. После восстановления экономики в 2001–2003 гг. Таксин «вообразил себя тайским Ли Куан Ю или Махатхиром Мохамадом — лидером, который останется у власти на двадцать лет и поднимет экономику на новый уровень» [1].

Однако, в отличие от модели Малайзии и Сингапура, Таксин был премьер-министром, который открыто презирал демократические нормы и верховенство закона, видя в них препятствие на своем пути к решению государственных проблем. Например, во время скандала о сокрытии семейных активов в августе 2001 г. Таксин сделал заявление о том, что «считал странной необходимость для лидера, за которого проголосовали 11 миллионов человек, прогнуться перед постановлением Национального комитета против коррупции и вердиктом Конституционного суда, двух организаций с сотрудниками, которые назначались свыше и которых народ не имел возможности выбрать» [7]. Таким образом, Таксин видел себя в роли лидера, работающего «для народа», и не раз подчеркнул это во время августовского скандала: «Народ хочет, чтобы я остался (на посту премьер-министра. — *Е. П.*), и знает, что нужно для Таиланда. И кому я должен быть верен? Народу? Или суду? Я люблю тайский народ. И хочу работать для него» [8]. Основываясь на таком видении своей роли и роли своего правительства, Таксин отвергал принцип политической конкуренции, центральный для парламентской демократии. Так как он работал «для народа», любая оппозиция была направлена «против народа» и,

следовательно, незаконна. Так как его целью была выгода для народа, любая оппозиция основывала свои действия на частных интересах. Выступая на конференции политических партий Азии в ноябре 2002 г., Таксин аргументировал свое видение тем, что «приходя к власти, правящая партия делает все возможное, чтобы ее удержать, в то время как оппозиция борется за свержение правительства и стремится прибрать власть к своим рукам. Практически все программы правящей партии критикуются ее оппонентами, не учитывающими того факта, что правительство всегда действует только в интересах своего народа. Такая конкуренция в политике не всегда отвечает интересам народа. Напротив, это, возможно, предательство наших обязанностей перед народом» [5, р. 133].

Возвращаясь к работе Ч. Самудаваия «Тайские младотурки» и идее автора о том, что причиной кризиса политического руководства в Таиланде всегда был излишний «персонализм», можно провести параллель со временем правления Таксина. «Тайский путь решения политических проблем — это не путь создания структур и организаций, способных предотвратить кризис, а поиск лидера, имеющего статус и харизму, способного завоевать доверие и уважение народа. Такой лидер — центральная точка отсчета, опора для тайского народа» [3, р. 2]. Такой лидер традиционно выше закона: за гранью закона и уважения были абсолютные монархи Таиланда, правившие страной до 1932 г. (король Рамакамхенг, король Чулалонгкорн), выше закона были военные диктаторы, такие как фельдмаршал Пибунсонграм, фельдмаршал Сарит Танарат, пришедшие к власти после событий 1932 г. Правители на местах, или в тайской терминологии «крестные отцы», обычно получали поддержку провинциального населения благодаря демонстрации своих связей с Бангкоком, а также влияния, способного обеспечить их пребывание вне и выше закона. Как отмечает П. Понгпайчит, термин «крестный отец» в тайском языке не имеет ничего общего с голливудской мафией, а скорее отражает тайский принцип благоговения перед вождем, наделенным «сверхъестественными силами» [5, р. 135].

Таким образом, несмотря на критику со стороны интеллигенции и обвинения в нарушении норм государственного права, тайская публика, основывая свое мнение на традиционно азиатском представлении о сильном правителе, была готова принять Таксина в качестве популистского лидера, чей авторитет обыкновенно зиждется на эмоциональной приверженности его неискушенных в политике последователей. «Таксин объехал всю страну, раздавая субсидии на развитие отдаленных деревень как сладости» [5, р. 134]. Именно такой популистский подход сработал, потому что народ, основываясь на историческом опыте, перестал верить, что демократия, права человека и нормы права могут дать ему больше, чем сильный народный вождь.

В этом отношении модель развития Таиланда во время правления Таксина заставляет вспомнить латиноамериканскую неопопулистскую модель и таких лидеров, как Луис Инасио Лула да Силва, Уго Чавес, а также бывший перуанский президент Альберто Фухимори. Эти режимы отличает, по мнению П. Понгпайчит, не только популистская риторика во внутренней политике, но и понимание внешнеполитической необходимости согласовывать экономическое развитие страны с правилами и нормами международных финансовых институтов. Таксин, например, несмотря на подчеркнутую агрессивность в отношениях с иностранными журналистами и органами ООН, а также многочисленные националистические заявления, продолжил соблюдать условия и следовать рекомендациям Международного валютного фонда [5, р. 130–135].

От азиатских лидеров Махатхира и Ли Куан Ю, а также от латиноамериканских лидеров развивающихся стран Таксина Чинавата отличает его огромное состояние

и связь с крупным бизнесом. Таксин — богатый бизнесмен, который привел к власти целую коалицию бизнесменов, работающих в сфере телекоммуникаций, финансов, недвижимости и развлечений. «Махатхир и Ли Куан Ю воспринимаются как идеологи развития своих стран, Чавес и Лула — лидеры “из народа”, в то время как Таксин позиционирует себя как “премьер — генеральный директор”» [5, p. 135].

Таксин и его противники. Идея создания *Thailand Inc* [9, p. 196] — термин, предложенный Й. Сантасомбот в 1985 г., — и управления государством как большой компанией, очевидно, была близка Таксину как «генеральному директору» страны и крупному бизнесмену. Но интересы крупного бизнеса не всегда совпадали с интересами старой политической элиты и провинциальных «крестных отцов», которые, за определенные привилегии и выплаты, «сгруппировались» вокруг крупного бизнеса и были включены в состав партии «Тайцы любят тайцев». Стремительный рост партии можно охарактеризовать как «внешний», т. е. рост за счет слияния разных политических групп, а не за счет «вскармливания» нового поколения политиков, объединенных общей идеей [10, p. 7]. Несмотря на то что «Тайцы любят тайцев» вновь одержала полную победу на выборах 2005 г., ее разобщенность породила конфликт интересов и внутренний кризис. Популистские меры правительства привели к потере значения провинциальных боссов как единственных источников и распределителей благ на местах. В попытке сосредоточить в своих руках власть и богатство на национальном и провинциальном уровнях Таксин лишил старую политическую элиту статуса и привилегий, которыми она обладала в прошлом, тем самым заставив ее защищать свои интересы более решительно и, возможно, спровоцировав конфликт центральной и провинциальной властей, вылившийся в кровавые волнения на юге страны.

Помимо этого «кумовской капитализм» Таксина и его стремление передать важные государственные посты своим близким соратникам повлияли на изменение властных структур в тайской армии, переставшей играть важную роль в политической жизни страны после 1992 г., но сохранившей связи с политической элитой. Существует мнение, что в результате конфликтов между армейскими генералами и правительством Таксина солдаты тайской армии стали принимать участие в поджогах школ, «разграблении» оружия с военных складов и убийствах гражданских лиц во время беспорядков в трех южных провинциях страны [11].

Следует отметить, что политика Таксина — бывшего офицера полиции по уполномочиванию полицейских органов — обострила давний конфликт между тайландской полицией и армией, соперничающих за контроль над подпольным бизнесом, за политическое влияние и связь с правящей верхушкой. Доверие, которое Таксин заслужил за время службы в полиции, позволило ему положиться на Национальное полицейское управление при исполнении своих обязанностей на посту премьер-министра. Но и это доверие было не полным, так как Таксин, к примеру, поспешил назначить одного из своих родственников на пост главы Бюро по борьбе с наркотиками (*Narcotic Suppression Bureau*) во время «войны с наркотиками» (2003 г.) на севере страны, поскольку не мог положиться на полицейских генералов, крепко связанных с наркоторговлей и мафией, в борьбе с подпольным бизнесом и искоренением связи между наркоторговлей и влиятельными государственными чиновниками. В результате этой громкой кампании без суда и следствия были убиты несколько тысяч подозреваемых «наркоторговцев», хотя по некоторым сообщениям часть убийств произошла в результате конфликтов между служащими полиции и их внутренней борьбы за контроль над подпольным

бизнесом [11]. Таким образом, отказ Таксина поделиться властью со старой армейской верхушкой и его всесторонняя поддержка полиции, действующей во многих случаях лишь в своих интересах, усилила разобщенность элиты, повлияв на эффективность правительства в сохранении национальной безопасности.

Что касается крупной бизнес-элиты, то многие исследователи сходятся во мнении, что «Таксина и его состояние поддерживали всего десять семей» [10, р. 20], которым принадлежали крупные компании в сфере телекоммуникаций (корпорация «Шин» — *Shin Corporation*), индустрии высоких технологий, недвижимости, СМИ и развлечений. Все эти компании были ориентированы на домашний рынок и получали прибыль от проводимой Таксином политики. Лишь некоторые из них были связаны с обрабатывающей промышленностью или экспортом (например, Си-Пи групп — *CP group*), что наводит на мысль о разделении сфер интереса между домашним капиталом и капиталом международных монополий [5, р. 136]. Правительство предпринимало многочисленные попытки увеличить номинальную стоимость активов этих компаний, оставляя без внимания интересы крупного бизнеса в других отраслях промышленности.

Среди рядового населения также было много недовольных политикой Таксина и его популистскими мерами, которые позволили провинциальному крестьянскому населению получить доступ к легким займам и в определенной степени насладиться материальными благами, доступными и среднему классу, создав иллюзию слияния двух классов и наличия равных возможностей для них. Однако средний класс в Таиланде — стране, где неравенство выражено ярко и продолжает расти, — оказался более «образованным», чем широкие массы провинциального населения. Считается, что образование позволило жителям столицы и крупных тайских городов увидеть, как Таксин манипулирует своей властью ради экономической выгоды для себя и своих соратников и как его популистские меры, столь желанные для бедных, могут отразиться на будущей экономической стабильности страны. Радикальный подход Таксина к процессу экономического развития Таиланда заставил «напуганный» столичный средний класс задуматься о возможности новой волны экономического кризиса в результате такого управления государством.

Начиная с сентября 2005 г. недовольство правлением Таксина, его манерой смешивать семейный бизнес с государственными делами нарастало и в 2006 г. привело к формированию организованной оппозиции его правительству, получившей официальное название Народного союза за демократию (*People's Alliance for Democracy — PAD*), который возглавили Сонди Лимтхонгкун, журналист и бывший бизнес-партнер Таксина, и Тьямлонг Симуанг, лидер уличных протестов 1992 г., пребывавший на посту генерального секретаря правительства премьер-министра Према в 1980-х годах. Лидеры оппозиции ратовали за вмешательство королевского дома в их борьбу с коррупцией и произволом Таксина, обозначив свою преданность «нации и королю» желтым цветом рубашек: согласно тайской традиции, желтый — это цвет короля, рожденного в «желтый» день недели — понедельник.

Таксин и монархия. Лозунги «желтого» движения «за нацию, за короля» и витавшие в воздухе слухи о том, что премьер-министр Таксин, окрыленный своей популярностью, считал возможным вмешиваться в дела королевского двора, мечтать об установлении в стране республики и избрании его президентом [12, р. 222], фактически поставили граждан Таиланда в период политического кризиса перед выбором: либо король, либо Таксин. Во многом обострили ситуацию сообщения о том, что Таксин «обидел» королевский двор несоблюдением этикета во время празднования 60-летия

пребывания короля Рамы IX на троне и попытками встретить прибывших на юбилей гостей раньше представителей королевского дома. В этой ситуации даже сторонники Таксина оказались в весьма затруднительном положении. Как сказал профессор Чулалонгкорского университета Т. Понгсудхирак, «людям нравился Таксин, но короля они любили» [12]. В идеале 2006 г. должен был стать годом короля, посвященным его 60-летию пребыванию на троне и полным юбилейных торжеств. Но желтый цвет, ставший неофициальным цветом всех ралли Народного союза за демократию, приобрел агрессивный оттенок, что могло принудить короля напрямую вмешаться в политический кризис с обращением к Верховному, Административному и Конституционному судам о совместных действиях по разрешению ситуации «беспорядка в стране», несмотря на официальную позицию невмешательства в политическую игру. Впрочем, мало кто в Таиланде сомневался, что генерал Прем, игравший активную роль в событиях 2005–2006 гг., которые предшествовали военному перевороту, и повлиявший на решение Таксина о роспуске парламента в феврале 2006 г. и организации досрочных выборов, выступал от имени короля [13, р. 15]. Генерал Прем, по всей видимости, был неотъемлемым звеном «королевской сети», о которой Д. Маккарго писал еще в декабре 2005 г. в статье «Монархия и кризис легитимности в Таиланде» [14, р. 499–519], запрещенной к публикации на тайском языке. По словам автора, «королевская сеть» представляет собой целый ряд советников, консультантов и других «слуг», исполняющих разные обязанности и официально далеких от политики, но активно участвующих и играющих важную роль в формировании политической истории Таиланда на протяжении всего правления Рамы IX. Его правление — самое долгое в мире (с 1946 г. по сегодняшний день), отчего несколько поколений молодых тайцев уже не помнят и не знают великих дел своего монарха. Об этих делах королевский дом стремился напомнить во время празднования юбилея в 2006 г., напоминая и сегодня. Фотографии молодого короля и его семьи, стенды с королевскими проектами, инициированными в середине прошлого века, — это не прошлое, а настоящее Таиланда, похожего сегодня на выставку работ за весь период «творчества» любимого монарха. Никто из королевской семьи Таиланда не удостоился равного уважения и популярности, что наводит на мысль о кризисе преемственности в стране. Однако «дом Чакры стремится модернизировать свой имидж посредством демонстрации принадлежности к мировому братству королевских семей» [13, р. 11], что выразилось в количестве приглашенных на празднование 60-летнего юбилея правления Рамы IX представителей мировых королевских домов, от Лесото и Тонго до Испании и Британии [13, р. 12]. В такой ситуации сильный популистский премьер-министр, возмущивший спокойствие королевства, вполне мог стать помехой монаршему дому и вызвать желание вмешаться в политическую ситуацию внутри страны.

«Желтая» оппозиция встретила военный переворот, свергнувший «недемократическое» правительство Таксина 19 сентября 2006 г., рукоплесканиями, цветами и надеждой на скорое «восстановление демократии». Однако этот переворот усугубил нараставший политический кризис в Таиланде, еще больше расколов общество на «желтых» — противников Таксина, и «красных» — его сторонников, и повлек за собой массовые протесты, забастовки цветных оппозиций и кровавые беспорядки на улицах Бангкока на протяжении последних пяти лет.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что ключевым в определении демократии в Таиланде продолжает оставаться прилагательное «тайская» демократия. Что нация, рекламирующая международному сообществу свое единство и миролюбие, не

так уж едина и миролюбива. Что у каждой из сформировавшихся в результате кризиса цветных оппозиций свое понимание назначения демократии в стране и путей ее достижения. Что представления о нации, монархии и религии, трех столпах королевства, гораздо важнее, чем все остальное, включая конституцию и демократию. Власть короля в глазах народа неоспорима. Считается, что военный переворот против Таксина не произошел бы без молчаливого согласия короля [4] и «королевской сети», которым, по всей видимости, пришлось больше по душе правительство премьер-министра Абхисита Ветчачивы (декабрь 2008 — июль 2011). Его правление ознаменовалось относительным затишьем в стане «желтого» движения и многочисленными выступлениями «красных рубашек», или Демократического союза против диктатуры (*United People's Front for Democracy against Dictatorship — UDD*), унесшими жизни как минимум 90 человек.

Литература

1. *Понгнайчит П.* Таксин Чинават — популистская икона и пугало Таиланда // Русский журнал. 29.04.2009. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Taksin-CHinavat-populistskaya-ikona-i-pugalo-Tailanda> (дата обращения: 11.05.2011).
2. *Phongpaichit P., Baker Ch.* Thaksin. Chiang Mai: Silkworm Books, 2009. 421 p.
3. *Samudavanija Ch.* The Thai Young Turks. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 1982. XI+101 p.
4. *Beech H.* Dark Days for Democracy // Time. Asia Edition. September 25, 2006. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1538711,00.html> (дата обращения: 18.06.2011).
5. *Phongpaichit P.* Thailand under Thaksin: a Regional and International Perspective // Middle classes in East Asia. Proceedings of the Japan Society for the Promotion of Science and National Research Council of Thailand. Core University Workshop, Center for Southeast Asian Studies, Kyoto University, October 6–8, 2004. Kyoto, 2004. P. 129–138.
6. *Pongsudhirak Th.* The Tragedy of the 1997 Constitution // Funston J. (ed.). Divided over Thaksin. Thailand's Coup and Problematic Transition. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009. P. 27–38.
7. *Tunyasiri Y.* Prime Minister to the People: Thanks for the Moral Support. Justice has prevailed in Thai Society // Bangkok Post. August 5, 2001. URL: <http://www.bangkokpost.com/election2001/august2001/050801d.html> (дата обращения: 15.05.2011).
8. *Taro Greenfeld K.* In the Clear // Time. Asia edition. Vol. 158. No. 7. August 13, 2001. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,170024,00.html> (дата обращения: 18.06.2011).
9. *Santasombat Y.* Power and Personality: an Anthropological Study of the Thai Political Elite. PhD thesis. Berkley: University of California, 1986. 285 p.
10. *Kulabkaew K., Tan-Mullins M.* Is Thaksin a Really Strong Leader: Elite Disunity and Challenge from Mass under the Guise of Absolute Power // Thaksin Policies: Rhetoric or Reality? 9th Conference on Thai Studies, Northern Illinois University, April 3–6, 2005. Dekalb, 2005. 33 p.
11. *Tejapira K.* Thee Ma Khong Rabob Thaksin = Происхождение режима Таксина // Matichon Daily = Национальный ежедневник. 2004. 20 февр. (на тайск. яз.).
12. *Charoenmuang T.* Thailand: a Late Decentralizing Country. Chiang Mai: Sangsilp Printing, 2006. 230 p.
13. *Montesano M.* Political Contests in the Advent of Bangkok's 19 September Putsch // Funston J. (ed.). Divided over Thaksin. Thailand's Coup and Problematic Transition. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2009. P. 1–21.
14. *McCargo D.* Network Monarchy and Legitimacy Crisis in Thailand // The Pacific Review. 2005. Dec. (XVIII). P. 499–519.

Статья поступила в редакцию 12 сентября 2011 г.

IN MEMORIAM

**ЗАХАР КОРГАНОВ (ЗУРАБ КОРГАНАШВИЛИ)
В ПАМЯТЬ О ПЕРВОМ (?) ГРУЗИНСКОМ СТУДЕНТЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (1817–1821)**

В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) нами было обнаружено «Дело о принятии Грузинского Дворянина Зураба Корганова в число воспитанников Института» (имеется в виду Главный педагогический институт) [1]. Дело было начато 12 мая 1817 г.

24 апреля 1817 г. З. Корганов подал прошение следующего содержания: «Имею желание вступить в число казенных воспитанников Главного Педагогического Института и... покорнейше прошу определить меня в оный» [1, л. 2]. Из «прошения» узнаем, что его податель окончил Тифлисское благородное училище и получил аттестат 19 августа 1816 г. (за № 25).

В аттестате зрелости З. Корганова, подписанном директором училища «коллежским асессором Сукринским», читаем, что З. Корганов, сын дворянина Стефана Корганова, 6 сентября 1806 г. поступил в Тифлисское благородное училище и 6 июля 1816 г. окончил его. В аттестате перечислены предметы, изучавшиеся им на русском и грузинском языках. Указано также, что З. Корганов обучался «на Латинском и Немецком языках только чтению, письму и грамматике». В изучаемых предметах он показал «успехи похвальные», а особенно отличился «прилежанием, благонравием и примерным поведением». В училище З. Корганов неоднократно получал поощрения и награды. Так, в 1815 г. он получил в подарок книгу «Сокращенная история Греции», сочинение Голдсмита» и эстамп *Tesns adore par les Bergeos* (возможно, это гравюра Жана Тувенэ (*Jean Thouvenin*, 1765–1828) «Поклонение пастухов Иисусу» — *Jesus adore par les bergers*). Кроме того, при выпуске З. Корганова преподаватели училища сочли «приятнейшим для себя долгом рекомендовать его, кому надлежит, как воспитанного и для службы общественной быть полезным могущего юношу» [1, л. 3].

10 мая 1817 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа известил «Конференцию» Главного педагогического института о том, что «Господин Управляющий Министерством Просвещения» согласен с его (попечителя) представлением, «чтобы Грузинский Дворянин Зураб Корганов принят был в число воспитанников Главного Педагогического Института», и просил Конференцию принять данные сведения «к должному распоряжению» [1, л. 1]. По этому поводу в журнале Конференции от 12 мая 1817 г. имеется запись: «Определен исполнить». Для выявления «предварительных Корганова познаний» Конференция решила назначить ему «испытания» [1, л. 1 об].

В журнале Конференции (№ 5, ст. 2, запись 3) от 4 июня 1817 г. сообщается также, что собрался комитет «для испытания пожелавших быть воспитанниками Института, канцеляриста Никиты Соловьева, грузинского Дворянина Захара Корганова, ученика Воспитательного Дома Алексева» [1, л. 6].

При «испытании» З. Корганов получил следующие оценки:

- «В Законе Божиим и Священной истории» — порядочно,
- «В Российской грамматике» — порядочно,
- «В Риторике и логике» — изрядное владение,
- «В Истории и географии» — порядочно,
- «В Арифметике и геометрии» — хорошо.

З. Корганова было решено «принять в число воспитанников Института», выписку статьи передать «для разпоряжения от кого зависящего» и донести об этом «Исправляющему должность Попечителя Господину Салтыкову» [1, л. 4–6]. Таким образом, в 1817 г. З. С. Корганов (Корганашвили), выпускник Тифлисского благородного училища, был зачислен в число студентов Главного педагогического института, преобразованного в 1819 г. в университет.

В еще одном архивном деле «Об испытании воспитанников Главного Педагогического Института» за 1818 г. среди воспитанников «предварительного» курса под № 30 назван З. Корганов. Перечислены сданные им предметы:

1. Логика — болен.
2. Арифметика и алгебра — слабо.
3. География — не худо.
4. Физика — ничего.
5. История — не худо.
6. Латинский язык — весьма слабо [2, л. 9].

В архиве было найдено еще несколько дел, касающихся З. Корганова. Из них узнаем, что в марте 1819 г. он был «уволен из числа казенных воспитанников» Института «как не оказавший должных успехов» [3, л. 3].

16 марта 1820 г. из Санкт-Петербургского университета было отправлено подписанное ректором уведомление попечителю Санкт-Петербургского учебного округа. В нем сообщалось, что «бывший воспитанник Главного Педагогического Института... Захарий Корганов, родом из грузинцев», обратился к декану историко-филологического факультета и «просил Конференцию о вторичном принятии¹ его в число студентов сего университета». Далее приводится пояснение З. Корганова о том, что он «при переводе из предварительного курса в окончательный исключен был из сего заведения по успехам, которым препятствовали различные обстоятельства, недовольно, кажется, тогда уважения: 1) совершенное почти незнание Российского языка, необходимого для слушания уроков; 2) меньший пред сверстниками круг познаний, по недостатку хороших учителей в Грузию; 3) сильное действие... климата на всех Азиатских жителей; 4) совершенное незнание Древних и новейших языков, в Грузии почти совсем не употребительных». По утверждению З. Корганова, он не переставал заниматься науками дома и по проведенному 23 февраля испытанию показал, что «Российского языка и историю он знает хорошо, Географию, Арифметику и Алгебру посредственно, Латинский язык худо» [4, л. 1].

В уведомлении ректора также указано, что «Конференция согласна с заключением факультета... [и] полагает, что Корганов, хотя и не заслуживает принятия ни в один из факультетов, но может быть допущен в университет, с предназначением, весьма полезным, по окончании курса преподавать, как сам ревностно желает, Российский язык в Грузии, в котором к тому времени еще более усовершенствуется, а вместе приумножит свои познания и по другим предметам», о чем имеет честь «представить на благоусмотрение» Его Превосходительства (т. е. попечителя) [4, л. 1–3].

29 апреля 1820 г. попечитель прислал уведомление о своем согласии на «вторичное принятие З. Корганова в число казенных воспитанников университета» [5, л. 1].

21 февраля 1821 г. Конференция Санкт-Петербургского университета вновь направляет попечителю прошение студента «Внутреннего курса Историко-Филологического факультета

¹ Здесь и далее в цитатах воспроизводятся языковые особенности оригинала.

Корганова». В прошении студент «изъяснил, что разстроенное его здоровье, кончина родителя и другие несчастия, постигнувшие дом его, положили на него обязанность прекратить, против желания, учения и отправиться в Грузию, просит уволить из университета со Студенческим аттестатом и позволить, до времени открытие учительского места в Тифлисском благородном училище, определить в службу по гражданской части» [3, л. 1–2]. О прошении студента было доведено и до «Министра Духовных Дел и Народного Просвещения».

В ответ на представление попечителя Санкт-Петербургского учебного округа 9 марта 1821 г. из министерства пришел ответ за подписью министра К. Александрова. Последний сообщил, чтобы «казеннокоштный воспитанник... Грузинский Дворянин Корганов, по причине болезненного состояния... уволен был» из Университета. При этом министр считал, что «полного Студенческого Аттестата давать ему не следует, так как он не кончил еще всего курса обучения» [3, л. 3–5].

Таким образом, З. Корганов (Корганашвили) был уволен из Университета по собственной просьбе [6, л. 1]. По возвращении в Грузию он, по-видимому, был определен учителем русского языка в Тифлисское благородное училище, или гимназию, подтверждение чего требует дополнительных поисков в архивах Тбилиси.

Сказанное дает основания полагать, что Захар Степанович Корганов (Корганашвили) был одним из первых, если не первым грузинским студентом Санкт-Петербургского университета, хотя и не получившим полного диплома об окончании.

Литература

1. ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1742. Л. 1–6.
2. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1852.
3. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2611.
4. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 2399.
5. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 151.
6. ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 261.

Г. С. Харатишвили

АННОТАЦИИ

УДК 78.08:801.81

Рахимова С.К. **История изучения тюркского эпического фольклора в России** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 3–10.

Систематическое изучение эпоса и фольклора тюркоязычных народов началось в XIX в.: были организованы экспедиции по сбору фольклорных материалов. Описанием и изучением этих материалов занимались ученые из Петербургского университета, а также местные ученые, получившие образование в России. Эпические сказания целого ряда тюркских народов стали известны только после 1917 г., однако изучение отдельных эпических произведений было прервано по политическим причинам. В настоящее время научная работа по этой тематике продолжается как в России, так и в бывших советских республиках.

Ключевые слова: эпос, сказание, «Манас», Радлов, Бартольд, Жирмунский.

УДК 81.366

Зарипов И.Р. **Морфологическая структура простой глагольной основы в арабском литературном языке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 11–19.

В данной статье рассматриваются функции согласных и гласных элементов простой основы арабского глагола. Исследование проводится на материале работ отечественных и зарубежных авторов в свете компаративного анализа трехсогласных глаголов, отмеченных в современном арабском словаре ал-Мунджид. Обосновывается смыслообразительная функция гласной при втором корневом согласном в глаголах моделей фа'ала, фа'ила, фа'ула.

Ключевые слова: морфологическая структура, простая глагольная основа, корень, прерывистая морфема, смыслообразительная функция.

УДК 811.512.1

Передня А.Д. **Категория склонения в древнеуйгурском языке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 20–26.

Предлагаемая статья представляет собой опыт исследования категории склонения древнеуйгурского языка (VII–XIV вв.) на основе функционально-семантического метода. Категория склонения в древнеуйгурском языке представлена семью падежными формами. Особое внимание в представленной статье уделяется форме с аффиксом *-(y)n* как показателю винительного падежа после аффиксов принадлежности и инструментального падежа.

Ключевые слова: древнеуйгурский язык, категория склонения, падеж.

УДК 811.512.1

Телицин Н.Н. **К вопросу о разграничении причастий в древнеуйгурском языке** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 27–38.

Статья представляет собой описание глагольно-именных форм древнеуйгурского языка. Указанные формы древнеуйгурского глагола, традиционно рассматриваемые как причастия, необходимо разделять на причастия и субстантивно-адъективные формы. В древнеуйгурском языке к адъективным формам (причастиям) следует относить лишь формы *-daču*, *-yüčü*, *-yта*, *-yлу*. Формы *-r*, *-yalyr*, *-mys*, *-duq*, *-juq*, *-yи*, *-yülüq*, *-syq* следует относить к субстантивно-адъективным формам глагола.

Ключевые слова: древнеуйгурский язык, причастия, глагольно-именные формы.

УДК 811.512.142

Ульмезова Л.М. Категория аспектуальности в карачаево-балкарском языке // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 39–47.

В статье анализируются состав и функциональные особенности категории аспектуальности в карачаево-балкарском языке — одной из важнейших глагольных категорий, формы которой функционируют в системе форм глагольного словоизменения.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, аспектуальность, глагольное словоизменение, форма, система.

УДК 81'34

Янсон Р.А. Периодизация бирманской фонологической системы. Часть II: Финали // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 48–57.

В статье отдельно рассматривается эволюция открытых и закрытых финалей, что оправдывается спецификой развития обеих подсистем. Утверждается, что изменения в системе гласных предшествовали падению конечных согласных. Отмечается, что в последние десятилетия в фонологической системе происходят серьезные процессы, по завершении которых система может вернуться к своему исходному состоянию, т. е. к периоду XII–XIII вв.

Ключевые слова: открытые и закрытые финали, рефонологизация, корреляция, централи, терминали, эволюция, симметрия подсистем.

УДК 947.081(571.6)+951.91.08

Врадий С.Ю. «Карта России (Агук Ёджида)» — первое корейское описание Приморья. Часть I // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 58–68.

Обращаясь к редкой рукописи, которая представляет немалый интерес для изучения истории взаимоотношений России, Кореи и Китая во второй половине XIX в., истории появления корейской диаспоры в российском Приморье, автор дает оценку значимости источника, а также, анализируя работы южнокорейских исследователей, рассматривает вопрос об авторстве и предположительном времени составления документа. «Карта России» Агук Ёджида 俄國輿地圖 — это первая попытка Кореи описать российское государство. Документ показывает, как, стремясь избавиться от многовековой опеки со стороны Китая, ограничить колониальные устремления Японии, а также найти противовес посягательствам стран Запада, королевский двор начинал укреплять свои взаимоотношения с Россией. В тексте карты имеются описания жизни и быта корейских поселенцев, на ней отображены военные объекты, оборонительные сооружения пограничных территорий России, Кореи и Китая, приведены количественные характеристики охраняемых войск.

Ключевые слова: российско-китайско-корейские отношения XIX в., карта России, корейцы на Дальнем Востоке России.

УДК 94

Е Байчуань, Чжан Боно. Современный этап изучения истории династии Цин: источниковая база // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 69–74.

Статья рассказывает о работе китайских ученых с архивными материалами по истории последней правившей в Китае династии Цин (1644–1911). Она ведется на протяжении последних десяти лет в рамках государственного проекта, предусматривающего создание 100-томного труда, посвященного этому важному периоду китайской истории. За прошедшее время были изучены практически все национальные архивы, располагающие соответствующими материалами, и всё наиболее важное для создания надежной источниковой базы готовящегося фундаментального труда вводится в научный оборот. Подобное мероприятие предпринято в КНР

впервые, оно является крупным вкладом китайских ученых не только в отечественную науку, но и в мировое китаеведение.

Ключевые слова: архивы империи Цин, государственный проект.

УДК 297.17

Пылев А. И. Суфизм у среднеазиатских тюрок в Караханидский период (XI–XII вв.): основные черты и крупнейшие представители // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 75–84.

В статье кратко рассмотрены основные школы, направления и крупнейшие представители в Средней Азии XI–XII вв. массового аскетического и мистического учения в исламе — суфизма. В эту эпоху, когда жили и проповедовали первые тюркские суфии (Ходжа Ахмад Йасави (ум. 1166), его предшественники и последователи), исламский мистицизм, развиваясь как учение о путях духовного общения и воссоединения с Единым Богом и сохраняя тем самым монотеистический характер, превратился в «массовую религию ислама» (Дж. С. Тримингэм). Многие его представители действовали среди тюркских кочевников как исламские миссионеры. Они принадлежали в основном к «умеренной» школе Джунайда ал-Багдади (ум. 910), строго соблюдали законы шари'ата и стремились примирить положения суфизма с нормативным исламом. В XII в. в Средней Азии на этой почве формируется первое чисто тюркское направление в исламском мистицизме — школа, а позднее орден (братство), Йасавийа.

Ключевые слова: среднеазиатский суфизм, исламский мистицизм, школы суфизма, суфийские ордены (братства), «умеренный» суфизм, аскетизм, нормативный ислам, шари'ат.

УДК 327.83

Пылева А. И. Деятельность французских католических миссионеров в контексте геополитической стратегии Франции в Сиаме в XVII в. // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 85–93.

Статья посвящена политике Франции по отношению к Королевству Сиам (Таиланд) во второй половине XVII в. Автор анализирует причины заинтересованности Франции в Сиаме в рассматриваемую эпоху, уделяя особое внимание религиозно-идеологической основе и практической стороне разнообразной деятельности французских католических миссий (в особенности Ордена Иезуитов) в качестве главной движущей силы геополитической стратегии Франции в Сиаме и залога начального успеха этой стратегии.

Ключевые слова: геополитическая стратегия Франции, Сиам в XVII в., миссионерская деятельность, Орден Иезуитов, Общество Парижских иностранных миссий, Французская Ост-Индская компания, христианизация, колониальная политика.

УДК 811.411.21

Яфия Юсиф Джамиль, Мокрушина А. А. Рукописи, посвященные грамматике арабского языка (четыре рукописи из коллекции библиотеки Восточного факультета СПбГУ) // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 94–101.

В статье рассматриваются четыре рукописи под названием *ḥarakāt al-'irāb*, посвященные арабской грамматике, из фонда библиотеки Восточного факультета СПбГУ. Данные работы были подробно изучены с точки зрения содержания и оформления. Все рассмотренные рукописи схожи по содержанию и освещают основные вопросы арабской грамматики, такие как склонение имен, категория определенности имени, согласование числительного и исчисляемого, образование множественного числа, качественные и относительные прилагательные и т. д. Содержание работ также было проанализировано с точки зрения современной грамматики, в результате чего были выявлены некоторые неточности в тексте рукописи. Оригинал сочинения, с которого сделаны все четыре списка, неизвестен.

Ключевые слова: рукопись, рукописный фонд, письменная традиция, арабский язык, грамматика.

УДК 82-1/-9

Максудов У.О. **Арабские пословицы и поговорки: возникновение и развитие паремиологических словарей в арабской литературе** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 102–109.

Предметом настоящего исследования являются арабские пословицы и поговорки. Автор рассматривает вопросы, касающиеся возникновения и изучения сборников арабских пословиц и поговорок. Арабские пословицы интересовали многих литературоведов и философов, которые стремились сохранить словесное наследие, защитить язык от неарабского влияния. Литературоведы собирали, изучали и объединяли пословицы и поговорки в литературные сборники, где можно по ключевым словам найти любую необходимую паремию. Данная работа позволит расширить знания об арабском народе и понять его культуру.

Ключевые слова: арабская литература, пословицы, поговорки, Абухилиаль аль-Аскари, «Джамхарат аль-амсаль», паремиологические словари.

УДК 821.211

Филочкина А.В. **Вступление в брак эпической героини: сопоставление древнеиндийского эпоса с другими эпосами мира** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 110–117.

Автор исследует один из важнейших эпических мотивов — вступление героя в брак, анализируя древнеиндийские эпосы «Махабхарата» и «Рамаяна» и другие мировые эпосы. Ввиду культурных, исторических и ментальных особенностей народов мира, в каждом отдельно взятом эпическом памятнике этот мотив приобретает особые, неповторимые черты. Задача сравнительно-типологического анализа — выявить особенности мотива в связи с образом эпической героини.

Ключевые слова: мотив вступления в брак, героическое сватовство, эпос, миф.

УДК 94(=411.21)“19”

Джамиль Абу-Аджадж. **Развитие женского образования у бедуинов Израиля** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 118–123.

В бедуинском обществе Негева до недавнего времени не видели необходимости в том, чтобы дать образование девочкам, поскольку в традиционном кочевом обществе девочки воспринимались прежде всего как домашняя рабочая сила. С переходом бедуинов Негева к оседлому образу жизни полностью изменились хозяйственные отношения, как в обществе в целом, так и внутри традиционной семьи. Бедуины, все более включаясь в жизнь израильского общества, перенимали его принципы, и отношение к необходимости дать детям образование стало меняться. Постепенно родители убедились в необходимости обучения девочек в школах, и сегодня в Негеве среднее образование получают почти все бедуинки. Многие из них получают и высшее образование в колледжах и университете города Беэр-Шева. Включение в систему образования девочек со специальными потребностями протекало гораздо медленнее, но и здесь, по мере того как в традиционном обществе менялось отношение к особым детям, картина существенно изменилась.

Ключевые слова: бедуинское общество, пустыня Негев, женское образование, модернизация.

УДК 94

Мыльникова Ю.С. **Правовой статус матери и мачехи в системе традиционных отношений танского Китая** // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 124–128.

В танское время семейное и общественное положение матери было чрезвычайно высоким по сравнению с дотанской эпохой и временем правления последующих династий. Укреплению статуса матерей способствовал указ императрицы У-хоу, согласно которому удлинялся срок ношения траура по матери. Правовой статус мачехи при Тан также был выше, чем в предыдущий и последующий периоды истории. В основном это было связано с тем, что наложницу нельзя

было возвести в ранг законной жены. В статье также представлен обзор представлений танского времени о материнском долге.

Ключевые слова: правовое положение женщин, династия Тан.

УДК 94(510).03

Рыбаков В. М. Уголовное преследование бесконтактных покушений на личность по законам династии Тан. Часть 1 // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 129–137.

В статье проводится анализ правовых норм знаменитого танского уголовного кодекса «Тан люй шу и», посвященных покушениям на личность с помощью специфических методов. Эта специфика была связана с тогдашними высшими достижениями в области химии, медицины, биохимии и магии, направленными на разработку немеханических методов воздействия.

На примере анализируемых уголовных норм демонстрируется, как традиционная китайская культура адаптировала научно-технические новации к культурной традиции, встраивала в традиционную систему приоритетов. Традиционное китайское право было крайне озабочено соблюдением норм справедливости при определении наказания; эта озабоченность носила культурные и даже космологические корни. Справедливость же могла быть соблюдена лишь при точном учете соотношения возможностей преступника и жертвы. Следование этому принципу можно проследить и в отношении тех, кто сдвигал баланс возможностей в свою пользу тайными, малоизвестными способами. То же самое видно и на примере модификаций наказания за причинение ущерба высокотехнологичным способом не постороннему и равному по статусу человеку, но состоящему с преступником в какой-либо иерархической связи — родственной, социальной, должностной. Так, правила применения наказаний за обычные преступления в отношении, например, родственников действовали и применительно к отравительству, магии или колдовству.

Ключевые слова: традиционные общества, культура и уголовное право, покушения на личную физическую и духовную безопасность, представления о справедливости, новации и традиции.

УДК 33

Балаян Б. Т. Армения: рынок лизинговых услуг // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 138–145.

В статье анализируется состояние рынка лизинга Республики Армения. В частности, выявлены основные экономико-правовые барьеры на пути развития финансовой аренды, сделаны предложения по совершенствованию юридического урегулирования лизинговых услуг, расширению инфраструктуры финансового рынка. Представлены особенности ценообразования лизинговых услуг на финансовом рынке Армении, и на этой основе предложены пути разработки гибкой ценовой политики в процессе сдачи аренды основных средств. Рынок лизинговых услуг в республике еще находится в состоянии формирования и, следовательно, не действует по классическим законам экономики, вследствие чего на финансовом рынке при долгосрочных инвестициях доминирует долгосрочное кредитование. Исходя из этого выявлены мотивационные стимулы развития лизинговых отношений как в государственном, так и в частном секторе экономики Армении.

Ключевые слова: Армения, лизинг.

УДК 321/323.276(593)

Пугачева Е. В. Анализ причин политической нестабильности в современном Таиланде: Таксин Чинават и таиландская демократия // Вестн. С.-Петербург. ун-та. Сер. 13. 2012. Вып. 1. С. 146–153.

Статья посвящена проблематике происхождения политического кризиса, захватившего Таиланд в начале XXI в. в связи с приходом к власти премьер-министра Таксина Чинавата и его свержением в результате военного переворота 2006 г. Цель статьи состоит в выявлении предпо-

сылки кризиса, существовавших до появления Таксина Чинавата на политической арене Таиланда и обострившихся во время его правления и после его свержения. В задачи исследования входит изучение влияния Таксина Чинавата как популистского лидера и богатого бизнесмена не только на ход тайской истории и процесс экономического развития страны, но, в частности, на тайскую общественность, политическую элиту и королевский двор. Выводы статьи лягут в основу одной из глав кандидатской диссертации автора на тему «Феномен военных переворотов в Таиланде в контексте системы национальной и региональной безопасности в начале XXI века».

Ключевые слова: военный переворот, демократия, глобализация, коррупция властей, популизм, политическая элита, монархия, «цветные» оппозиции.

ABSTRACTS

Rakhimova S.K. **History of the studies of Turkic epic poems in Russia** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.3–10.

The studies of epics and folklore of Turkic-speaking peoples started in 19th century, with the expeditions aimed to collect folklore items being organized. The materials collected by the expeditions were described and analyzed by the scholars of the Petersburg University and by the local scholars who gained education in Russia. Epic poems of many Turkic peoples became known after 1917 but due to political reasons their studies were prohibited. The researches in this field are being currently carried out.

Keywords: epic poems, Epic of Manas, Radlov, Bartold, Zhirmunsky.

Zaripov I.R. **The morphological structure of the simple form I verb in Standard Arabic** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.11–19.

The article deals with the functions of the consonants and vowels of the simple form I verb. The research is based on the works by the native and foreign scholars, and is carried out in the light of the comparative analysis of the three-consonantal verbs registered in the modern Arabic dictionary al-Munjid. It proves the word distinctive function of a vowel by the middle radical consonant in the verbs formed by the model fa'ala, fa'ila and fa'ula.

Keywords: morphological structure, simple form I verb, root, discontinuous morpheme, word distinctive function.

Perednya A.D. **Category of declension in Ancient Uighur** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.20–26.

The article represents a tentative analysis of the category of declension in Ancient Uighur (VII–XIV) based on functional-semantic method.

The category of declension in Ancient Uighur includes 7 cases. The article pays special attention to the form -(y)n which represents instrumental and accusative after possessive suffixes.

Keywords: Ancient Uighur, category of declension, case.

Telitsin N.N. **On delimitation of the participles in the Old Uighur language** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.27–38.

The article provides a description of the verbal nomina of the Old Uighur language. These verb forms, traditionally regarded as the Participle, should be divided into Participle and substantive-adjective forms. In the Old Uygur language forms *-dačy, -yučy, -yma, -yly* should be classified as the adjective forms (Participle). Forms *-r, -yalyr, -myš, -duq, -juq, -yu, -yuluq, -syq* should be classified as substantive-adjective verb forms.

Keywords: The Old Uighur language, participle, verbal nomina.

Ulmезova L.M. **Category of Aspect in the Karachay-Balkar Language** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.39–47.

The article analyses the structure and functional peculiarities of the category of aspect in the Karachay-Balkar language. The category of aspect is one of the most important categories of the verb. The forms of the category of aspect perform their functions in the conjugation system.

Keywords: The Karachay-Balkar Language, the Category of Aspect, conjugation, form, system.

Yanson R.A. **Periodization of the Burmese phonological system (Part II: Rhymes)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.48–57.

The paper deals with the evolution of rhymes. It claims that the evolution of vowels took place before the overall merger of finals. The merger of finals can be traced only by the XVIIth century. It is

therefore possible to conclude that the rhymes acquired their present form by this period. At the same time, the chain of new phonological processes is being underway in the Modern Burmese.

Keywords: open and closed rhymes, medials, finals, correlates, symmetry, evolution.

Vradiy S. Yu. **“The Map of Russia (Aguk Yeojido)” — the First Korean Description of Primorsky Region** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P. 58–68.

This paper surveys a unique manuscript — “The Map of Russia”. The Map and accompanied description assumed to be one of the first important and rare documents written by Koreans about Russia. It is of considerable interest to those who study the XIX century history of interactions between Russia, Korea and China, the history of Korean community in the Primorsky region of Russia. The Map provides description of the disposition of military fortifications, it describes also the border line, the Korean settlements in Primorsky Russia, quantity of Koreans living within the territory. The author discusses the problem of the document’s authorship, the probable time of its writing, and evaluates the significance of the manuscript.

Keywords: XIX century Russia — China — Korea relations, the Map of Russia, Korean migration to Russia Far East.

Е Байчуань, Чжан Боно. **Sources as a basis to study the history of Ch’ing dynasty: a contemporary stage** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P. 69–74.

The paper deals with a work by modern Chinese scholars aimed to study the archives materials of the Ch’ing dynasty period available in the national archives. It is a part of the project made by the government of the People’s Republic of China to create a one-hundred-volume edition on the dynasty history.

Keywords: архивы империи Цин, государственный проект.

Pylev A. I. **Sufism of the Middle Asia Turks during the Karakhanid period (XI–XIIth centuries): the main features and representatives** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P. 75–84.

This article covers the main schools, trends and representatives of the mass ascetic and mystical Islamic doctrine — Sufism, in the Middle Asia of the 11–12th centuries. During the period in question, when the very first Turkic Sufi scholars (Khoja Ahmat Yasawi (died in 1166), his predecessors and followers) lived and preached, the Islamic Mysticism, developing as the doctrine of the spiritual intercourse and the reunion with the Singular God (this way conserving the monotheistic nature) turned into «the mass Islamic religion» (J. S. Trimmingham). Many of the Islamic mysticism representatives had been working as the Islamic missionaries amongst Turkic nomads. In general they were the Junaid al-Baghdadi’s (died in 910) «moderate» school followers and, strictly observing the Shari’ah laws, aimed at the conciliation of the Sufism and the normative Islam. In the Middle Asia of the 12th century the school — and in the future The Yasawi Order (fellowship) — was formed as the first purely Turkic trend of the Islamic Mysticism.

Keywords: The Middle Asia Sufism, Islamic Mysticism, Sufi schools, Sufi Orders (fellowships), «moderate» Sufism, asceticism, normative Islam, Shari’ah.

Pyleva A. I. **The work of the French catholic missionaries in the context of French geopolitical strategy in Siam in the 17th century** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P. 85–93.

This article covers the policy of France towards the Kingdom of Siam (Thailand) in the second half of the 17th century. In the article the author analyses the reasons of France’s interest in Siam during the period in question and pays special attention to religious-ideological basis and practical side of the versatile work of French catholic missionaries (that of the Society of Jesus in particular) being the main factor of the geopolitical strategy adopted by France towards Siam and the guarantee of success of the strategy.

Keywords: French geopolitical strategy, Siam in the 17th century, missionary work, Society of Jesus, Paris Foreign Missions Society, French East India Company, conversion to Christianity, colonial policy.

Yafia Yusif Jamil, Mokrushina A. A. **Four Manuscripts on the Arabic grammar (from the library of Asian and African Studies in St. Petersburg State University)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.94–101.

This article explores four manuscripts titled ḥarakāt al-ʿiṙāb, devoted to the Arabic grammar, from the library of Asian and African Studies in St. Petersburg State University. All the manuscripts are considered similar in terms of their content. The scripts from which these manuscripts were overwritten remain unknown.

Keywords: Manuscript, handwritten fund, written tradition, the Arabic language, grammar.

Maksudov U. O. **Arabic proverbs and sayings: origin, studying and writing collections of proverbs in Arabic literature** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.102–109.

The main concern of the article is the Arabian proverbs and sayings. It focuses on compiling and studying of the collections of the Arabian proverbs and sayings. The Arabian proverbs present interest to many literary critics and philosophers, who aspired to keep the proverb heritage, to protect the language from non-Arabian influence. Literary scholars had collected and studied proverbs and sayings in the literary collections. It is possible to find a necessary proverb by the keywords. The given work will allow to expand knowledge about the Arabian people and to understand their culture.

Keywords: Arabic Literature, proverbs, sayings, Abuhilal al-Askari, “Jamharat al-amthal”, dictionaries of proverbs.

Filochkina A. V. **Marriage of the epic heroine: comparison of the ancient Indian and other world eposes** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.110–117.

The article investigates one of the most important epic motives — heroine’s marriage — by analyzing ancient Indian epics of “Mahabharata” and “Ramayana” and other world eposes. Due to the cultural, historical and mental features of peoples of the world, this motif takes its specific and unique form in epics. The objective of a comparative-typological analysis is to identify the peculiarities of the motif in relation to the “female” epic character.

Keywords: motif of marriage, heroic marriage, epics, myth.

Jamil Abu-Ajaj. **Secondary Education for Girls in the Bedouin Society of Negev** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.118–123.

Up to the recent times the Bedouin society of Negev, Israel, did not regard girls’ education as necessary due to the traditional view that girls in the traditional nomad society were seen as nothing but household servants. During transition to the sedentary life the economic relations have been changed in the society in general and in the family life in particular. As far as the Bedouin are included into Israeli society and adopted its principles, their attitude to children education has been changing. Gradually parents have been persuaded that girls have to study in schools, and now nearly all girls of the Bedouin milieu are gaining secondary education and many of them have access to the higher education at colleges and the Be’er-Sheva University. The process of integration of girls with special requirements into the educational system is going on slower, but even in this respect situation in the traditional society has significantly changed.

Keywords: Bedouin society, Negev, education for girls, modernisation.

Mylnikova Yu. S. **Legal status of mothers and stepmothers in the family hierarchy of imperial China (Tang dynasty)** // Vestnik St. Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.124–128.

During the reign of the Tang dynasty social status and family position of mothers was extraordinary high in comparison with the pre-Tang period. The imperial decree of Empress Wu Ze-tian strengthened the position of mothers. The legal status of stepmothers was also higher than in the previous period due to the fact that concubines could not be elevated to the rank of legal wife. The article also focuses on Buddhism influence upon motherhood.

Keywords: legal status of women, Tang dynasty.

Rybakov V.M. **The T'ang criminal law about prosecution of attempts on the person** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.129–137.

The article analyzes legal norms of the famous T'ang dynasty criminal Code «T'ang lü shu yi», dedicated to consider attempts on the person made by specific methods. This specific character was connected with achievements in the field of chemistry, medicine, biochemistry and magic.

The traditional Chinese law was extremely anxious about correspondence between gravity of the offence and severity of the punishment. This concern has broad cultural and even cosmological background. Therefore observance of justice was one of the main requirements at delivering a sentence. The justice could be kept, in particular, only when the balance of capabilities of the criminal to commit a crime and of a victim to prevent this crime was strictly taken into account. Even at common affray the simple rod taken by one of fighters upset such a balance, therefore his punishment was more severe. The observance of the same principle can be traced in the situations, when violations of balance of capabilities were carried out in strange, hermetic, little-known ways.

Another important point is that all these ways of influence were incorporated by criminal law into a conventional system of values. This fact can be discovered in the modifications of punishment in the situations when high-tech ways of impact were used against those who were connected with the criminal by any hierarchic structures: kindred, social, official. All complicated norms, designed for customary crimes against, for example, relatives, in cases of magic, wizardry or poisoning remained in force. The criminal norms were a good example of adaptation of technological innovations by the traditional Chinese culture.

Keywords: traditional societies, criminal law and culture, personal physical and psychological security, ideas of justice, innovation and tradition.

Balayan B.T. **Armenia: Leasing Market** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.138–145.

The article analyzes today's leasing market in Armenia. It reveals the main economic and juridical obstacles on the way to develop financial renting, makes suggestions in order to improve juridical regulation of leasing operations and to expand the infrastructure of the financial market in the RA.

Keywords: Armenia, leasing.

Pugacheva E.V. **On the reasons of political instability in contemporary Thailand: Thaksin Shinawatra and Thai democracy** // Vestnik St.Petersburg University. Ser. 13. 2012. Issue 1. P.146–153.

The article aims to reveal the reasons of the political crisis in Thailand at the beginning of the XXI century which are closely connected to the consequences of the ruling of the former prime-minister Thaksin Shinawatra and the coup d'état against his government in 2006. The main goal of the article is to analyze the preconditions of political instability that had existed in Thailand before prime-minister Thaksin appeared on the political arena and that exacerbated during and after his government leading to the military coup and political unrest. The article presents an attempt to reveal the place and role of Thaksin, a rich businessman and a famous populist leader, in the political and economic history of Thailand through the analysis of his relations with the ordinary Thai people, political elites and the royal court. The findings of the article will be included in one of the chapters of the author's PhD thesis on "The phenomenon of military coups in Thailand within the context of national and regional security at the beginning of the XXI century".

Keywords: coup d'état, democracy, globalization, corruption in power, populism, political elites, monarchy, "coloured" oppositions.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Балаян Борис Тигранович, аспирант кафедры статистики, учета и аудита экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: balboris@bk.ru

Врадий Сергей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; e-mail: vradis@yandex.ru

Джамиль Абу-Аджадж, аспирант кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, преподаватель факультета специальной педагогики Колледжа «Кей» (Беэр-Шева); e-mail: mrodio@yandex.ru

Е Байчуань, доктор исторических наук, научный сотрудник Института истории династии Цин при Народном университете Китая (Пекин); e-mail: babee@yandex.ru

Зарипов Ильнур Ренатович, аспирант кафедры арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: ilnurspb@mail.ru

Максудов Умед Олимович, аспирант кафедры арабской филологии Восточного факультета Худджандского государственного университета имени академика Б. Гафурова; e-mail: maksudovumedjon_1985@mail.ru

Мокрушина Амалия Анатольевна, кандидат филологических наук, ассистент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: kodzik@inbox.ru

Мыльникова Юлия Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: mylnikova_yulia@hotmail.com

Передня Александра Дмитриевна, аспирантка кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: alexisse@yandex.ru

Пугачева Екатерина Владимировна, аспирант кафедры стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: khatriya_me@hotmail.com

Пылев Алексей Игоревич, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: pylev_aleksey@mail.ru

Пылева Анастасия Игоревна, аспирант кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: pyleva_anastasiya@mail.ru

Рахимова Софья Камильевна, соискатель кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: sofya-rahimova@rambler.ru

Рыбаков Вячеслав Михайлович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института восточных рукописей РАН; e-mail: Ouyangtsev@mail.ru

Телицин Николай Николаевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: nnt@orient.pu.ru

Ульмезова Лейля Мурадиновна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры тюркской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: leylaulmezova@mail.ru

Филочкина Анастасия Вячеславовна, аспирант кафедры индийской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, сотрудник Службы обеспечения магистратуры Учебного отдела по направлениям востоковедение, журналистика, искусства и филология Учебного управления Санкт-Петербургского государственного университета, специалист по учебно-методической работе 1-й категории; e-mail: filoch@gmail.com

Харатишвили Генрико Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: vestnik.vf@mail.ru

Чжан Боно, доктор филологических наук, сотрудник Института иностранных языков при Пекинском педагогическом университете; e-mail: babee@yandex.ru

Янсон Рудольф Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Юго-Восточной Азии и Кореи Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: yanson@ry1703.spb.edu

Яфия Юсиф Джамиль, кандидат филологических наук, доцент кафедры арабской филологии Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета; e-mail: yhana@mail.ru

CONTENTS

Russia and the East

<i>Rakhimova S. K.</i> History of studies of turkic epic poems in Russia	3
--	---

Linguistics

<i>Zaripov I. R.</i> The morphological structure of the simple form I verb in Standard Arabic.....	11
<i>Perednya A. D.</i> Category of declension in Ancient Uighur	20
<i>Telitsin N. N.</i> About the delimitation of the participles in the Old Uighur language	27
<i>Ulmezova L. M.</i> The Category of Aspect in the Karachay-Balkar Language	39
<i>Yanson R. A.</i> Periodization of the Burmese phonological system. Part II: Rhymes.....	48

History and Source Studies

<i>Vradiy S. Yu.</i> “The Map of Russia (Aguk Yeojido)” — the First Korean Description of Primorsky Region. Part 1	58
<i>Ye Baichuan, Zhang Bonuo.</i> Sources as a basis for studying the history of Ch'ing dynasty: contemporary stage	69
<i>Pylev A. I.</i> The Middle Asia Turks' Sufism during the Karakhanid period (XI–XII centuries): the main features and representatives	75
<i>Pyleva A. I.</i> The work of the French catholic missionaries in the context of French geopolitical strategy in Siam in the 17 th century.....	85
<i>Yafia Yusif Jamil, Mokrushina A. A.</i> Four Manuscripts, devoted to the Arabic grammar (from the library of Asian and African Studies in St. Petersburg State University).....	94

Literary Studies

<i>Maksudov U. O.</i> Arabic proverbs and sayings: origin, studying and writing collections in Arabic literature.....	102
<i>Filochkina A. V.</i> Marriage of the epic heroine: comparison of the ancient Indian and other world eposes	110

Geocultural Spaces and Codes of the Cultures of Asia and Africa

<i>Jamil Abu-Ajaj.</i> Development of female education among the Bedouin of Israel	118
<i>Mylnikova Yu. S.</i> Legal position of mothers and stepmothers in the family hierarchy of imperial China (Tang dynasty).....	124
<i>Rybakov V. M.</i> The T'ang criminal law about prosecution of contactless attempts on the person. Part 1	129

International Relations, Political and Economic Studies of Asia and Africa

<i>Balayan B. T.</i> Armenia: Leasing Market	138
<i>Pugacheva E. V.</i> Analysis of the reasons for political instability in contemporary Thailand: Thaksin Shinawatra and Thai democracy	146

In Memoriam

<i>Kharatishvili G. S.</i> Zakhar Korganov (Zurab Korganashvili). In memoriam of the first (?) Georgian student of St. Petersburg University (1817–1821)	154
--	-----

Abstracts	163
------------------------	-----

Authors	167
----------------------	-----

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК СПбГУ»

- Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
- Ответственный редактор и ответственный секретарь серии определяют соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляют ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.
- Рецензенты уведомляются о том, что присланные им материалы являются собственностью авторов и содержат сведения, не подлежащие разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей.
- Сроки рецензирования определяются ответственным секретарем серии.
- В рецензии должно быть указано: а) соответствует ли содержание статьи ее названию, б) в какой мере статья соответствует современным достижениям в рассматриваемой области науки; даны: в) оценка формы подачи материала, г) целесообразность публикации статьи, д) детальное описание достоинств и недостатков статьи.
- Рецензирование проводится анонимно. Автору статьи предоставляется возможность ознакомиться с текстом рецензии. Нарушение анонимности возможно лишь в случае заявления рецензента о плагиате или фальсификации материалов, изложенных в статье.
- Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, ответственный секретарь серии направляет автору текст рецензии с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи или аргументировано их опровергнуть. Переработанная автором статья повторно направляется на рецензирование.
- В случае, когда рецензент не рекомендовал статью к публикации, редколлегия может направить статью на переработку с учетом сделанных замечаний, а также направить её другому рецензенту. Текст отрицательной рецензии направляется автору.
- Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией серии и фиксируется в протоколе заседания редколлегии.
- После принятия редколлегией серии решения о допуске статьи к публикации ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации. Текст рецензии направляется автору.
- Оригиналы рецензий хранятся в редколлегии серии в течение пяти лет.

КАК СОСТАВИТЬ РЕЗЮМЕ (SUMMARY)

Резюме — один из видов сокращенной формы представления научного текста. Назначение резюме — привлечь внимание читателя, пробудить читательский интерес минимальными языковыми средствами: сообщением сути исследования и его новизны. И то и другое должно быть указано в резюме, а не подразумеваться. Все научные статьи в журнале должны иметь авторские резюме.

Резюме (summary) — особый жанр научного изложения текста, определяющий структуру его содержания. Жанровое отличие резюме от статьи подразумевает отличие в форме изложения. Если в статье должна быть логика рассуждения и доказательства некоего тезиса, то в резюме — констатация итогов анализа и доказательства. Таким образом, формулировки в тексте резюме должны быть обобщенными, но информативными, т.е. построены по предикатам («что сказано»), а не по тематическим понятиям («о чем сказано»).

Существуют требования к объему резюме и структуре содержания. Для статей, публикуемых в журнале «Вестник Санкт-Петербургского университета», оптимальный объем авторского резюме на русском и английском языках — 500-900 знаков с пробелами.

В мире принята практика отражать в авторских резюме краткое содержание статьи. Иногда в резюме сохраняется структура статьи — введение, цели и задачи, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

Некачественные авторские резюме в статьях повторяют по содержанию название статьи, насыщены общими словами, не излагают сути исследования, недопустимо короткие.

Резюме всегда сопровождается ключевыми словами. Ключевое слово — это слово в тексте, способное в совокупности с другими ключевыми словами представлять текст. Ключевые слова используются главным образом для поиска. Набор ключевых слов публикации (поисковый образ статьи) близок к резюме. Тексты резюме с ключевыми словами должны быть представлены на русском и английском языках.

Качественное авторское резюме на английском языке (summary) позволяет:

- ознакомиться зарубежному ученому с содержанием статьи и определить интерес к ней, независимо от языка статьи и наличия возможности прочитать ее полный текст;
- преодолеть языковой барьер ученому, не знающему русский язык;
- повысить вероятность цитирования статьи зарубежными коллегами.

То же касается авторских резюме на русском языке, но — для российских ученых и ученых, читающих на русском языке. Качественные авторские резюме — необходимость в условиях информационно перенасыщенной среды.

ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ

Одним из ключевых показателей, широко используемым во всем мире для оценки работы исследователей и научных коллективов, является индекс цитирования и импакт-фактор журнала, в котором были опубликованы статьи. Оценить влияние ученого или организации на мировую науку, определить качество проведенных научных исследований дают возможность статистические данные баз данных по цитированию журнальных публикаций.

Что такое индекс цитирования? Это специализированный информационный продукт, в котором собирается и обрабатывается полная библиографическая информация о журнальных статьях, аннотации и пристатейные списки цитируемой в статьях литературы. Такая база позволяет находить как публикации, цитируемые в отдельно взятой статье, так и публикации, цитирующие эту статью. Таким образом, пользователь может проводить эффективный масштабный поиск библиографии, охватывающей весь фронт публикаций по интересующей его теме или предмету.

Импакт-фактор журнала — один из формальных критериев, по которому можно сопоставлять уровень научных исследований в близких областях знаний. При присуждении грантов, выдвижении на научные премии (включая Нобелевскую) эксперты непременно обращают внимание на наличие у соискателя публикаций в журналах с высоким импакт-фактором. Импакт-фактор журнала — это дробь, знаменатель которой равен числу статей, опубликованных этим журналом в течение заданного периода (обычно это период в два года), а числитель — число ссылок (сделанных за этот же период в различных источниках) на указанные выше статьи. При этом подразумевается, что чем выше значение импакт-фактора, тем выше научная ценность, авторитетность журнала.

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) — интегрированная информационно-аналитическая система по научным публикациям. РИНЦ создается Научной электронной библиотекой LIBRARY.RU в рамках проекта, инициированного Федеральным агентством по науке и инновациям (Роснаука). В РИНЦ включаются наиболее авторитетные российские научные журналы. РИНЦ — это механизм, позволяющий оценить уровень научного издания на основе формальных и объективных критериев. Основным таким критерием является относительный показатель цитирования статей, опубликованных в данном журнале, то есть, его импакт-фактор. Самое высокое значение импакт-фактора РИНЦ среди Вестников СПбГУ в 2010 г. — 0,197 — у серии 1 (Математика. Механика. Астрономия).

Согласно решению Президиума ВАК N 45.1-132 от 14.10.2008 г. все российские научные журналы, претендующие на включение в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, должны быть представлены и оценены в РИНЦ.

Обращаем ваше внимание на единый формат оформления пристатейных библиографических списков в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка»*. Более подробную информацию можно получить на сайте www.elibrary.ru.

*Информация приводится по http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/regl.Pdf

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ОСНОВАН В 1724 ГОДУ.
1824 – ГОД ВЫХОДА В СВЕТ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА
